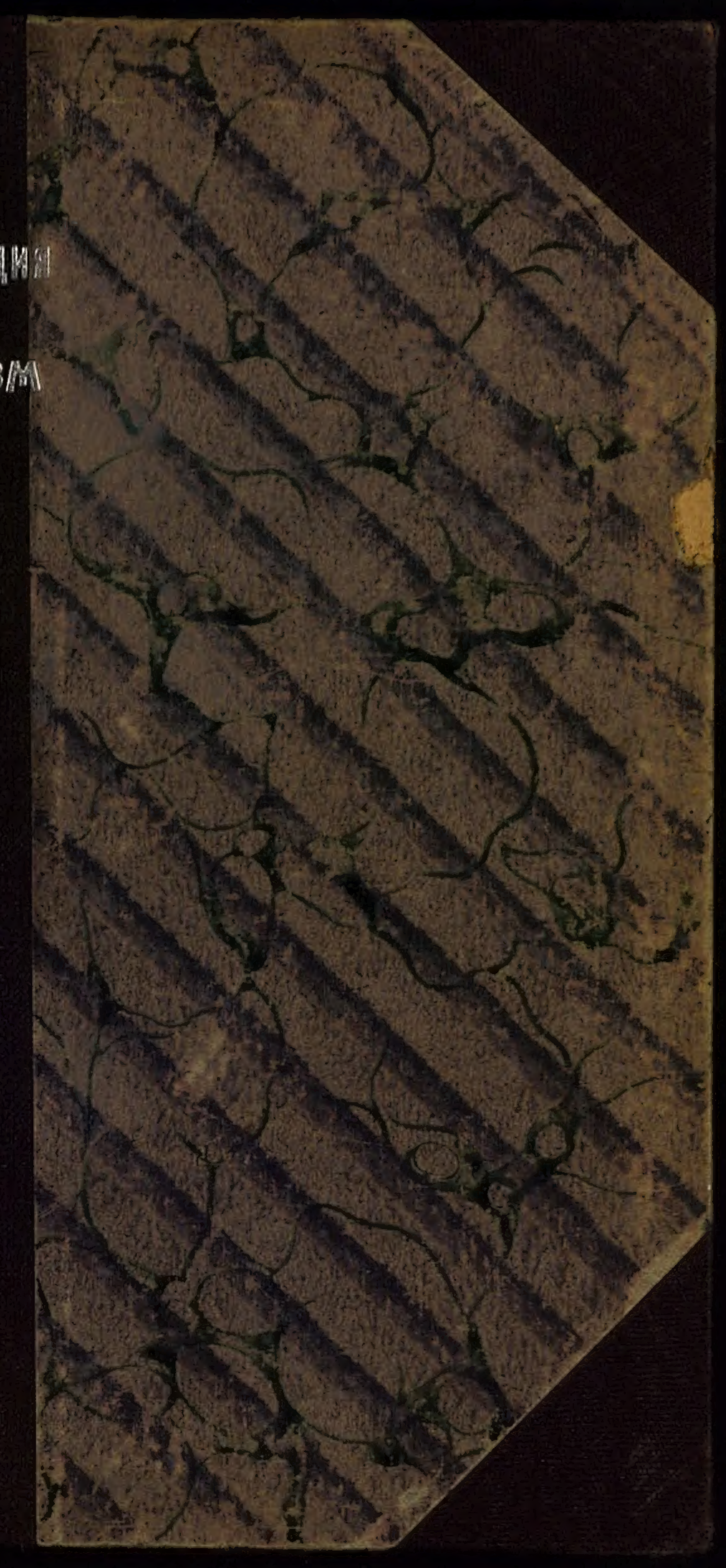
Зиновьев

Война, Революция и Меньшевизм

2 р. 25 к.

Г. ЗИНОВЬЕВ

ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ И МЕНЬШЕВИЗМ

1931

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г. ЗИНОВЬЕВ

ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ И МЕНЬШЕВИЗМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1931 ★ ЛЕНИНГРАД

Редактор Г. Е. РЕЙХБЕРГ

Техредактор М. К. ПИОТРОВИЧ

Соцэкгиз № 205/м. С—44

Ленинградский Областлит № 11945 Тираж 5.000—14 л. Заказ № 510

Государств. тип. имени Евг. Соколовой, Ленинград, просп. Красн. Командиров, 29

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Статьи, собранные в настоящей книжке, затрагивают преимущественно «иностранную политику» меньшевизма — русского и международного.

В брошюре «Социализм и война» В. И. Ленин еще в начале мировой войны сжато и выпукло обрисовал эволюцию меньшевизма: «экономизм» видоизменился в меньшевизм, меньшевизм — в ликвидаторство, ликвидаторство — в социал-шовинизм. Затем пришлось прибавить: социал-шовинизм — в *интервенционизм.*

Для освещения позиции русских меньшевиков в начале мировой империалистской войны — «перерастание» меньшевизма в социал-шовинизм — автор перепечатал (с сокращениями и незначительными изменениями) старую статью, впервые появившуюся в России в сборнике «Против течения», а также небольшой отрывок из брошюры «Социализм и война». Позиция русских меньшевиков в последние периоды освещена в статьях, частью помещенных в 1929—1930 гг. в «Большевике» и «Правде», частью в новых статьях, еще нигде не напечатанных.

В состав сборника включены две статьи, довольно подробно разбирающие «идеологию» современных вождей «*международного*» меньшевизма. В основу разбора положены две «программных» работы Фридриха Адлера. Секретарь II Интернационала причисляет себя к «левым» с.-д. вождям. Роль Ф. Адлера в мировой империалистской войне известна. В 1914—1917 гг. он отошел от господ Шейдеманов, но только для того, чтобы через короткое время притти... к господам Носке. И вот характерно, что теперь именно Ф. Адлер ревностно готовит «идеологическую» аммуницию к предстоящей новой войне. Именно Адлер подыскивает «левые» аргументы для защиты той палаческой роли, которую собираются играть социал-фашистские вожди в подготовляющейся войне. Эти работы Адлера бросают достаточно яркий свет на состояние

умов всего руководящего штаба II Интернационала. «Аргументация» других вождей II Интернационала еще более груба.

Одна из наших статей, посвященных разбору работ Адлера, была напечатана в журнале «Молодая гвардия» («Софизмы изменника»). Другая печатается впервые («Что сделает социал-демократия во время войны»).

Нынешним летом в Вене состоится конгресс II Интернационала. Этот конгресс вне всякого сомнения станет ***конгрессом подготовки*** к интервенции против СССР. Венскому конгрессу предшествуют съезды национальных с.-д. партий — Голландской, Бельгийской, Германской, Французской и др. Все эти национальные с.-д. съезды тоже на деле являются съездами подготовки интервенции против СССР. На этих съездах конечно не примут открытых решений за интервенцию. В недавней статье, которую г. Ф. Адлер посвятил итогам судебного процесса над меньшевиками, он перечислил с дюжину резолюций «против» интервенции, в свое время принятых господами с.-д. Они и в Вене примут такую показную резолюцию. А за кулисами будет готовиться работа против СССР.

В. И. Ленин не даром писал: «Всякая сколько-нибудь значительная война подготовляется заранее. Когда готовится революционная война, демократы и социалисты не боятся наперед заявить, что они стоят за «защиту отечества» в подобной войне. Когда же, напротив, готовится реакционная война, ни один социалист не решается заранее, т. е. до объявления войны, определить, что он будет за «защиту отечества» в подобной войне... Социал-шовинисты и центристы будут избегать всякого открытого заявления по этому предмету и будут продолжать вилять, лгать, запутывать вопрос и отделываться софизмами». [1]

Именно в этой стадии находится дело сейчас. Вилять, лгать, запутывать вопрос и отделываться софизмами — всем этим приходится теперь заниматься вождям II Интернационала прежде чем они смогут окончательно скинуть маску.

Предлагаемый сборник статей, разумеется, ни в малой степени не претендует на полноту и систематичность изложения. Подбор статей более или менее случаен. Быть может, однако, книжка и в нынешнем виде пригодится читателю теперь, когда подготовка «международного» меньшевизма к новой войне против СССР ведется на всех парах.

Май 1931 г.

---

[1] *В. И. Ленин*, «Новые статьи и письма», 1930, 25—26.

I. ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ.
О СВЯЗИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ С ВНЕШНЕЙ.

Иностранная политика меньшевизма — русского и международного — разумеется, теснейшим образом связана с его внутренней политикой. Разногласия между большевизмом и меньшевизмом, начавшись на арене внутренней политики, очень быстро перешли и на арену политики внешней. Первое острое разногласие большевиков с меньшевиками относится к 1903 г. — II съезд РСДРП. Оно относилось сначала как-будто только к вопросам внутренней политики. Но уже в 1904 г. — всего через год — большевики спорят с меньшевиками и по вопросам политики внешней. И притом — по такому острому вопросу, как война. (Тактические лозунги в отношении к русско-японской войне.)

Иностранная политика любого класса и любой партии есть продолжение их внутренней политики. «Последовательный» оппортунизм «мирного» времени неизбежно должен был превратиться в «законченный» шовинизм, когда наступила война, и притом война такого размаха и такой напряженности, какими отличалась война 1914—1918 гг. А с другой стороны, ставши социал-шовинистской в области внешней политики, социал-демократия не могла не скатиться к еще более реакционной позиции в области политики внутренней. Между внутренней и внешней политикой любого класса и любой партии существует диалектическая связь.

Но именно эту связь теоретики международного меньшевизма пытаются отрицать. Ниже мы увидим это на примере такого выдающегося теоретика международного меньшевизма, как К. Каутский. Отрицать факт классовой борьбы в сфере внутренней политики невозможно — даже для буржуазии. Взаимоотношения классов здесь слишком обнажены, борьба за кусок хлеба (зачастую в буквальном смысле слова) слишком элементарна, различия в классовом положении слишком очевидны. Не то — сфера политики иностранной. Тут и буржуазия еще с известным успехом пользуется рядом «учений»,

затушевывающих классовый смысл борьбы. А тем более меньшевизм.

Борьба между большевизмом и меньшевизмом не могла не охватить сферу иностранной политики, не могла не приобрести международный характер. Но это произошло не сразу...

«Война есть продолжение политики иными средствами», — сказал 100 лет тому назад Клаузевиц. Это изречение особенно популяризировал и прославил Ленин. «Это знаменитое изречение принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам, Клаузевицу», — писал Ленин в брошюре «Социализм и война» в 1915 г. «Марксисты, — продолжал он, — справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны».

Крайне интересно отметить, что в этом положении Клаузевица — казалось бы, совершенно бесспорном и выраженном совершенно объективно, абстрактно-теоретически, — ставший ренегатом Каутский увидел оружие, направленное против социал-демократии. В своем недавнем сочинении «Материалистическое понимание истории» Каутский пытается «поправить» Клаузевица: «Строго говоря, нельзя формулировать так, как это формулирует Клаузевиц в его книге о войне. (Кн. I, гл. 1, § 24.) Клаузевиц говорит, что война есть продолжение политики другими средствами». Между тем, по мнению Каутского, надо было бы сказать: «есть только продолжение *внешней* политики». «Иначе, — мотивирует Каутский, — пришлось бы гражданскую войну также причислить к войнам». Между тем, гражданская война есть-де особое явление, с особыми предпосылками, законами и целями. Это видно уже потому, как *начинаются* гражданские войны. Гражданская война вспыхивает, но она «никем не объявляется, и никто предварительно не решает, что гражданская война начнется» [1].

Эта запоздалая попытка Каутского «ревизовать» одно из коренных положений Клаузевица крайне характерна для современных теоретиков международного меньшевизма. Они пытаются «поправить» Клаузевица как раз в том пункте, в котором его особенно ценили и поддерживали Энгельс и Ленин. Между этой, на первый взгляд чисто академической, попыткой престарелого Каутского «поправить» Клаузевица и отнюдь не

---

[1] *К. Каутский,* Материалистич. понимание истории, т. II, стр. 66.

академической ролью современных практических вождей «мировой» социал-демократии в походе империалистов против СССР есть теснейшая связь. По Каутскому выходит, что война есть не продолжение политики вообще, а лишь продолжение *внешней* политики. Другими словами, Каутский хочет отстранить, элиминировать или, по крайней мере, затушевать затенить вопрос о связи войны с политикой внутренней, хочет отделить китайской стеной внутреннюю политику от политики внешней. Война, видите ли, есть не продолжение политики вообще, политики в целом, а лишь продолжение «внешней» политики. Да разве внешняя политика сама не связана тысячами нитей с внутренней — и наоборот? Разве новейшая история человечества не показала нам образцы прямого *превращения* внешней войны в войну внутреннюю, империалистской войны в войну гражданскую? Разве не видим мы, например, в России воочию, как вопрос о пятилетке и об уничтожении в СССР кулачества как класса (вопрос «внутренней» политики) «смыкается» с определенным фазисом «*внешней*» политики империалистов в отношении СССР? Разве не читали мы, например, заявлений политиков польской буржуазии, вдохновляемых англо-французскими империалистами, в которых говорилось: мы вызовем крестьянские (читай — кулацкие) восстания, например на Украине, и попытаемся затем превратить их во внешнюю войну против СССР.

Классовой правды в сочинениях генерала Клаузевица, написанных 100 лет тому назад, несравненно больше, чем в нынешних, якобы марксистских, писаниях Каутского.

«Война только средство, и никогда нельзя мыслить средство без цели».

«Ни при каких условиях мы не должны мыслить войну как *нечто самостоятельное,* а как орудие политики; только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей».

«Война есть столкновение значительных интересов, которое разрешается кровопролитием, и только этим она отличается от других общественных конфликтов».

«В политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ — в их зародыше».

«Всякая эпоха имела свои собственные войны».

«Война является лишь частью политических отношений, а отнюдь не является чем-то самостоятельным».

«Война есть не что иное, как продолжение политических отношений с привнесением иных средств».

«Война, как таковая, не может следовать своим собственным законам, а должна рассматриваться как часть другого целого, и это целое — политика».

«Конечно, политический элемент не проникает вглубь до всех мелочей войны: пикеты и патрули выставляются не по политическим соображениям; но тем решительнее влияние политического элемента при составлении плана всей войны, плана кампании и часто даже плана сражения».

«Всякая война должна прежде всего рассматриваться по вероятности своего характера и по главным очертаниям, вытекающим из политических величин и отношений».

«Война есть орудие политики; она неизбежно должна носить характер последней; ее следует мерять мерой политики... Ведение войн в своих главных очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч».

Все эти определения принадлежат Клаузевицу; они рассыпаны у него на протяжении трех томов его труда; каждое из них дышит диалектикой, каждое из них заслуживает такой же популяризации, как и основное определение Клаузевица: война есть продолжение политики только другими (именно — насильственными) средствами.

Появление в XII ленинском сборнике подробного ленинского конспекта трех томов Клаузевица является крупным событием. Этот конспект поможет всем нам еще раз глубже вдуматься и отдать себе наиболее полный отчет в том, какова связь вежду войной и политикой, каково соотношение между политикой внутренней и политикой внешней.

Каждая эпоха имеет свои войны. Подготовляющаяся в нашу эпоху война — война против СССР — есть продолжение политики империализма. *«Внешняя» политика современного «мирового» меньшевизма есть продолжение его внутренней политики, — его участие в борьбе против СССР есть продолжение его участия в борьбе против революционных интересов рабочего класса своей собственной страны.*

Связь внутренней политики с политикой внешней особенно наглядно проявляется в революционную и предреволюционную эпохи. Связь между внутренней политикой русского царизма и его внешней политикой существовала, разумеется, всегда, но она проявилась особенно наглядно, особенно «сочно» в предреволюционную эпоху. По мере того как созревал революционный кризис в России, эта связь определялась с такой ясностью, что ее можно было ощупать рукою.

С тех пор как на мировой арене появилось первое про-

летарское государство, связь между внутренней и внешней политикой окружающих это социалистическое государство буржуазных стран приобрела еще большую наглядность. В самом деле, что больше беспокоит сейчас империалистскую Англию: введение 7-часового рабочего дня в СССР (вопрос «внутренней» политики) или образование самостоятельной социалистической Таджикской республики (вопрос «внешней» политики)? Ведь об образовании Таджикской республики вносился особый запрос твердолобыми! Что больше беспокоит империалистов: рост влияния Советского союза в рядах пролетариата западных стран или рост влияния Советского союза среди угнетенных народов колоний и полуколоний? Что больше беспокоит империалистов, скажем, Франции: успехи пятилетки, успехи коллективизации сельского хозяйства в Советском союзе (вопрос «внутренней» политики) или увеличение мощи нашей Красной армии (вопрос «внешней» политики)? Что больше беспокоит империалистов Америки, буржуазных политиков Германии, — словом, представителей мирового капитала: успехи нашей индустриализации (вопрос «внутренней» политики) или рост коммунистического влияния в Китае, в Индии, во всем мире (вопрос «внешней» политики)? Конечно, и то и другое! Ну, а что касается буржуазной рабочей партии нынешней эпохи, т. е. современного меньшевизма, превратившегося в партию социал-фашизма, то тут дело еще яснее. Кого больше должна ненавидеть современная контрреволюционная социал-демократия: Советский союз или Коминтерн? Попробуйте хоть на один момент «войти в положение» вождя современной контрреволюционной социал-демократии. Разве же не ясно, что его отношение к Советскому союзу есть для него в одно и то же время *и* коренной вопрос внутренней политики *и* не менее коренной вопрос политики внешней?

* * *

Современную роль социал-демократии, которая является ныне только частью буржуазного лагеря, лучше всего проиллюстрировать на двух вопросах. Мы говорим, во-первых, об отношении «рабочего» правительства Макдональда к США; мы говорим, во-вторых, об участии социал-демократии в «крестовом» походе мировой буржуазии по поводу мнимых религиозных гонений в СССР. Это примеры как-будто из совершенно различных областей, но оба они бросают как нельзя более яркий свет на интересующий нас вопрос — только

с различных пунктов. Оба эти примера как нельзя более убедительно иллюстрируют теснейшую связь между внутренней политикой социал-демократии и ее внешней политикой.

Принято говорить, что иностранная политика современного «рабочего» правительства Макдональда есть только продолжение иностранной политики консервативного правительства Болдуина. В действительности это и так и не так. Иностранная политика правительства Макдональда в ряде пунктов земного шара действительно есть только повторение, продолжение политики Болдуина. Но, например, в таком коренном вопросе, как вопрос о взаимоотношениях Англии с США, «рабочее» правительство Макдональда ведет политику еще более (поскольку это возможно) буржуазную, еще более контрреволюционную, нежели правительство Болдуина. Макдональдовское правительство в этом отношении «опередило» консерваторов. Свою «американскую» политику Макдональд и его партия интерпретируют, конечно, как пацифизм, как политику сокращения вооружений, как борьбу за смягчение противоречий между Америкой и Англией. На деле же это есть политика более ускоренной подготовки войны против СССР. Правительство Макдональда делает все возможное и невозможное для того, чтобы договориться с США и создать базу для антисоветского фронта.

Такая политика английской Рабочей партии, играющей ныне вместе с германской социал-демократией решающую роль во II Интернационале, неразрывно связана с отношением вождей современной «мировой» социал-демократии к нынешней империалистской Америке. На капиталистическую Америку вожди социал-демократии возложили большие надежды против развивающейся на их глазах, пугающей их до беспамятства, ненавистной им мировой революции. Вся теория «организованного капитализма», пророками которой и выступают современные теоретические вожди II Интернационала, связана прежде всего с надеждами на «непобедимую» мощь капиталистической Америки. Наиболее дальновидные вожди современной германской социал-демократии едва ли сомневаются в том, что без поддержки американского капитала им не удалось бы уже и теперь отстоять твердынь капитализма в Германии. Последний «аргумент», последнее прибежище против «гидры» мировой революции весь международный реформизм видит именно в Америке. Современная социал-демократия прямо молится на американский империализм. Самая золотая мечта, какую лелеют нынешние вожди европейской

социал-демократии, заключается в «идеале» перенесения американских методов в европейское рабочее движение. Лозунг «американизации рабочего движения» есть только обратная сторона надежд вождей II Интернационала на то, что если будет уж очень худо, то американский дядюшка все-таки спасет от революции.

В этом смысле можно сказать, что современная политика правительства Макдональда в отношении США есть подлинное выражение политики всего II Интернационала.

Но антагонизмы, существующие между империалистской Англией и империалистской Америкой, обостряются. Никаким Макдональдам не удастся уничтожить или даже серьезно сгладить англо-американских противоречий, кои росли, растут и будут расти. Эти противоречия неизбежно приведут к гигантской войне, поскольку эту войну не предупредит пролетарская революция. Во всем основном рукой правительства Макдональда водит английская буржуазия, которая отвела лишь узкие пределы тому, что является специфическим в его американской политике. Но разве же не характерно, что именно правительство, возглавляемое вождем II Интернационала, считает своей специфической задачей установление таких отношений с американским империализмом, — хотя бы на краткий период, — которые позволили бы, как они надеются, нанести решающий удар ненавистному Советскому союзу.

А другой пример последнего времени! Еще года два тому назад его не могли бы выдумать самые непримиримые к социал-демократии коммунисты, даже если бы они дали самый большой простор своей фантазии. Мы говорим об участии социал-демократии в «религиозном» походе империалистов против СССР. Пожалуй, далеко не все поверили бы еще год тому назад, если бы кто-либо сказал, что вожди социал-демократии окажутся способными прямо и открыто поддержать такую кампанию, как кампания папы римского и архиепископа кентерберийского против мнимых религиозных гонений в СССР. А ведь и такая кампания оказалась возможной! Центральный орган германской социал-демократии «Форвертс» — газета, созданная Августом Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом — в течение недель отводила все свои первые столбцы на перепечатку деклараций и заявлений названных мракобесов, поддерживая их целиком и полностью. Мы не говорим уже об английских, с позволения сказать, социалистах, возглавляемых Макдональдом, ибо среди них всегда были сильны религиозные настрое-

ния. Забыты антирелигиозные принципы даже буржуазной демократии; забыты идеалы Великой французской революции — революции буржуазной; забыта борьба, которую вела германская социал-демократия под руководством Бебеля против черных, против католичества; забыты антиклерикальные традиции, которые сильны были и среди буржуазных республиканцев во Франции; забыты плебейская ненависть и отвращение к церкви, которые свойственны были многим революционным демократам, не говоря уже о социалистах. Политики «мировой» социал-демократии — все, как один, начиная от правых англичан и кончая «левыми» австрийцами — открыто трубят поход против религиозных «гонений на верующих» в СССР, открыто, при всем честном народе, целуют туфлю папы римского.

С этим последним примером конкурировать могут только события, вскрытые судебными процессами над Промпартией и над меньшевиками. Перед всем миром было доказано, что и Промпартия и русские меньшевики являются агентурой Торгпрома и одновременно агентурой англо-французского империализма. Перед всем миром было доказано, что Промпартия и меньшевики занимались прямым вредительством, отдавали себя в полное распоряжение империалистских интервентов. А ведь международный меньшевизм взял под свою защиту и Промпартию и русских меньшевиков! Да иначе и не могло быть. *Дело международного империализма уже давно стало делом международного меньшевизма.*

«Чистые демократы — они же крепостники. Тоже диалектика», — писал по другому поводу Ленин в 1922 г. в конспекте статьи «О восхождении на высокие горы» (тогда это «диалектическое» превращение Ленин иллюстрировал на примере известного народника Питирима Сорокина, отрицавшего право на «развод»). Нынешние «чистые демократы» из лагеря II Интернационала, выступающие на защиту религии под идейным руководством Торгпрома и папы римского — разве они не крепостники? Не из любви к религии, конечно, взяли на себя эту постыдную роль вожди II Интернационала. Ни Гильфердинг, ни Вандервельде, ни Дан с Абрамовичем, ни даже Макдональд еще не впали в религиозный экстаз. Даже у Каутского размягчение мозга еще не зашло так далеко. Но они знают, что делают. Слуги реакции не краснобаи. Основная цель, которую ставит себе в переживаемый период II Интернационал, заключается в том, чтобы объединить как можно больше сил против СССР, чтобы подготовить как можно ско-

рей против него войну. Для такого дела почему бы и не пойти на блок с силами католической церкви?

Вопрос об отношении к церкви есть как-будто только вопрос «внутренней» политики, но при сложившемся сейчас соотношении сил на мировой арене это есть одновременно и вопрос внешней политики. Поддержать или не поддержать «крестовый» поход церкви против советской власти — при данном положении вещей это для вождей социал-демократии одновременно и вопрос об отношении к СССР, и вопрос об отношении к Коминтерну, и вопрос об отношении к коммунистам «своей» страны, и вопрос об отношении к буржуазии и рабочему классу «своих» отечеств.

Не из личных симпатий к генералу Кутепову международный меньшевизм сделал «дело Кутепова» своим делом, а потому, что надо объединить как можно больше сил против Советского союза. И вот австрийские социал-демократы — вожди «левого» крыла II Интернационала — принимают самое деятельное участие в травле Советского союза в связи с «похищением» генерала Кутепова. Венская «Рабочая (?) газета» сравнивала этот случай с похищением (в Лондоне 34 года тому назад) Сун Ят-сена, организованным китайским посольством. Не больше, не меньше! Что уж говорить о господах вроде французского «социалиста» Леона Блюма, который в связи с делом Кутепова прямо подстрекал к разрыву дипломатических отношений с СССР! «Если окажется, что к похищению Кутепова причастно полпредство, то на этот раз не будет возможности бороться. Посольство будет снесено вихрем», — пишет этот господин в ЦО французской социалистической партии «Попюлер». Разве это не есть натравливание на разрыв и на войну?

Бельгийские «социалисты» Дебюнне и Гоэн с пеной у рта выступают против ввоза советского льна в Бельгию и открыто вопят об «опасностях», которые несет с собою наша пятилетка. «Советский демпинг должен беспокоить всех, как и вообще должен беспокоить быстрый рост советской экономики и ее влияния на промышленность Западной Европы. Пятилетка содержит прямую угрозу нашей бельгийской промышленности. Наши промышленники должны объединиться и оказывать друг другу взаимную помощь в борьбе с советской угрозой» [1].

«Социалисты», умоляющие «своих» промышленников ско-

---

[1] Из речи Гоэна в бельгийском парламенте.

рее объединиться против пятилетки Советского союза! Это достаточно выразительно.

Польские социал-фашисты из ППС натравливают безработных текстильщиков Лодзи против той же пятилетки. — Вы голодаете, у вас нет работы. Но — кто виноват? СССР! Ведь вы же знаете, что польские текстильные фабрики всегда работали на русский рынок. Теперь большевики закрыли рынок польскому текстилю. Надо открыть себе этот рынок силой.

Это ли не отравители общественных колодцев?

Что же тут удивляться, когда международный меньшевизм — и в частности его русская «секция» — идет на сотрудничество с Торгпромом, ставит ставку на интервенцию и вредительство? Ведь против СССР необходимо во что бы то ни стало объединить все «живые силы».

И как тут отличишь: где кончается политика буржуазии и где начинается политика меньшевизма?

Наиболее откровенные из вождей социал-демократии сами не скрывают этого слияния рядов. Каутский, например, писал совсем недавно (в статье, которая увещевала французских социалистов скорее пойти в коалиционное министерство) так:

«Часто мы имеем теперь такое положение, когда образуемое коалиционное министерство и вообще уж нельзя назвать буржуазным, так как социалистические министры и буржуазные министры более или менее равны в числе. При такой обстановке *можно с таким же правом говорить о вступлении либералов или буржуазных радикалов в социалистический кабинет, как и обратно — о вступлении социалистов в либеральный или буржуазно-радикальный кабинет*»[1].

Что правда, то правда...

* * *

Связь между внутренней и внешней политикой становится особенно наглядной в революционную эпоху. Это доказала, между прочим, и история Великой французской революции. У Французской революции не было более сильных врагов, чем ее *внешние* враги. Вся эпоха Наполеона была в первую голову продуктом тех внешних войн, которые пришлось вести Франции, чтобы отразить борьбу европейских монархов против Французской революции. Ни одна историческая эпоха не иллюстрирует так наглядно связь между внутренней и внеш-

---

[1] «Форвертс», 1/I—1930.

ней политикой, как эпоха 1789—1814 гг. Рудольф Гольдшейд справедливо говорит, что история какого-либо народа есть история соседних с ним народов[1]. Если это парадоксально выраженное положение понимать не схоластически, а диалектически, то оно безусловно верно.

Еще в 1905 г., взвешивая международные шансы русской буржуазно-демократической революции (которую Ленин, разумеется, рассматривал в перспективе перерастания ее в социалистическую и к которой подходил под углом зрения международным), Ленин говорил:

«Великая французская революция XVIII в. происходила совсем не при такой международной обстановке, при какой происходит русская революция. Франция конца XVIII в. была окружена феодальными и полуфеодальными государствами. Россия XX в., совершающая буржуазную революцию, окружена странами, в которых социалистический пролетариат стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией»[2].

Да, даже четверть века тому назад международное положение первой русской (тогда еще буржуазной) революции было в этом смысле все же более благоприятным, нежели положение Великой буржуазной революции во Франции. Когда же через 11 лет после этих слов Ленина в нашей стране произошла социалистическая революция, ее международное положение оказалось и лучше и сложней. Социалистический пролетариат окружающих нас стран сочувствует нашей социалистической революции еще гораздо более горячо, чем он сочувствовал бы победе буржуазно-демократической революции четверть века тому назад. Но в то же время, совершив социалистическую революцию, мы оказались окруженными рядом стран, которые теперь никак уже нельзя назвать более передовыми странами. Царская Россия жила и Советский союз живет в *системе* государств; но в то же время как по отношению к царской России окружавщие ее государства могли считаться более передовыми, — по отношению к нынешнему нашему пролетарскому государству окружающие его буржуазные страны являются сейчас реакционными. Революционная часть мирового пролетариата в нашу эпоху «стоит во всеоружии накануне последней схватки с буржуазией»; но надо видеть, что пока, в 1931 г., это относится не ко всему проле-

---

[1] Ср. нашу работу «Война и кризис социализма», стр. 25.

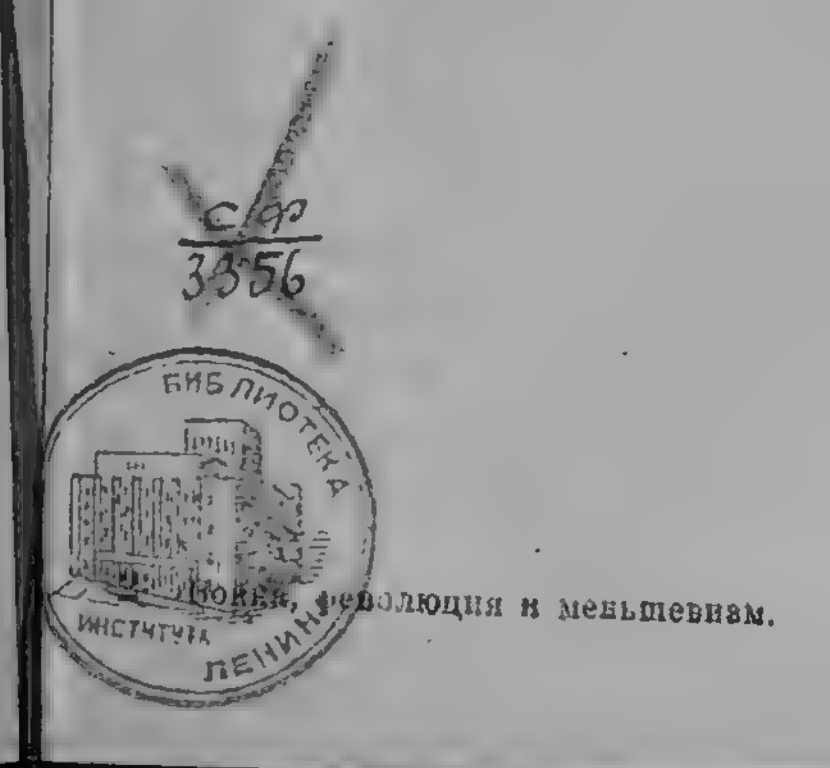
[2] *Ленин,* т. VII, ч. I, стр. 156. За исключением особо оговоренных, все цитаты по первому изданию. — *Г. З.*

тариату, а именно только к его революционой части. В 1906 г., когда Ленин произносил приведенную нами фразу о социалистическом пролетариате, стоящем во всеоружии, раскол II Интернационала не был еще фактом и нынешнюю контрреволюционную социал-фашистскую роль всей международной социал-демократии предвидеть было еще невозможно.

Таковы существенные черты отличия в международном положении русской революции, как оно рисовалось в 1906 г. и как оно сложилось теперь через 25 лет. Международное положение *социалистической* революции в России, с одной стороны, во много раз могущественнее, чем могло бы быть международное положение буржуазно-демократической революции в России в 1905—1906 гг. На страже этой социалистической революции стоит международное товарищество рабочих — Коммунистический интернационал. Симпатии десятков и сотен миллионов угнетенных народов колониальных и полуколониальных стран усиливают международные позиции нашей социалистической революции в громадной степени. И в то же время первая победа социалистической революции неизбежно должна была сплотить и сплотила против нее все силы буржуазного мира — вплоть до «мирового» меньшевизма.

Ставка оказалась решающей. Победа социалистической революции неизбежно мобилизует силы буржуазной контрреволюции. Через социал-демократию эта последняя ведет еще за собою значительные отряды трудящихся, хотя близко время, когда с.-д. влияние на массы начнет падать катастрофически. К тому же в системе буржуазных государств, окружающих Советский союз, есть еще и такие, в которых и сейчас имеют большую силу феодальные и полуфеодальные элементы. Подготовляя войну против СССР, западная буржуазия и вся вообще богатейшая часть империалистической буржуазии намерена, в первую очередь, бросить против него именно Румынию, Польшу, Югославию, Венгрию, Болгарию и т. п. Борьбу против СССР организует наиболее «передовая», наиболее богатая, экономически мощная буржуазия. Ее живой силой, ее ударными отрядами, однако, будут, в первую очередь, те страны, где еще наиболее сильно помещичье землевладение, наиболее сильны феодальные и полуфеодальные элементы. В «системе государств», окружающих СССР, такие страны еще существуют. В Европе есть еще изрядные уголки, где не только «социалистический пролетариат», но и пролетариат вообще еще недостаточно многочислен и где «зато» еще достаточно сильны феодальные и полуфеодальные элементы.

И в то же время «ударными» отрядами империализма против пролетарской диктатуры являются меньшевики всех стран — и наиболее крупных империалистических стран и государств в смысле развития капитализма отсталых. Буржуазия богатейших капиталистических стран *плюс* буржуазные рабочие партии этих стран (социал-фашизм) *плюс* буржуазно-феодальные и полуфеодальные элементы отсталых стран, расположенных не слишком далеко от границ СССР, — вот та конфигурация сил, которые готовят против СССР новую войну.

II. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА И ЛИБЕРАЛИЗМА. КАКУЮ ИНОСТРАННУЮ ПОЛИТИКУ ПРИШЛОСЬ ПОДДЕРЖИВАТЬ МЕНЬШЕВИКАМ.

Конечно, «иностранная» политика, с которой выступил меньшевизм в 1914 г., не с неба свалилась. Она подготовлялась всей предыдущей историей меньшевизма — русского и международного. Усвоив взгляды буржуазной демократии на коренные вопросы русской революции, скатившись на путь буржуазного либерализма в вопросах внутренней политики, русские меньшевики не могли не скатиться к буржуазно-либеральным взглядам и в вопросах политики внешней. Уже в 1905 г. (русско-японская война) русский меньшевизм на деле повторял иностранную политику буржуазного либерализма, а этот последний — тащился в хвосте иностранной политики царизма. Тем более это относится к мировой империалистской войне. Ни в одной другой области русский буржуазный либерализм не стоял так близко к царизму, как в области иностранной политики. Ни в одной другой области русский меньшевизм не стоял так близко к либерализму, как в области иностранной политики.

Иностранная политика царизма *плюс* иностранная политика русского буржуазного либерализма — вот тот *фон*, на котором вышивались узоры иностранной политики меньшевизма, да и всей так называемой «революционной демократии».

Чтобы отдать себе отчет в значении иностранной политики меньшевизма, нужно восстановить хотя бы только в самых основных чертах иностранную политику царизма и русского буржуазного национал-либерализма.

* * *

Международная роль русского царизма издавна была очень велика, хотя и отрицательна. Ныне международная политика советской власти есть политика *братской помощи* рабочим всего мира и трудящимся всех колониальных и полуколониальных стран. Международная политика царской России была по-

литикой *порабощения* рабочих всего мира и трудящихся всех колониальных и полуколониальных стран. Ныне СССР есть оплот *мировой революции.* Царская Россия была *оплотом мировой реакции, международным жандармом.*

Уже революция 1905 г. нанесла громадный удар царизму — хотя и не добила его. Революция 1905 г. нанесла сильнейший удар могуществу царизма, в частности на международной арене. До 1905 г. русский царизм не раз спасал мировую феодально-буржуазную реакцию. В 1905 г. этой последней пришлось уже спасать царизм.

С 1905 по 1917 г. русский царизм все еще играет большую роль на международной арене. В течение этих годов царизм смог еще нанести тяжелые удары делу свободы в Персии, на Балканах, в Китае; он смог еще сыграть большую роль в балканских войнах, предшествовавших мировой войне; и, главное, у него хватило еще сил, чтобы бросить Россию в ад мировой империалистской бойни. И тем не менее с 1905 г. международная роль царизма уже не та. В «Итогах дискуссии о самоопределении» (осень 1916 г.) Ленин писал: «Царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции, во 1-х, вследствие поддержки его международным финансовым капиталом, особенно Францией, во 2-х, в силу 1905 года»[1]. Уже первая русская революция лишила царизм того гигантского влияния, какое он имел на международной арене до 1905 г. Она подрезала «крылья» иностранной политике царизма; она обкорнала его влияние, подорвав его мощь. Революция 1905 г. была «задатком» под революцию 1917 г. 1905 год был репетицией 1917 г. — не раз указывал Ленин. Это относится в значительной мере и к международной политике.

Но до первой русской революции царизм был именно оплотом всей мировой реакции.

Одной из первых работ, в которой молодой Ленин занялся вопросом о *международной* роли русского царизма, является статья, написанная В. И. осенью 1895 г. на смерть Фридриха Энгельса. Вот как Ленин характеризует положение в 1895 г.: «Самодержавная Россия всегда была оплотом всей европейской реакции. Необыкновенно выгодное международное положение, в которое поставила Россию война 1870 года, надолго поселившая раздор между Германией и Францией, конечно, только увеличило значение самодержавной России, как реакционной силы. Только свободная Россия, не нуждающаяся ни в угнете-

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XIX, стр. 258 нов. изд.

нии поляков, финляндцев, немцев, армян и прочих мелких народов, ни в постоянном стравливании Франции с Германией, даст современной Европе свободно вздохнуть от военных тягостей, ослабив все реакционные элементы в Европе, и увеличит силу европейского рабочего класса»[1].

В этих строках выражена точка зрения, которую всегда защищали Маркс, Энгельс, а вслед за ними и первые русские революционные марксисты.

В 1891 г. Ф. Энгельс жаловался на то, что «и среди русских революционеров господствует иногда большое незнакомство с той стороной русской истории, которая называется внешней политикой царизма». «Царское правительство настолько ненавистно русским революционерам, — говорил Энгельс, — царское правительство настолько презираемо русскими революционерами, что они привыкли считать его совершенно неспособным сделать что бы то ни было разумное. А между тем в области внешней политики царское правительство очень недурно защищает интересы своего класса, интересы мировой европейской реакции». «Внешняя политика, — писал Энгельс, — безусловно является той стороной, где царизм силен, очень силен. Русская дипломатия (...«столь же бессовестная, сколь и талантливая банда») являет собою вид некоего иезуитского ордена современности. Этот орден достаточно силен, чтобы, в случае необходимости, взять верх над прихотями царя и справиться с разложением внутри собственной страны».

В двух работах Энгельса, написанных уже после смерти Маркса, — его известная статья «Внешняя политика России», написанная в 1890 г., и его статья «Социализм в Германии», напечатанная в 1891 г., — особенно подробно изложены взгляды основателей научного социализма на международную роль русского царизма.

Уже в иностранной политике Екатерины, — указывает Энгельс, — заложены основы современной иностранной политики царизма: 1) стремление захватить всю Польшу; 2) завоевать Финляндию; 3) захватить Константинополь; 4) натравливать балканские народы против Турции, чтобы под видом «освобождения» закабалить их себе; 5) покушение на раздел Германии; 6) стремление ослабить британское господство на море; 7) счастливое сочетание либеральной и легитимистской фразы.

Интересно отметить, что через четверть века после этих работ Энгельса, когда началась первая всемирная империалист-

---

[1] *Ленин,* Фридрих Энгельс, т. I, стр. 415, изд. 2-е.

ская война 1914 г., этот анализ Энгельса подтвердился с необычайной полнотой. Русская либеральная буржуазия успела уже к этому времени целиком перейти на сторону контрреволюции и защищала внешнюю политику царизма не за страх, а «за совесть». Признаннейший вождь русской либеральной буржуазии П. Милюков в программной статье «Территориальные приобретения России» (напечатана в сборнике «Чего ждет Россия от войны», 1915 г.) сформулировал цели внешней политики России в мировой империалистской войне в восьми пунктах. Программа разработана с чрезвычайной подробностью. Конкретно рассмотрены даже уезды, подлежащие захвату, заботливо приложены соответствующие географические карты и т. д. Восемь милюковских пунктов сводились к следующему:

1) Захват восточной Галиции и «Угорской Руси» (часть «малорусского» населения, сохранившегося за Карпатами, в пределах Венгрии). Говоря «высоким» стилем, этот захват называли «воссоединением русских народностей» и «завершением дела великого князя Ивана Калиты» (Сборник, стр. 50).

2) Захват западной Галиции и Познани, т. е. «восстановление» Польши (стр. 50). «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино *под скипетром русского царя,* — говорил по этому поводу документ «верховного» главнокомандующего. Г. Милюков прибавляет: «Установление восточной границы Польши, при сохранении Польши под скипетром русского царя, является в известной степени нашим внутренним (!) делом... При автономном устройстве Польши, территориальные приобретения в ее пользу не должны, конечно (о, конечно!), считаться непосредственными приобретениями России» (стр. 56, 57).

3) Захват немецкой анклавы в северной части восточной Пруссии с Кенигсбергом, с населением около $1\frac{1}{2}$ миллиона. «Оставить этот оазис в чересполосном владении Германии невозможно, и России придется (!) создать из него новую Остзейскую губернию», — говорит г. Милюков (стр. 56).

4) Приобретение Босфора и Дарданелл в полное обладание России вместе с Константинополем и достаточной частью прилегающих берегов, чтобы обеспечить защиту проливов (стр. 57).

5) Захват Адрианополя («признание Адрианополя частью константинопольского Hinterland'а») (стр. 57) на тот случай, если Болгария будет «нам» препятствовать.

6) Захват берега Мраморного моря («определение того, достаточно ли ограничиться лишь полосами территории, прилегающей к самым проливам, или необходимо также присоединить

и берег Мраморного моря, должно принадлежать военным авторитетам») (стр. 58).

7) Захват со стороны Закавказья полосы от Зивина до Баязета и т. д.

8) Захват Турецкой Армении. В связи с этим стоит вопрос об азиатских владениях Турции вообще. Часть американских деятелей, — повествует Милюков, — исходила из возможности такого исхода войны, при котором Турция сохранила бы не только свое положение независимого государства, но и свои азиатские владения. Этой возможности Милюков осторожненько «противополагает» другую: «полное лишение Турции ее верховных прав на азиатские провинции и установление над Арменией суверенитета России. В последнем случае освобождение Армении от турецкой власти сопровождалось бы введением ее территории в пределы Российской империи, не предрешая, разумеется, юридических форм этой зависимости» (стр. 60). Как мягко выражается г. Милюков! Не захват, не покорение, не аннексия, а всего только — «введение территории в пределы Российской империи без предрешения юридических форм». Не вмер Данило, а болячка его задавила...

Приведенные восемь пунктов, явившиеся «хартией» русской национал-либеральной буржуазии в 1915 году, выглядят как прямая иллюстрация к семи пунктам Энгельса, сформулированным за четверть века до начала первой всемирной империалистской войны. Но, конечно, к 1915 году прибавились новые вожделения русского царизма.

Иностранная политика царизма является его *сильной* стороной, — говорил Энгельс в 90-х годах. Русская дипломатия умеет обманывать обе большие партии европейской буржуазии: и либеральную и консервативную партии. Она умеет единым духом прикидываться и легитимистской и революционной, и консервативной и либеральной, и сторонницей ортодоксальной церкви, и сторонницей свободы совести. Понятно, — продолжает Энгельс,— почему русская дипломатия с презрением смотрит сверху вниз на «образованный» Запад.

На протяжении всего XIX столетия трудно указать хотя бы только одно-другое пятилетие, в течение которого русский царизм не вел бы той или иной войны или, по крайней мере, не снаряжал бы той или иной «экспедиции». Экспедиции эти иногда имели по внешности «невинно»-научный или торговый характер, а на самом деле всегда кончались увеличением «сферы влияния» русского царизма, т. е. порабощением под нози его новых территорий и новых народов. По части разме-

ров территориальных захватов, по части прожорливости внешняя политика русского царизма свободно могла конкурировать даже с английским империализмом.

Русский царизм играл выдающуюся роль в деле угнетения и расчленения Германии с первых же десятилетий XIX века. Самодержавная Россия выступила палачом венгерской революции и сыграла немаловажную роль в подавлении всех вообще революционно-освободительных движений 1848 года, как и движений более позднего периода. В переписке Вильгельма II с Николаем II можно прочесть следующее. В письме от 28 ноября 1905 г. Вильгельм пишет Николаю:

«...в 1891 году, во время маневров около Нарвы, твой дорогой отец (Александр III) откровенно высказал мне свое отвращение к французскому республиканскому строю, высказывался в пользу восстановления монархии в Париже и просил меня помочь ему в этом» [1].

В 1891 г. пресловутый франко-русский союз уже приближался к своему оформлению. Уже в 1889 г. Александр III заключил во Франции первые два больших займа в размере двух миллиардов франков. В 1890—1891 гг. царское правительство перехватило у французской буржуазной республики еще полтора миллиарда. В 1891 г. происходили знаменитые кронштадтские празднества — посещение Кронштадта французским флотом, затем «братание» в Тулоне. А в 1893 г. франко-русский союз был окончательно и бесповоротно оформлен. И в то же время, по компетентному свидетельству Вильгельма II, Александр III мечтал о восстановлении монархии в Париже и приглашал Вильгельма оказать помощь в этом.

Параллельно с реакционной работой «иезуитского ордена» в области международной политики шла палаческая работа царского правительства по отношению к «инородцам», уже «завоеванным». Русский царизм был не только оплотом европейской реакции, не только европейским жандармом, но и тюрьмой народов внутри Империи.

* * *

Русско-японская война вызвана была целым рядом причин. Эта война была продолжением внешней политики царизма, обнимавшей не одно десятилетие. Война шла не из-за Кореи и *из-за Манчжурии,* а еще шире и точнее говоря — *из-за Китая.*

---

[1] Переписка Вильгельма II с Николаем II, Гиз, стр. 126.

Это был конфликт России и Германии, с одной стороны, с Японией, Англией и Соединенными штатами Америки, с другой. И в то же время это не мешало Германии на определенной стадии дела толкать Россию на авантюру, а Соединенным штатам на определенной стадии дела обуздывать аппетиты Японии.

Накануне объявления войны Токио ежедневно и даже ежечасно сносилось с Вашингтоном. Тогдашний президент САСШ, как это видно из ныне опубликованных его писем, прямо боялся, как бы Россия и Япония не нашли мирного исхода. Об Англии нечего и говорить — с 1902 года Англия шла в открытую[1].

А Николай II накануне начала войны ежедневно сносился с Вильгельмом II, как мы это теперь знаем из опубликованной их переписки. Вильгельм давал «дружеские» советы, не забывая при этом своих собственных интересов (вильгельмовская Германия была заинтересована в том, чтобы внимание царской России было отвлечено на Восток и тем самым Германии были бы развязаны руки на Западе).

Но кроме всего русско-японская война было ускорена тем, что правящая клика царизма, видя нарастание революционного движения внутри страны, надеялась внешней войной отвлечь народ от внутреннего кризиса, в войне видела средство против революции. Но, как это не раз случалось с деспотическими правительствами, прибегавшими к внешней войне в целях борьбы против революции, — результат получился обратный. Война *ускорила* русскую революцию. Эта революция пришла бы и без войны, но поражение царской России в русско-японской войне чрезвычайно приблизило первую русскую революцию.

В начале войны царской России с Японией все остальные буржуазные державы официально сохраняли нейтралитет. Но по существу дела каждая из крупных буржуазных держав, как мы уже видели, конечно, имела свою точку зрения на русско-японскую войну и свои симпатии и антипатии. Америка и Англия определенно желали ослабления России. Франция, состоящая в официальной дружбе с царской Россией, на деле занимала довольно двусмысленную позицию. Влиятельные французские газеты писали, что если франко-русский союз в начале 90-х годов (Тулон и Кронштадт) был браком по любви, то к 1904—1905 гг., к моменту русско-японской войны, он превра-

---

[1] Ср. *М. Н. Покровский,* Значение революции 1905 года, стр. 7 и др.

тился уже в брак по рассудку. Вильгельм II, усиленно разжигавший вражду между царской Россией и буржуазной Францией, писал (27 июля 1905 г.) в письме к Николаю II: «Французам было бы весьма полезно, если бы ты натянул вожжи потуже. Конечно, их 10 миллиардов франков, помещенные в России, мешают им отстраниться вполне, но такие речи показывают, до чего уже довела их лесть англичан» (англичане старались оттянуть Францию от союза с Россией) [1].

Со свойственной ему «художественностью» стиля Вильгельм II в том же письме употребляет следующее достойное «великого» монарха сравнение: «Возвращаясь к сравнению с браком, скажу: Марианна (Франция) должна помнить, что повенчана с тобою, почему и обязана ложиться с тобой в постель, время от времени уделяя ласку или поцелуй мне (Вильгельму II, «другу» Николая II), а не пробираться украдкой в спальню того, кто на острове вечно интригует» (имеется в виду Англия) [2].

Короче говоря, среди всех «нейтральных» буржуазных государств кишмя кишела интрига, каждое из них думало о том, как бы «заработать» на русско-японской войне.

Но когда во вторую половину русско-японской войны, в 1905 году революционное движение в России стало разгораться особенно ярко, вся европейская и даже вся мировая буржуазия всполошилась. Перед красным призраком революции стали отступать на задний план групповые интересы. Вожди мировой буржуазии почувствовали, что подлинная победа русской революции может послужить прологом социалистической революции в Европе. Размах революции 1905 года, которая была «по своему социальному содержанию *буржуазно-демократической,* но по средствам борьбы была *пролетарской*» (Ленин), смертельно испугал мировую буржуазию. До сих пор роль русского царизма на международной арене заключалась в том, что царизм не раз спасал европейскую реакцию в ее борьбе против «гидры» революции. Теперь роли переменились. Впервые представителям европейской и мировой буржуазной реакции пришлось спасать русский царизм против гидры русской революции, спасать во имя своих же собственных интересов.

Американская буржуазия тоже теперь перепугана революцией. В лице своего президента Рузвельта она оказывает ца-

---

[1] Переписка Вильгельма II с Николаем II. Гиз, Москва, 1923, стр. 107.

[2] Там же.

ризму неоценимую услугу. В Портсмуте под председательством Рузвельта открываются русско-японские переговоры. Американский капитал оказывает сильное давление на победившую Японию, умеряя ее аппетиты и добиваясь сравнительно умеренных условий мира, давая возможность царизму выйти «с честью» из войны. Те самые Англия и Франция, которые вчера еще интриговали против царского правительства (и будут интриговать завтра), сегодня приходят на помощь царизму крупными займами. Та самая вильгельмовская Германия, которая еще вчера толкала царскую Россию продолжать войну с Японией (эту задачу ставил себе Вильгельм, например, еще летом 1905 года во время знаменитого свидания в Бьерке), теперь, испуганная размахом революции 1905 года, искренно старается помочь царскому правительству скорей закончить русско-японскую войну.

В письмах Вильгельма к Николаю в конце 1905 г. чувствуется прямо животный страх перед поднимающейся революцией в России.

«Ты согласишься сам, — пишет Вильгельм Николаю, — что подобный процесс в таком могучем народе, как твой, должен естественно вызывать живейший интерес в Европе и, само собой разумеется, прежде всего в соседней стране. Меры, которые должны быть приняты, способы воздействия, которые следует применить, и люди, которые должны быть призваны к исполнению работы, — все это оказывает прямое влияние на другие нации, находящиеся за твоим рубежом»[1].

Революция в России должна была оказать и начинала оказывать особенно большое влияние на соседнюю Германию. Уже по одному этому Вильгельм II в эти месяцы чувствовал особенно горячую «солидарность» с Николаем Кровавым. «Просвещая» своего «дорогого брата» Николая, Вильгельм доносит ему на «либеральные» западные державы.

«Либеральные западные державы действуют, как я предсказывал, и противодействуют тебе не только во внешней политике, но и еще усерднее и откровеннее в твоей внутренней политике. Французская и английская либеральная пресса согласно и совершенно открыто клеймит каждый монархический и энергичный шаг в России, — «царизм», как они это называют, — и открыто становится на сторону революционеров в их стремлении распространить и поддержать либерализм и «просвещение» в противовес «царизму» и «империализму» в «неких» отсталых

---

[1] Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 95.

странах. Эти страны — твоя и моя. Англия всегда подкупает французов фразой: «сообща оберегать интересы либерализма во всем мире и проповедывать его в других странах». Это значит подстрекать к революциям и помогать им повсюду в Европе, особенно в странах, которые, к счастью, пока еще не находятся в неограниченной власти этих адских парламентов [1].

Царская дипломатия и Николай II выслушивали эти «благожелательные» сообщения Вильгельма II, наматывали их себе на ус и вместе с тем не прочь были со своей стороны подставить ножку своему лучшему «другу», главе гогенцоллернской Германии. Финансы царизма в 1905 г. были расшатаны вконец. Для победы над революцией требовалось не только скорейшее окончание войны с Японией, но и получение во что бы то ни стало крупного внешнего займа. При переговорах о займе с Коковцевым (тогдашний министр финансов царской России) французский министр финансов Рувье заявил, что правительство Франции ожидает от России соответствующего давления на Германию в вопросе о Марокко. В связи с этим Коковцев 3 (16) января 1906 г. телеграфирует Витте следующее: «Рувье обещал немедленно же войти в сношение с банкирами, сказавши, что сделает все, чтобы внушить им недостающую им энергию... Успеху моего трудного положения могло бы значительно содействовать получение мною права заявить Рувье конфиденциально, что в марокком вопросе Франция может рассчитывать на моральную поддержку России в смысле влияния ее на Германию. К этому вопросу Рувье возвращается дважды. Крайне обяжете, дав мне об этом немедленный ответ, дабы я мог его иметь в пятницу днем».

Витте после разговора с Николаем II получил от последнего согласие поддержать в вопросе о Марокко Францию против Германии. В ответ на приведенную телеграмму Витте телеграфирует Коковцеву 4 (17) января 1906 г. следующее: «Вашу телеграмму доложил государю императору... Что касается марокского вопроса, то с высочайшего соизволения можете передать Рувье, что императорское правительство окажет моральную поддержку в смысле влияния на германское правительство».

Марокко — за заем! Общими усилиями европейская буржуазия спасает пошатнувшийся трон русского царизма, и в то же время каждая из европейских буржуазных клик не упускает случая заработать на происходящих событиях.

---

[1] Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 120.

Позиция всей мировой буржуазии при окончании русско-японской войны, когда революция в России стала разгораться ярким пламенем, с наглядностью показала, как тесно связан был русский царизм с судьбами мировой капиталистической реакции.

В плане известной статьи Ленина «Падение Порт-Артура» читаем: «Прежде вожди мировой буржуазии недооценивали революции в России, теперь даже за себя боятся»... [1]

* * *

Чрезвычайно знаменателен тот факт, что не только «свободолюбивая» «либеральная» буржуазия Западной Европы изменила фронт, как только увидела размах революции 1905 г.,— но изменила фронт и *русская* либеральная буржуазия. В преддверии русско-японской войны русская либеральная буржуазия выступала «оппозиционной» силой, она высказывала «пораженческие» идеи. В апреле 1904 г. редактор заграничного либерального журнала «Освобождение», Петр Струве, писал: «Современная Россия — страна-тюрьма. В этой тюрьме совсем не в моготу жить... Разбейте кандалы, сломайте тюрьму... Тюрьма не может быть непобедима... История знает только одну непобедимую армию, это — армия той страны, которая изумительным напором национального духа только что перед тем разбила тюрьму самодержавной монархии (речь идет, очевидно, об армии французской революции. — *Г. З.*). Ни измены, ни внутренние смуты, ни полный финансовый разгром не подточили сил этой армии, и она побеждала».

Что российский пролетариат, что его большевистский авангард желали тогда поражения царской России — это понятно и естественно, это не нуждается в особых объяснениях. Но вот чем объяснить тот факт, что добрая часть российской либеральной буржуазии, той самой, которая к концу 1905 г. взапуски бросилась спасать трон царя, в начале русско-японской войны тоже была настроена пораженчески? Чем объяснить тот факт, что и вожди мелкой буржуазии (эсеры и меньшевики) склонялись тогда к «пораженчеству», хотя, конечно, только в его буржуазно-демократическом, отнюдь не пролетарском издании?

Это объясняется двумя причинами. Во-первых, экономическая заинтересованность русской буржуазии в русско-японской войне была относительно невелика, во-вторых, — и это глав-

[1] Ленинский сборник V, стр. 59.

ное, российская буржуазия как раз в 1904 г. переживала «высший» пункт своей «оппозиционности» самодержавию, ибо рабочий класс не успел еще выпрямиться во весь рост, и буржуазия могла еще верить в возможность такой буржуазной революции, которая будет протекать по-меньшевистски, по-кадетски, а не по-большевистски, т. е. такой буржуазной революции, в которой рабочий класс будет таскать каштаны из огня для буржуазии.

С 1904 г. до начала империалистской войны прошло 10 лет. В их числе один год — 1905 — стоит иных десятилетий. Перед российской буржуазией стал во весь рост новый враг: *революционный пролетариат*. Испугавшись революции, на которую неизгладимый отпечаток наложил бы рабочий класс, российская буржуазия из «двух зол» выбрала меньшее. Она предпочла помириться с царской монархией даже на основах 3 июня, чем отдаться «безумию стихий», которое в «пятом» году надолго оставило такой бесконечный испуг в душах либералов. Российская буржуазия окончательно стала контрреволюционной...

В широких массах народа и прежде всего в рабочем классе поражение царизма на внешней арене в 1904 году послужило последней каплей, переполнившей чашу. Разгром царских войск в войне с Японией ускорил революцию. Но не надо забывать, что опять-таки внешняя политика впоследствии вновь помогла царизму начать поправлять свои дела внутри страны. После 1905—1906 гг. иностранная политика царизма не мало способствует созданию вокруг третьеиюньской монархии нового контрреволюционного блока, в который входит и вся либеральная буржуазия.

Больше всего царизм прельстил русскую буржуазию именно перспективами иностранной политики. Буржуазия как бы понадеялась на внешней арене взять реванш за ее уступки феодальной реакции в области внутренней политики. Уже в 1905 году либеральная буржуазия не хочет мешать — фактически помогает — царизму заключать займы во Франции. В 1906 г. переговоры России с Англией о разделе «сфер влияния» в Персии уже в полном ходу. В 1907 г. англо-русский договор официально заключен. Англоманы русского либерализма счастливы бесконечно. Наконец, оформляется и тройственное согласие. Восторгу всей буржуазии совсем уже нет пределов. Ей открывают перспективу захвата Константинополя и проливов, ей сулят золотые горы. Теперь она окончательно продает душу царизму. В течение ряда лет русская буржуазия помогает

царизму готовиться к будущей мировой войне. «Идеологи» сочиняют наспех теорию «Великой России». «Практики» либерализма до самозабвения отдаются задаче усиления «военной мощи России», делая все, что мыслимо, для усиления русского милитаризма.

«Разрешение» внутреннего кризиса посредством контрреволюционного Столыпино-Гучковского реформаторства; совместная борьба против рабочего класса и крестьянской бедноты; великодержавно-империалистская иностранная политика — вот на чем фактически сошлись российская буржуазия (вплоть до самых «левых» кадетов) с «обновленным» царизмом. Русский либерализм превратился в национал-либерализм.

Именно эта эволюция русского либерализма привела к тому, что в 1916 г. признанный вождь русской буржуазии, Милюков, заявил в Государственной Думе: «если бы путь к победе над Германией вел через революцию, я отказался бы от победы». В этой одной фразе нашло себе отражение и то, что русский пролетариат сделал громадный шаг вперед, и то, что русская буржуазия, испугавшись революционного пролетариата, сделала огромный шаг назад. Русская либеральная буржуазия окончательно перешла на сторону контрреволюции. Вожди западноевропейской буржуазии, напуганные размахом пролетарского движения, выразили уже теперь полную готовность оказать всестороннюю помощь царскому самодержавию, оплоту мировой буржуазной реакции. Русская либеральная буржуазия обнаружила себя одним из «передовых» отрядов мировой буржуазии.

В 1927 г. Милюков выпустил в Париже обширную «Историю русской революции». Воспевая Витте, который сделал-де все возможное и невозможное для спасения положения в конце 1905 г., Милюков говорит: «...надо было как можно скорей покончить с неудачной войной (русско-японской войной), которая создала возможность революционного взрыва, вернуть в Россию с полей Манчжурии русские войска... и, наконец, дать правительству, путем заключения иностранного займа, возможность обойтись на первых порах без согласия народного представительства на бюджет, в случае если оно проявит строптивость. Все это: мир, войско и деньги гр. Витте обеспечил царю к моменту созыва первой Государственной думы. Но этот наиболее выдающийся из наших государственных деятелей после Сперанского понимал, что таким образом создается только отсрочка»[1] и т. д.

[1] *П. Милюков,* «Россия на переломе», т. I, 1927 г., стр. 4.

Мир, войско, деньги! Все это в 1905—1906 гг. дал царизму не столько Витте, сколько мировая буржуазная реакция. Рузвельты, Рувье, англо-французские денежные мешки, монархическая Германия Вильгельма II — вот кто спас падающий царизм в 1905—1906 гг., но, конечно, и господа Милюковы и Витте сыграли свою роль.

После московского вооруженного восстания русская либеральная буржуазия окончательно шарахнулась на сторону контрреволюции. Кадетская партия, смертельно напуганная размахом пролетарской борьбы, объявила главной опасностью «революционную анархию». Милюков успел уже бесстыдно объявить красное знамя, обагренное кровью рабочих, «красной тряпкой». «Скорей за дело. Крайние левые партии мы не станем убеждать бесполезными речами, мы должны поставить их лицом к лицу с нашими действиями», — писал Струве накануне декабря 1905 г. Так заявлял тот самый Струве, который в 1904 г. провозглашал, что «тюрьма не может быть непобедима», тот самый Струве, который после 9 января 1905 г. провозгласил: «с этим царем мы больше не разговариваем».

«Оппозиционные» либеральные депутаты первой Государственной думы — во главе со столь именитыми либералами, как Набоков и К° — в первой половине 1906 г. отправились за границу, чтобы помочь Коковцевым и Витте заключить заем, который имел назначение помочь кровавому царю справиться с революцией.

Более быстрым темпом пошла диференциация и в рядах тогдашней Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и среди эсеров. Колебания меньшевиков в сторону буржуазии усиливались уже давно. В 1908 г. окончательно складывается меньшевистское *ликвидаторство*. Именно в этот период меньшевики теснее всего сближаются с партией либеральной буржуазии.

Силы пролетариата оказались недостаточными для победы. Меньшевики и эсеры, реформисты и оппортунисты всех стран отшатнулись от революции 1905 г. и стали клеветать на нее. Затем они прямо ударили рабочему классу в тыл и уже окончательно стали все больше «заглядываться» на «свою» буржуазию.

III. ПОЗИЦИЯ МЕНЬШЕВИЗМА И БОЛЬШЕВИЗМА В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ.

Когда во вторую половину 1905 г. роль рабочего класса в революционном движении страны обрисовалась с достаточной ясностью, вся либеральная буржуазия шарахнулась направо. В особенности после октябрьской всеобщей забастовки и декабрьского вооруженного восстания. Это целиком относится также к меньшевикам, — конечно, с сохранением всех пропорций.

Но в *начале* русско-японской войны либеральная буржуазия — а с ней вместе и меньшевики с эсерами — были настроено «лево». В своих «левых» настроениях они в эту пору шли вплоть до «пораженчества». Однако пораженчество их не имело ничего общего с пролетарской точкой зрения — оно было только частью их радикальной *буржуазно-демократической* платформы. Либералы хотели поражения царских войск в надежде, что это приведет к «новому Севастополю», т. е. к либеральным реформам, равносильным учреждению конституционной монархии.

Меньшевики шли и дальше. «Если крымский Севастополь вырвал у абсолютизма из-под ног самую надежную опору его — крепостное право, то Севастополь восточный может не оставить камня на камне от всего здания современной деспотии», — писал Ф. Дан 1 января 1904 г. в новой «Искре» [1].

Меньшевики надеялись, что дело дойдет, быть может, до буржуазной республики, но готовы были примириться и с конституционной монархией. В эту пору даже «Новое время» отстаивало необходимость реформ, ибо все сколько-нибудь дальновидные сторонники царизма знали, что война, во всяком случае, принесет большие перемены. Даже такой верный пес царизма, как князь Мещерский, твердил, что «какой бы ни был блестящий результат войны, все виды уныния и не-

---

[1] «За два года», стр. 632.

удовлетворения, как отдельные реки, сольются в одно море общего недомогания». Даже при «блестящем результате войны» ожидался подъем революционного движения. Но в «блестящие» результаты мало кто верил. И ход борьбы на фронтах очень скоро показал, что о «блестящих» результатах не может быть и речи.

Это было время, когда меньшевистская «общенациональная оппозиция» казалась ближе всего к осуществлению, когда «прекрасная» мечта об «объединении всех живых сил» (т. е. о блоке меньшевиков с либералами) пленяла воображение всех новоискровцев. И вот интересно взглянуть, как даже в этот свой медовый месяц меньшевизм ориентировался в вопросе о русско-японской войне, с какими лозунгами, с какой линией иностранной политики появился он на мировой арене.

Вот программная формулировка, с которой выступил вождь меньшевизма Ф. Дан накануне официального объявления войны в новой «Искре» в статье «В тисках»:

«И если война все-таки вспыхнет, если народу придется кровью своих сыновей расплачиваться за грехи режима, социал-демократия должна удесятерить свои усилия, чтобы добиться скорейшего заключения мира, чтобы уменьшить размеры кровопролития, чтобы использовать все события в интересах классового развития пролетариата, чтобы ускорить свою первую историческую победу, победу народа над абсолютизмом»[1].

«Грехи режима», «уменьшить размеры кровопролития», «победа народа над абсолютизмом» — все это формулировки вполне приемлемые для либерализма. Главный лозунг меньшевиков — «удесятерить усилия, чтобы добиться скорейшего заключения мира»! Какого мира? Кем заключенного? Никакого даже намека на *революционную* постановку вопроса! Мертвые слова о «классовом развитии пролетариата»; практика меньшевизма достаточно показала, о каком «классовом» развитии мечтали меньшевики — под классовым развитием они понимали цеховое развитие. На деле — смертельная боязнь революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, боязнь завершения войны этой диктатурой. На деле — лозунги, целиком вращавшиеся в круге либерально-буржуазных идей. Надо было сказать: удесятерить усилия *для низвержения царизма революционно-демократической диктатурой.* А меньшевики говорили: удесятерить усилия *для заключения мира.*

[1] «За два года», стр. 634.

Что это была не случайная обмолвка, а целая программа — показала вся дальнейшая политика меньшевизма в вопросе о русско-японской войне.

«Приложим же все усилия, чтобы рабочий класс — а за ним и все другие слои населения — сознательно и открыто потребовал заключения мира и заставил правительство склониться перед волею народа, — писал тот же Дан в новой «Искре» в статье «Война» [1]. Заставить царское правительство склониться перед волею народа и заключить мир — вот лозунг меньшевиков.

«Не «да здравствует Япония» написано на нашем знамени, а «да здравствует мир!», — «углубляет» Л. Мартов в статье «На очереди» 5 марта 1904 г., в новой «Искре» [2].

Хороша постановка вопроса! Как-будто в самом деле дилемма стоит так: *либо* «да здравствует Япония!», *либо* «да здравствует мир!» Мартову и в голову не приходит, что с точки зрения революционного пролетариата неверно *ни* то *ни* другое. Ни одному революционному марксисту, разумеется, не приходило в голову кричать «да здравствует Япония!» Но и лозунг «да здравствует мир!», ставший, как видит читатель, официальным лозунгом меньшевизма, был отвергнут большевизмом. Внешним образом разногласия между большевизмом и меньшевизмом начались с § 1 устава. Но уже через самое короткое время они перебросились на вопросы тактики, охватили важнейшую проблему движущих сил русской революции и с началом русско-японской войны перешли и в область международной политики пролетариата.

«Да здравствует мир» — этот «лозунг» стал центральным лозунгом меньшевизма.

Потресов от имени всей меньшевистской «Искры» заявлял: «Социал-демократия патриотична par excellence». Интернациональная в своем существе, она ставит себе «*патриотические* (курсив автора. — *Г. З.*) задачи и, именно осуществляя их, творит свое — *интернациональное дело*» [3]. Здесь уже вполне определенно намечаются будущие мотивы 1914 г. И даже терминология та же, что и у Давидов и Шейдеманов в эпоху мировой империалистской войны.

Крайне характерна позиция, занятая меньшевизмом в связи с падением Порт-Артура. «Все сходятся на признании энергии и мужества, проявленных Стесселем и его помощниками, —

[1] «За два года», стр. 636.
[2] См. там же, стр. 650.
[3] Статья от 15 марта 1904 г., там же, стр. 656.

пишет Мартов. — В этих трогательных, по-своему, описаниях последних минут крепости, последних слов и деяний ее защитников, какой жестокой иронией звучит сообщение, что генералы выговаривают у японцев себе и офицерам право вернуться в Россию, оставляя в плену солдат и матросов...» Нотки уже достаточно фальшивые. Но слушайте дальше, какие *политические выводы* делает вождь меньшевизма из падения Порт-Артура. «Громадное большинство либеральных газет трусливо уклоняется от ответа на вопрос, круто поставленный падением Порт-Артура. Этот вопрос — вопрос о продолжении войны — теперь ясно и бесповоротно выдвинут на очередь... С падением Порт-Артура России надо или *отказаться от него совсем* или поставить себе целью разгромить Японию, чтобы отнять только-что потерянную крепость. «Общество» должно выбирать. И пролетариат заставит его высказаться решительно: за войну ради грошовых реформ или за мир для уничтожения абсолютизма?»[1]

Меньшевистский автор делает вид, будто он борется против либерального «общества», на деле он только рабски копирует тогдашние лозунги этого «общества», приспособляя их к рабочей аудитории. Мы уже видели выше, что скоро после падения Порт-Артура либералы начали ясно понимать, что именно продолжение войны грозит величайшими опасностями имущим классам. Чем больше в России разгоралась революция, чем яснее обрисовывалась гегемония пролетариата в революции, тем больше боялась русская буржуазия, тем больше настораживалась буржуазия мировая, тем больше лозунгом *буржуазии* становился мир — мир, чтобы предупредить полный разгром царизма, могущий только усилить революцию и посодействовать победе диктатуры пролетариата и крестьянства. По мере того как военный разгром царизма делался очевидным, лозунгом наиболее дальновидной части буржуазии становился именно лозунг «мира во что бы то ни стало», что не исключает, а предполагает «уничтожение абсолютизма» в либеральном смысле слева: ведь и конституционная монархия «уничтожает» абсолютизм. Своей постановкой вопроса меньшевики только прокладывали дорогу буржуазии.

Интересно сравнить статью Ленина, посвященную тому же событию — падению Порт-Артура[2] — со статьей Мартова на ту же тему. Они отличаются друг от друга, как небо от земли

---

[1] Ст. «Гибель Порт-Артура», 1 января 1905 г., стр. 673—676.
[2] См. ниже.

Если бы историк не располагал даже никакими другими документами кроме этих двух статей, то и тогда было бы очевидно: позиция одних (большевиков) есть позиция пролетарских революционеров, а позиция других (меньшевиков) есть позиция мелкобуржуазных «соглашателей». В этих двух статьях, если хотите, все будущие расхождения большевизма с меньшевизмом.

Мартову вторит Дан, пространно доказывающий (3 марта 1905 г.) что «затеянная правительством» война есть «война, в которой правительство не может победить, но в которой оно может истощить все жизненные силы народа», что нельзя допустить, «чтобы после Ялу, Порт-Артура, Ляояна, Мукдена, Телина были Харбин и Владивосток»[1] и т. д.

«С самого начала войны социал-демократия требовала мира», — вещает Дан 25 марта 1905 г. — «Она не перестает требовать его и теперь, и не перестанет, доколе длится преступная война»[2] . . . *Социал-демократия требует мира во что бы то ни стало!*»[3].

Особенно «кричаще» сформулировал этот полулиберальный лозунг Л. Троцкий, являвшийся тогда одним из самых «крайних» меньшевиков. В его знаменитой брошюре «Наши политические задачи» (посвящена «дорогому учителю» П. Б. Аксельроду) он писал:

«Отправным пунктом той кампании, которую мы должны открыть немедленно, опираясь на все имеющиеся у нас личные и организационные силы, должна быть, разумеется, война. Лозунг, который она дает нам, ясен: *мир и свобода!* Мы должны выдвинуть этот лозунг не только как формулировку нашего принципиального отношения к войне, но как цель, которую мы хотим достигнуть немедленно.

«*Мир во что бы то ни стало!* Этим лозунгом начинается и кончается каждая прокламация, каждая агитационная речь...

«*Мир во что бы то ни стало.* К этому лозунгу призовите всех» и т. д.[4]

Мир во что бы то ни стало! — таков лозунг меньшевизма в русско-японской войне[5]. Нереволюционность этого лозунга по свежим следам событий была великолепно разоблачена В. И. Лениным.

---

[1] «За два года», стр. 678—679.
[2] Там же, стр. 683.
[3] Там же, стр. 684.
[4] *Л. Троцкий,* «Наши политические задачи», 1905 г., стр. 86—87.
[5] Несколько особняком стоит в эту пору позиция Г. В. Плеханова. Он разошелся уже с большевиками, он участвует в мень-

* * *

Ленин не раз говорил, что 1905 г. был генеральной репетицией 1917 г. С таким же правом можно сказать, что работы Ленина о войне, относящиеся к периоду 1904—1905 гг., являются «генеральной репетицией» его будущих великих работ 1914—1918 гг.

Вопрос о соотношении между войной и революцией Ленин ставил с марксовской смелостью уже в 1905 г.

«Классовая точка зрения на войну и мир не похожа на буржуазно-демократическое осуждение войны вообще», — пишет Ленин в «Заметке насчет войны» в апреле 1905 г.[1]

«Безвозвратно канули в вечность те времена, когда войны велись наемниками или представителями полуоторванной от народа касты. Войны ведутся теперь народами»[2].

А раз это так, то совершенно ясно, что ход и исход любой войны теснейшим образом связан с состоянием классовых сил в борющихся государствах, с уровнем техники, с экономическим и политическим укладом в них.

«Темнота, невежество, безграмотность, забитость крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях. Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным... Связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время. Военный крах не мог не оказаться поэтому началом глубокого политического кризиса. Война передовой страны с от-

шевистской «Искре». Но он еще «не поспевает» за эволюцией этих последних. В вопросе о войне Плеханов в это время (см. его статью «Строгость необходима» и его ответ на известную анкету, напечатанный в «Дневнике социал-демократа») занимает еще позицию, более близкую к марксизму. Тогдашняя позиция Плеханова в указанном вопросе подробнее освещена нами ниже в главе «Позиция меньшевизма в мировой империалистской войне».

[1] Ленинский сборник V, стр. 117.

[2] *Ленин,* Собр. соч., т. VI, стр. 457—458.

сталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль»[1].

Ленин решительно отвергал меньшевистский лозунг «мир во что бы то ни стало». «Мир во что бы то ни стало», — писал большевистский орган «Вперед», — это значит мир хотя бы ценой сохранения самодержавия, хотя бы ценой подавления революции»[2]. После того как японцы взяли Порт-Артур, американская и английская буржуазия стала настаивать на скорейшем заключении мира, боясь, как бы военный разгром царизма не радикализировал русскую революцию, как бы не перебросилась она тотчас же на Европу. И вот «Вперед» учит меньшевиков: смотрите, «лозунгом европейской реакции, европейской буржуазии стал «мир во чтобы то ни стало», мир — с целью не допустить падения самодержавия»[3].

Европейскую буржуазию стала не на шутку пугать неизбежная перегруппировка в международных отношениях, растущее могущество молодой Японии, потеря военного союзника в Европе. Во имя «дружбы» с царизмом европейская буржуазия взывает к его благоразумию, настаивает на необходимости мира — «мира с японцами и мира с либеральной буржуазией»[4].

А «Вперед» не боится в это время заявить открыто: «Крайности нередко сходятся в оценке событий, — и мы смотрим на Портсмутский мир так же, как и «Московские ведомости» (орган русских крайних реакционеров), именно, как на поворотный пункт в революции»[5].

«Московские ведомости» писали, что с прекращением войны все внимание царского правительства должно будет сосредоточиться на внутренней жизни России и «главным образом на усмирении смуты». Ленинцы пользуются этим откровенным заявлением органа наиболее крайней реакционной группы в России, чтобы еще раз доказать, что лозунг «мир во чтобы то ни стало» был лозунгом неправильным, не пролетарским, не революционным. Со смелостью мысли, с политическим бесстрашием, которое отличало Маркса и Энгельса, орган Ленина заявляет: «Война явилась очень важным и очень сильным подспорьем русской революции»[6]. Более того: русско-японская война в оценке «Вперед» в некоторых отноше-

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. VI, стр. 37—38.
[2] Там же, стр. 458.
[3] Там же, стр. 458.
[4] Там же, стр. 249.
[5] *Ленин,* Собр. соч., т. VI, стр. 460—461.
[6] Там же, стр. 459.

ниях вполне заслуживает названия войны революционной, но все же она была только «подспорьем, сторонней помощью».

«Сознательный пролетариат, — писал Ленин, — будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустранимого спутника всякого классового господства вообще, — не может закрывать глаза на эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией»[1]. Японская буржуазия есть буржуазия, есть классовый враг. Может быть, завтра именно этот классовый враг станет наиболее опасным. Но сегодня положение сложилось так, что этот классовый враг выполняет «революционную задачу». «Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль»[2].

«Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии. Вполне понятно поэтому, что наиболее последовательные и решительные представители революционной международной социал-демократии, Жюль Гэд во Франции и Гайндман в Англии (Гэд и Гайндман были еще тогда марксистами), выразили без обиняков свои симпатии к Японии, громящей русское самодержавие. У нас в России нашлись, конечно, социалисты, которые проявили путаницу мысли и в этом вопросе. «Революционная Россия» (орган эсеров) сделала выговор Гэду и Гайндману, заявив, что социалист может быть лишь за рабочую, народную Японию, а не за буржуазную Японию. Этот выговор так же нелеп, как если бы стали осуждать социалиста за признание прогрессивности фритредерской буржуазии по сравнению с протекционистской»[3].

Конечно, Гэд и Гайндман не защищали японской буржуазии и японского империализма, но в вопросе о столкновении двух капиталистических стран они, по мнению Ленина, «правильно отметили исторически прогрессивную роль одной из них».

Чтобы пояснить свою мысль, Ленин берет пример, неоднократно бравшийся и Марксом: «Борясь против свободной конкуренции, мы не можем забывать ее прогрессивности по сравнению с полукрепостным строем. Борясь против всякой войны и всякой буржуазии, мы строго должны отличать в своей агитации прогрессивную буржуазию от крепостнического само-

---

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. VI, стр. 38.
[2] Там же, стр. 38.
[3] Там же, стр. 38—39.

державия, мы всегда должны отмечать великую революционную роль исторической войны, невольным участником которой является русский рабочий»[1].

Так ставить вопрос Ленин мог только потому, что это была война лишь двух держав, из которых одна, царская Россия, в течение многих и многих десятилетий не только была тюрьмой народов, но и играла роль *мирового* жандарма. Это была, так сказать, локальная война, хотя оба участвовавших в ней государства принадлежали к числу великих держав, и сама война имела всемирно-историческое значение.

Когда наступила мировая империалистская война 1914 г., вопрос встал уже в некоторых отношениях по-иному. *Пораженцем Ленин выступал и в 1904 и в 1914 гг.,* но вопрос о роли «прогрессивной буржуазии» в 1914 г. встал уже по-иному именно потому, что мы стояли перед *мировой* империалистской войной, в которой решающая роль принадлежала одинаково империалистским государствам: Германии, Англии, а затем и Америке. А в 1905 г. Ленин был прав, когда рассматривал японскую армию как невольного союзника русской революции. Военные писатели говорят, писал тогда Ленин, что по своей силе Порт-Артур равен шести Севастополям. И вот маленькая, всеми до тех пор презираемая Япония в восемь месяцев овладевает этой твердыней после того, как Англия и Франция возились целый год со взятием одного Севастополя.

Тут Ленин как бы непосредственно подходит к оценкам, которые давали Маркс и Энгельс именно во время крымской войны. Маркс и Энгельс в ту пору с захватывающим интересом следили за военными операциями и были как бы разочарованы, что Англия и Франция так долго возились над взятием Севастополя, так медленно и слабо раскачивались, так недостаточно били царские армии. По поводу самого факта падения Порт-Артура Ленин писал вполне определенно: «Пролетариату есть чему радоваться. Катастрофа нашего злейшего врага означает не только приближение русской свободы Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата»[2].

Уже на завтра — буквально на завтра — после падения Порт-Артура Ленин с замечательной тонкостью и глубиной отмечал тот катценяммер, то похмелье, которое переживали наиболее дальновидные представители *мировой* буржуазии по поводу этого поражения царизма.

---

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. VI, стр. 39.
[2] Там же, стр. 35.

«Неудивительно, что даже не участвующая в войне европейская буржуазия чувствует все-таки себя униженной и подавленной. Она так привыкла отожествлять моральную силу России с военной силой европейского жандарма... Неудивительно, что катастрофа правящей и командующей России кажется всей европейской буржуазии «страшной»: эта катастрофа означает гигантское ускорение всемирного капиталистического развития, ускорение истории, а буржуазия очень хорошо, слишком хорошо знает, по горькому опыту знает, что такое ускорение есть ускорение социальной революции пролетариата. Западноевропейская буржуазия чувствовала себя так спокойно в атмосфере долгого застоя, под крылышком «могучей империи», и вдруг какая-то «таинственная, отрочески юная» сила смеет рвать этот застой и ломать эти опоры»[1].

Тот, кто помогал низвергнуть трон Романовых, кто бы он ни был; тот, кто бил по военному могуществу царской России, кто бы он ни был, — при данной обстановке оказывал услугу не только русскому, но и мировому пролетариату. Убрать с дороги русский царизм означало убрать самый большой камень, лежащий на пути мирового революционного движения. Подлинный интернационалист не мог не выступать законченным пораженцем по отношению к царским армиям в русско-японской войне.

Стоять за поражение царской России в русско-японской войне, конечно, не значило «поддерживать» Японию, «служить» Японии, как инсинуировали буржуазия и ее агенты. Русские социалисты демонстративно братались в эту пору с японскими социалистами. Русские социалисты, конечно, ни на минуту не приостанавливали своей вражды против японской буржуазии, как и против буржуазии любой другой страны, и советовали так же поступать своим товарищам в Японии. Социалистическая партия в Японии была к этому времени еще очень слаба, но никаких элементов гражданского мира со «своей» буржуазией она не допускала. Позиция Ленина ни на минуту не требовала от японских социалистов поддержки «своей» буржуазии: она предполагала такое же пролетарское революционное отношение японских рабочих к «своей» буржуазии, какого Маркс требовал от английских рабочих во время крымской войны.

Как только мировая буржуазия убедилась, что царский трон зашатался всерьез, что, пользуясь военным поражением

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. VI, стр. 34—35.

царизма, русская революция переходит к решительному наступлению, они все гурьбой бросились спасать царя. Они спасали его не только в Портсмуте в 1905 г., но и в 1906 г., когда пришли на помощь царю крупными займами. «Наше правительство приглашает все европейские державы притти спасать тот строй, который всегда был «позвоночным столбом» всемирной реакции, защитником капиталистических эксплоататорских интересов западной буржуазии, защитником всех консервативных, националистических, реакционных, клерикальных и т. п. и т. п. принципов» [1].

«Чтобы добиться еще и еще денег, потеряв всякое чувство достоинства, они (царские министры) пресмыкаются перед Англией, готовой уделить России часть своего золота в обмен за услуги, которые должно оказать наше правительство Великобритании в ее империалистской, то бишь завоевательной, колониальной политике» [2].

Марксист должен был рассматривать русско-японскую войну в рамках *международной* политики. Но основной, генеральной задачей, лежавшей по линии *мирового* революционного прогресса, являлась задача: *воспользоваться военным разгромом царизма, чтобы низвергнуть царскую монархию, продвинуться на пути революции как можно дальше, вплоть до победоносной диктатуры пролетариата и крестьянства в России, которая при благоприятных условиях должна была стать прологом к европейской социалистической революции.* Представители буржуазии богатейших стран не позволили довершить военный разгром царизма. Портсмутский мир — конечно, в сочетании с целым рядом других факторов — дал царизму отсрочку от 1905 до 1917 г.—еще на целых двенадцать лет. Но нет никакого сомнения в том, что поражение царя в русско-японской войне в чрезвычайной степени содействовало революционным событиям 1905 г. и постольку подготовляло 1917 г.

«Европа охраняла установившиеся отношения и привилегии старого мира, его предпочтительное право, веками освященное исконное право на эксплоатацию азиатских народов. Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный всей реакционной Европе» [3].

В этом смысле Ленин и говорил после падения Порт-

---

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 331.
[2] Там же, стр. 331.
[3] Там же, т. VI, стр. 35.

Артура, что «прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе» [1].

«Прогрессивная сила разбила реакционный оплот. Прогрессивная историческая сила разбила «реакционную», [2] — так формулировал положение после падения Порт-Артура Ленин в своих набросках статьи «Падение Порт-Артура», в которой он наиболее подробно разбирал всемирно-историческое значение русско-японской войны.

«Банальными фразами о мире à la Жорес не поможешь угнетенному классу, который не отвечает за буржуазную войну между двумя буржуазными нациями, который все делает для свержения всякой буржуазии вообще, который знает необъятность народных бедствий и во время «мирной» капиталистической эксплоатации... Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия» [3].

«Недаром так тревожится самая спокойная и трезвенная европейская буржуазия, которая всей душой сочувствовала бы либеральным уступкам русского самодержавия, но которая пуще огня боится русской революции, как пролога революции европейской» [4].

Такова была позиция меньшевизма и большевизма в русско-японской войне. Меньшевизм в этой войне грешил еще «только» пацифизмом и оппортунизмом. В следующую войну это привело его к прямому *социал-шовинизму.*

Оппортунизм меньшевиков в вопросе об отношении к русско-японской войне, конечно, есть *только часть* их мелкобуржуазной, оппортунистической, антипролетарской установки в эпоху первой русской революции. Но позицию меньшевиков в 1905 г. в целом мы здесь рассматривать не можем.

Большевизм уже в русско-японскую войну занял твердую позицию пролетарского интернационализма. Уже в эту эпоху большевизм являлся самым законченным интернационалистским направлением в международном рабочем движении, отстаивавшим полностью и до конца учение Маркса и Энгельса о войне.

---

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. VI, стр. 35.
[2] Ленинский сборник V, стр. 58—59.
[3] *Ленин,* Собр. соч., т. VI, стр. 39—40.
[4] Там же, стр. 39—40.

IV. МАРКС, ЭНГЕЛЬС И ЛЕНИН О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ И РЕВОЛЮЦИЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ.

Иностранная политика русского меньшевизма стоит в тесной связи с их «пониманием» характера русской революции и соотношения между русской революцией и революцией международной.

1) Свержение буржуазии ни в коем случае не может произойти сначала в такой экономически отсталой стране, как Россия. 2) Буржуазная революция в России должна привести к власти буржуазию: максимум — буржуазная республика! 3) Между такой буржуазной революцией и будущей социалистической революцией обязательно должна лежать долгая историческая эпоха во много десятилетий. Таковы три «программных» кита русского меньшевизма — даже того периода, когда меньшевики и большевики были еще членами одной партии.

Защищая эти свои антимарксистские тезисы, «теоретики» меньшевизма продолжают еще «ссылаться» на Маркса и Энгельса. На деле в этом кардинальном вопросе меньшевики целиком отреклись от Маркса и Энгельса.

Каковы были действительные взгляды творцов научного коммунизма на соотношение между русской революцией и революцией международной?

* * *

В известном обращении к Союзу коммунистов Маркс в марте 1850 г. писал: «Наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию перманентной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролета-

риями этих стран прекратится, и пока по крайней мере решающие производительные силы не будут концентрированы в руках пролетариев»[1].

Под этим углом зрения Маркс и Энгельс впоследствии подходили и к русской революции, которую они рассматривали как часть международной. Под этим же углом зрения к русской революции всегда подходил Ленин и вся большевистская партия.

Марксова теория непрерывной революции, подход Маркса, Энгельса и Ленина к русской революции, как к части международной, ничего общего не имеет с пресловутой «теорией» перманентной революции Троцкого. Троцкий (и его учитель Парвус) позаимствовали у Маркса термин: *непрерывная* (или перманентная) революция. Но применить учение Маркса и Ленина к оценке движущих сил русской и международной революции они не сумели. Маркс и Ленин дали законченную теорию пролетарской революции. Они не только обрисовали великую роль диктатуры пролетариата, но и показали *дорогу* к осуществлению этой диктатуры. Они научили пролетариат — класс-гегемон — правильному отношению к крестьянству. Подытоживая ход и исход русской революции, Ленин отчеканил следующую классическую формулу: «Сначала со «всем» крестьянством против монархии, против помещиков, против средневековья (и постольку революция остается буржуазной, буржуазно-демократической). Затем вместе с беднейшим крестьянством, вместе с полупролетарием, вместе со всеми эксплоатируемыми — против капитализма, в том числе против деревенских богатеев, спекулянтов, и постольку революция становится социалистическою»[2]. А. Троцкий и в 1930 г. продолжает видеть у Ленина «противоречия». В книжке «Перманентная революция» (1930) он пишет: «Что означают эти противоречия у Ленина? Они отражают все то же «великое неизвестное» в политической формуле революции: *крестьянство*»[3]. Крестьянство для Троцкого *в лучшем случае* — «великое неизвестное»! Взгляды Ленина на роль крестьянства в революции Троцкий в 1905 г. (и позже) критиковал якобы «слева». А на деле — шел в течение многих лет с меньшевиками, которые взглядам Маркса и Ленина на роль крестьян-

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Собр. соч., т. V, стр. 483.
[2] *Ленин,* Собр. соч., т. XV, стр. 508.
[3] *Л. Троцкий,* Перманентная революция, 1930 г., стр. 71, курсив Троцкого.

ства (определенных его слоев) как союзника и опоры пролетариата противопоставляли взгляды Мартова и Аксельрода, проповедывавших союз с либеральной буржуазией. Троцкий не понимал и не понимает марксистско-ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Тов. Сталин был совершенно прав, когда в своей работе «Об основах ленинизма» писал: «Ленин воевал со сторонниками «перманентной» революции не из-за вопроса о непрерывности, ибо Ленин сам стоял на точке зрения непрерывной революции, а из-за недооценки ими роли крестьянства, являющегося величайшим резервом пролетариата, из-за непонимания идеи гегемонии пролетариата» [1].

Как представляли себе отношение между русской революцией и революцией международной Маркс и Энгельс? Известно, какую большую роль в политике Маркса и Энгельса играла борьба против царизма в 1848 г. Меринг справедливо утверждал, что война с Россией была для руководимой Марксом «Новой рейнской газеты» «осью всей внешней политики». В царской России Маркс видел прежде всего руководящую державу Священного союза, действительный источник сил германской реакции. Когда Маркс говорил о войне против России, он имел в виду войну *революционных* сил против *царской* России. Но с особенным вниманием Маркс и Энгельс присматривались к росту революционных сил *внутри* самой царской России. О возможности крестьянской революции в России Энгельс говорил уже в письме к Марксу от 23 мая 1851 г. «В России началась революция», — писал Маркс Энгельсу 8 октября 1858 года по поводу созыва «нотаблей» в Петербурге. 11 января 1860 г. Маркс в письме к Энгельсу с восторгом отмечает, с одной стороны, движение американских рабов, с другой стороны, движение крепостных в России. «Открылось социальное движение на Западе и на Востоке. Это будет грандиозно вместе с предстоящим крушением в Центральной Европе». 12 февраля 1870 г. Маркс пишет Энгельсу (по поводу книги Флеровского «Положение рабочего класса в России»), что России предстоит «грозная социальная революция».

«Революция на этот раз начнется на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции... Все слои русского общества находятся экономически, морально и интеллектуально в состоянии полного раз-

---

[1] *И. Сталин,* «Вопросы ленинизма», изд. седьмое, 1931 г., стр. 36.

ложения... Молодцы турки, ускорили взрыв ударами...» и т. д.,— пишет Маркс в письме к Зорге 27 сентября 1877 г.

В полемике с Ткачевым Энгельс говорит: «Нет сомнения, что Россия накануне революции. Эта революция будет начата высшими классами столицы, подхвачена крестьянами и быстро выведена из первой чисто конституционной фазы. Она одним ударом уничтожит последний резерв всеевропейской реакции» [1].

В письме к Беккеру в 1877 г. Энгельс пишет: «Безрезультатная война или новая неудача наверно вызовет в Петербурге революцию. Пусть дворцовую или конституционную, но это 1789 г. перед 1793. Дай-ка только в Петербурге собраться Национальному собранию — и вся Европа примет другую физиономию» [2].

В одном из последних писем Энгельса к Марксу, незадолго до смерти последнего, Энгельс пишет: «Прошло доброе старое время, и Россия не стоит больше за русской дипломатией, а противостоит ей» [3].

«Что может избавить от закона против социалистов? — спрашивает Бебель в письме к Энгельсу. — «Конечно, *взрыв в России»,* — отвечает Энгельс.

«Странно, что все не могут привыкнуть к тому, что толчок должен притти оттуда, а ведь я не раз объяснял это Бебелю, — замечает Энгельс в письме к Марксу от 30 ноября 1882 г. [4]

В таком же духе продолжалась переписка между Марксом и Энгельсом в течение десятилетий.

С величайшим вниманием Маркс и Энгельс следят за развитием освободительной борьбы в царской России, возлагая громадные надежды на русскую революцию, которая казалась им очень близкой.

В первой половине XIX в. революционный центр лежал во Франции, временами — в Англии. В 1848 г. Германия вступила в ряды революционных наций. В 1871 г. Парижская коммуна попыталась вновь выдвинуть Францию в первые ряды революции. Начало XX в. перенесло революционный центр в Россию. — Так подытоживал ход событий Ленин, имевший возможность высказать свое суждение значительно позже

---

[1] *Энгельс,* Статьи 1871—1875 гг., стр. 40—63.

[2] *Энгельс,* Забытые письма, стр. 21.

[3] Письмо от 12 сентября 1882 г. Переписка Маркса с Энгельсом, нем. изд., т. IV, стр. 476.

[4] Там же, стр. 492.

Маркса и Энгельса, когда ход исторических событий выяснился в гораздо большей степени.

В конце 70-х и в начале 80-х годов Маркс и Энгельс, как известно, высказались в том смысле, что если буржуазно-демократическая революция в России совпадет во времени с социалистическими революциями на Западе, то Россия, перескочив через стадию капитализма или сократив ее до минимума, может сразу войти в полосу социалистического развития. Из этого «проницательные» писатели из лагеря эсеров в свое время пытались делать тот вывод, будто «Маркс был определенно на стороне народников». Эту версию поддерживали и русские меньшевики и международные реформисты, которые видели в приведенных высказываниях Маркса и Энгельса некий «грех молодости», увлечение Маркса террористической борьбой, которую вели революционные народники.

«Обрабатывая» Маркса под дюжинного социал-либерала типа Зомбарта и Брентано, русские меньшевики, да и Бернштейны с Каутскими представляют дело так, будто «по Марксу» революция пролетариата может начаться только одновременно в нескольких странах — и притом обязательно в странах наиболее капиталистически развитых. Ведь хорошо известно, что на этом основании «теоретики» социал-демократии до сих пор считают нашу пролетарскую революцию в России «незакономерной». Такое, с позволения сказать, понимание Маркса выхолащивает из марксизма его революционную сердцевину, такое «понимание» есть полное отрицание диалектики.

В действительности Маркс и Ленин ничего общего с такой постановкой вопроса не имели.

Еще в «Классовой борьбе во Франции» Маркс писал: «Естественно, что насильственные вспышки происходят раньше в конечностях буржуазного организма, чем в его сердце, так как здесь урегулирование скорее возможно, чем там».

Еще в 1853 г. в статье: «Британское владычество в Индии» Маркс говорил: «Совершая социальную революцию в Индостане, Англия, конечно, руководствовалась исключительно низменными интересами и действовала грубо, желая добиться своего. Но дело не в этом. Весь вопрос в следующем: может ли человечество выполнить свое назначение без коренной социальной революции в Азии. Если оно этого сделать не может, то Англия, каковы бы ни были ее преступления, была лишь невольным орудием истории при совершении этой революции».

Еще в начале 60-х годов Маркс писал по поводу восстания тайпингов: «Можно смело предсказать, что китайская революция бросит искру в пороховой погреб современной промышленной системы и вызовет взрыв давно подготовлявшегося всеобщего кризиса, за которым, когда он распространится за границей, непосредственно последует политическая революция на континенте».

В середине XIX в. Маркс допускал, что пролетарская революция может начаться из Франции, а Франция далеко не была тогда передовой промышленной страной.

Мы видим, таким образом, что Маркс и Энгельс ставили вопрос о пролетарской революции, как и все остальные вопросы, глубоко диалектически. Они допускали, что первый толчок может притти и из Индии, и из Китая, и из Франции, и из России. И, конечно, они готовы были «принять» революцию, откуда бы она не пришла. Тот критерий, с которым Маркс и Энгельс подходили к ожидавшейся ими русской революции, ничего общего не имел с мелкобуржуазным «русским социализмом» народников.

В письме к Засулич от 3 апреля 1890 г. Энгельс пишет: «Я вполне согласен с вами относительно необходимости бороться повсюду с народничеством — немецким, французским, английским или русским».

Уже в 1875 г., в статье против Ткачева, высказываясь о возможности сохранить русскую общину и превратить эту общественную форму в высшую, более развитую, Энгельс говорит: «Это может произойти лишь в том случае, если, до окончательного разложения общины и собственности в России, в Западной Европе совершится пролетарская революция и доставит русскому крестьянину предварительные условия для такого перехода, в том числе и материальные, в которых он нуждается, чтобы произвести неразрывно связанный с этим переворот во всей системе земледелия».

В известном предисловии Маркса к русскому изданию «Коммунистического манифеста» сказано точно: «Если русская революция послужит сигналом для революции пролетариата на Западе и, таким образом, обе дополнят друг друга, то существующее общинное землевладение в России может послужить исходным пунктом коммунистического развития».

За два года до своей смерти Энгельс в письме к Николаю (от 24 февр. 1893 г.) говорит: «Несомненно, что земельная община и до некоторой степени артель заключали в себе некоторые зародыши, которые при известных условиях могли бы

развиваться и спасти Россию от необходимости пройти через муки капиталистического режима». «Я вполне подписываюсь под письмом нашего автора (Маркса) по поводу статьи Жуковского, но и по его мнению (Маркса) и по-моему, первое условие, требующееся для этого, заключалось в наличности некоторого толчка извне — в изменении капиталистической системы европейского Запада, в уничтожении капиталистической системы в тех странах, где она получила свое начало».

Так ставили вопрос о взаимозависимости между русской революцией и революцией международной Маркс и Энгельс. Не русской революции вообще, а лишь *социалистической революции* в России должен был предшествовать «толчок извне», т. е. пролетарская революция на Западе. Глубоко радикальная крестьянская буржуазно-демократическая революция может и должна в ближайшее время разразиться именно в России. Эта революция ускорит социалистический переворот на Западе, который, в свою очередь, приведет к быстрому перерастанию буржуазно-демократической революции в России в революцию социалистическую. Крестьянская революция в России послужит прологом для социалистической революции на Западе, которая, в свою очередь, приведет к социалистической революции в России. Так представляли себе дело Маркс и Энгельс.

* * *

В статьях Ленина о временном революционном правительстве, писанных в начале 1905 г. и являвшихся как бы введением к «Двум тактикам», Ленин излагает этот вариант в следующих незабываемых словах (Собр. соч., т. VI, стр. 129):

«. . . После гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России, нам удастся разжечь, как никогда, светильник революционного света перед темной и забитой массой, нам удастся — благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы — осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет.. А если это удастся,— тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий, тогда . . . ».

Мы стоим на плечах целого ряда поколений Европы... Революционный пожар зажжет Европу... Революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию... Эпоха нескольких революционных десятилетий. Таковы идеи Ленина в 1905 г. От них — прямая дорога к ленинским идеям 1917 г.

В брошюре «Две тактики» — главной работе Ленина эпохи 1905 г. — Ленин развивает именно этот исторический вариант. Развивая перспективы демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, рисуя картину доведения до конца буржуазно-демократической революции в. России, Ленин развивает план «перенесения революционного пожара в Европу». «Ничто не поднимет до такой степени революционной энергии всемирного пролетариата, ничто не сократит так сильно пути, ведущего его к полной победе, как эта решительная победа начавшейся в России революции».

«Такая победа, — пишет там же Ленин, — нисколько еще не сделает из нашей буржуазной революции революцию социалистическую; демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений; но тем не менее, значение такой победы будет гигантское для будущего развития и России и всего мира».

«Победить в борьбе за демократию и воспользоваться этой победой для перенесения революции в Европу».

«Такая победа даст нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь, поможет нам совершить социалистический переворот».

Мы должны «давать практические лозунги не только *на случай* перенесения революции в Европу, но и *для* такого перенесения. У хвостистов социал-демократии ссылка на «ограниченные исторические пределы русской революции» прикрывает лишь ограниченность понимания задач этой демократической революции и передовой роли пролетариата в этой революции».

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии... Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм».

Набрасывая для себя «Картину временного революционного правительства» в разгар летних событий 1905 г. Ленин пишет: «Война: из рук в руки переходит *крепость*. Либо буржуа-

зия свергает революционную диктатуру пролетариата и крестьянства, либо эта диктатура зажигает Европу и тогда? . .»[1].

«. . . От революции демократической мы сейчас же начнем переходить — и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути . . . Не впадая в авантюризм, не изменяя своей научной совести, не гоняясь за дешевенькой популярностью, мы можем сказать и говорим *лишь одно:* мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, *чтобы тем легче было* нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической»[2].

Мы видели, как именно представляли себе соотношение между русской революцией и революцией международной Маркс и Энгельс за несколько десятилетий до 1905 г. Мы видели, как представлял себе это соотношение Ленин, когда большевизм еще только выходил на историческую арену; как рисовалось ему это соотношение в самом 1905 г. На деле взаимозависимость между революциями в отсталых крестьянских странах и странах передового капитализма получается более сложная. Ход истории оказался сложней, «хитрей» *(Ленин),* чем ожидали даже марксисты. Сроки первой революции в России оказались иные, чем ожидали Маркс и Энгельс, а вместе с изменением сроков несколько изменилось и соотношение между революцией в России и революциями на Западе. Пролетарские революции на Западе запаздывают; буржуазно-демократическая революция в России также запоздала. Но отчасти именно в силу своего опоздания она вышла, после генеральной репетиции 1905 г., настолько радикальной, что в связи с империалистской войной быстро переросла в социалистическую революцию. На деле вышло так, что «толчок извне» русская революция дала Западу, а не наоборот, — что конечно, не следует понимать слишком упрощенно, ибо самый размах русской революции и быстрое перерастание ее в социалистическую революцию были теснейшим образом связаны с грандиозным размахом всемирного рабочего и революционного движения, в особенности революционного движения на Западе.

Уже осенью 1915 г. Ленин писал: «Буржуазно-демократическая революция в России теперь уже не только пролог, а нераз-

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. VII, стр. 331 нов. изд.
[2] *Ленин,* Собр. соч., т. VI, стр. 449—450.

рывная составная часть социалистической революции на Западе. Довести до конца буржуазную революцию в России, чтобы разжечь пролетарскую революцию на Западе — так ставилась задача пролетариата в 1905 г. В 1915 г. вторая половина этой задачи стала настолько насущной, что она на очередь становится одновременно с первой»[1].

В «Записках о нашей революции» (1923 г.) Ленин разъяснил с особенной полнотой, почему именно ожидавшийся исторический вариант осуществился «с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения всемирной истории)», почему получились некоторые «видоизменения обычного исторического порядка»[2], выразившиеся в том, что *первая* социалистическая революция произошла в России.

Ход истории оказался сложней, «хитрей». Но не даром Маркс и Ленин были диалектиками, не даром Ленин учил понимать в марксовой диалектике взаимозависимость и теснейшую неразрывную связь *всех* сторон каждого явления, «причем история открывает все новые и новые стороны» *(Ленин)*. Диалектика революционного развития в 1917 г. подвела вплотную к возможности прорыва капиталистической системы именно в сравнительно отсталой крестьянской стране. При такой исторической ситуации Маркс ни на минуту не задумался бы сделать то же, что сделал Ленин в 1917 г.

Если бы в России в 1917 г. не победил пролетариат; если бы милюковско-гучковская Россия закрепилась на продолжительный исторический этап; если бы после снятия могильной плиты царского самодержавия развитие производительных сил в России пошло под ферулой буржуазии; если бы «свободное» капиталистическое развитие овладело русской деревней, — тогда «свободная» буржуазная Россия на некоторое время вполне могла бы вновь претендовать на роль всемирного жандарма, но уже не по отношению к буржуазно-демократическим, а по отношению к пролетарским социалистическим революциям Европы и национально-освободительным движениям всего Востока. Тогда мир мог бы стать свидетелем того, как «свободная» (хотя на деле и весьма зависимая от иностранных империалистов) капиталистическая Россия Гучковых, Львовых, Милюковых и даже Черновых повела бы русских крестьян, одетых в солдатские мундиры, против пролетарских революций Запада и национально-освободительных движений Востока.

---

[1] *Ленин,* «Новые статьи и письма», Гиз, 1930, стр. 16.
[2] *Ленин,* Собр. соч., т. XXVII, стр. 399—401.

Исторический вариант, ожидавшийся Марксом и Энгельсом, — социалистическая революция на Западе *предшествует социалистической* революции в России, — имел бы, разумеется, свои огромные преимущества. Прямая помощь развитой социалистической промышленности Англии или Германии неслыханно ускорила бы у нас темп социалистического строительства и избавила бы от многих трудностей, стоящих перед пролетарской диктатурой в крестьянской стране.

Но и тот исторический вариант, который получился на деле, при всей его трудности и оригинальности, также имеет *свои* преимущества. Страна, которая могла бы на целую историческую эпоху стать главным экономическим резервом капитализма против социализма, которая могла бы дать капитализму неисчерпаемую крестьянскую армию под руководством буржуазных офицеров против пролетарских восстаний, — эта страна ходом истории приведена к тому, что стала *первой советской страной,* первой страной, создавшей могучую регулярную армию социализма, что она сама дает могучий толчок пролетарским революциям на Западе и национально-революционным движениям десятков и сотен миллионов людей на Востоке.

Через несколько лет после Октябрьской революции 1917 г., когда теория Маркса и Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую облеклась плотью и кровью, Ленин подвел такой итог: «...Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Черновы, Хиллквиты, Лонге, Макдональды, Турати и прочие герои «2½-го» марксизма не сумели понять... соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революциями. Первая перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба, и только борьба, решает, насколько удается второй перерасти первую»[1].

Не сумев понять соотношения между буржуазно-демократической и пролетарски-социалистическими революциями, не сумев понять, в частности, соотношения между революцией русской и революцией мировой, — «международный» меньшевизм скатился в лагерь злейших врагов нашей пролетарской революции. Русские меньшевики стали «ударной бригадой» интервенции. Весь руководящий слой II Интернационала стал прямым орудием империализма.

---

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 365—366.

V. ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И II ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Одной из самых законченных и самых глубоких работ Ленина, посвященных революции 1905 г., несомненно является его доклад о революции 1905 г., сделанный в Цюрихе в 1917 г., в годовщину 9 января. Доклад этот заслуживает самого тщательного изучения. Случилось так, что через несколько недель после этого доклада Ленина пал царизм. Исторический ход событий стал особенно быстро и наглядно подтверждать правоту ленинского анализа и его предвидение.

«Россия, — говорит Ленин в этом докладе, — географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии. И потому мы видим, что российская революция достигла не только того, что она окончательно пробудила от сна самую крупную и самую отсталую страну Европы и создала революционный народ, руководимый революционным пролетариатом.

Она достигла не только этого. Русская революция вызвала движение во всей Азии. Революции в Турции, Персии, Китае доказывают, что могучее восстание 1905 г. оставило глубокие следы и что его влияние, обнаруживающееся в поступательном движении *сотен и сотен* миллионов людей, неискоренимо»[1].

Еще раз не забудем, что это сказано, хотя и незадолго до свержения царизма, но все же в момент, когда царская власть еще существовала и «импонировала» всем слепорожденным мещанам реформизма.

Революционные события 1905 г. оказали глубокое воздействие на движение народных масс в *Турции*. Турецкие революционеры-эмигранты, проживавшие в Париже, в Швейцарии и в других местах Западной Европы, с головой ушли в изучение опыта массовой революционной борьбы в России. Движение в Турции, усилившееся под влиянием русской революции, привело к тому, что партия «Единение и прогресс» перенесла

[1] *Ленин,* Избранные произведения, т. II, стр. 16—17.

свой центральный комитет из Парижа в Салоники, где создался центр вооруженной борьбы с правительством султана. Движение скоро стало охватывать собой крестьянство, армию и другие слои турецкого народа. В 1908 г. султан Абдул-Гамид был свергнут с престола. У власти стало младотурецкое правительство, отражавшее интересы либеральной турецкой буржуазии. Удельный вес рабочего класса в Турции был, разумеется (и остается), несравненно меньше, нежели удельный вес рабочего класса в России. В этом заключается одна из важнейших причин того, что турецкая революция осталась в относительно узких рамках. Но если вспомнить ту глубоко реакционную роль, какую играла старая Турция Абдул-Гамида, становится ясно, какое громадное значение тем не менее имела турецкая революция 1908 г., на которую оказали громадное влияние события 1905 г.

Еще более тесная связь существует между событиями 1905 г. в России и революционными событиями в *Персии*. Персия ежегодно выбрасывала за границу значительные кадры избыточного населения персидской бедноты, которые в поисках работы уходили в Россию, главным образом на Кавказ, и находили там применение своим силам на нефтяных промыслах и промышленных предприятиях.

В течение 15 лет, предшествовавших 1905 г., из Персии ежегодно отправлялись десятки тысяч бедняков на Кавказ, где они работали на нефтяных промыслах в Баку, Грозном... В Тифлисе, Новороссийске, Дербенте, Владикавказе, Темир-Хан-Шуре были представители персидских трудовых масс И в общении с русскими и кавказскими пролетариями, в работе под общим фабричным сводом или в четырех стенах одной общей душной мастерской персидский труженик в лице его наиболее сознательных элементов приобщился к великому революционному движению, волны которого бушевали по всей Российской империи.

«События русской революции — 9 января, всеобщая забастовка, московское вооруженное восстание — произвели потрясающее впечатление на население Персии. Нелегальная персидская литература проникла во все города, повсюду происходили демонстрации против шаха и его сатрапов, клич «да здравствует конституция» разносился по всей стране»[1].

13 августа 1906 г. в Тегеране началась всеобщая забастовка. Эта забастовка привела к провозглашению конститу-

[1] «Историк-марксист» № 1, 1926.

ции (август 1906 г.) и созыву парламента (октябрь 1906 г.). Но русские черносотенцы в сотрудничестве с агентами английской буржуазии немедленно же стали организовать силы для переворота в Персии. В 1907 г. между Англией и Россией заключается договор, по которому Персия отдается под протекторат англо-русских разбойников. 18 августа 1907 г. в Петербурге был подписан англо-русский договор, по которому в Персии устанавливались три сферы влияния: северная, южная и нейтральная. Северная Персия с городами Тегераном, Рештом, Тавризом и др., в которой к тому времени было наиболее сильно развито революционное движение, была признана входящей в сферу русского влияния. Южная Персия была признана сферой английского влияния, а вся остальная часть Персии — «нейтральной».

8 октября 1907 г. персидский парламент (меджилис) заявил протест против наглого русско-английского договора. В стране все более и более разрастается революционное движение. Оправившееся к этому времени от потрясений 1905 г. царское правительство берет на себя гегемонию в борьбе против персидской революции. Царское правительство снабжает персидских контрреволюционеров оружием, инструкторами и т. п. А 24 июня 1908 г. казачья бригада полковника Ляхова организует погром Тегерана и разгоняет персидский меджилис. Кавказские революционные социал-демократы посылали в помощь персидской революции боевые дружины, оружие, распространяли воззвания и т. д.

Огромное влияние революция 1905 г. оказала на события в *Китае*. Впервые слово «конституция» стало открыто упоминаться в китайской прессе в 1905 г. А первый императорский декрет, говоривший о скором введении конституции, был объявлен в сентябре 1906 г. Правящая императорская династия Китая пыталась реформами предотвратить революционную бурю. Господствующие классы, чтобы обессилить начавшееся движение, организуют посылку ряда миссий в Америку и Европу для изучения государственного строя передовых стран. Издается приказ об отмене пыток при судебном следствии. Открывается много школ. Революционное движение в Китае продолжает развиваться. Отдельные восстания 1907 г. были предвестниками будущих грозных событий. Весною 1907 г. в шести провинциях юга вспыхнули грандиозные восстания. В провинции Гуандун образовалась армия в 60 тыс. человек. В начале 1908 г. во главе революционного движения становится доктор Сун Ят-сен. В октябре 1911 г. в провинциях

торгово-промышленного юга вспыхивает общенародное восстание. В восстании, руководимом народно-революционной партией Сун Ят-сена (она называлась тогда Союзной лигой), принимают участие самые широкие слои китайского народа: крестьянство и пролетариат, мелкая буржуазия и интеллигенция. К восставшим присоединяется часть армии, и революция победоносно занимает один город за другим. 29 декабря 1911 г. в Нанкине провозглашается республика, и Сун Ят-сен избирается ее президентом.

Русские революционные события 1904—1905 гг. не прошли бесследно и для *Японии*. Среди японских социалистов началось движение в пользу российского пролетариата. На международном социалистическом конгрессе в Амстердаме (1904 г.) т. Катаяма заявил о полной солидарности японских рабочих с русской революцией. Сцена братания между Катаямой и Плехановым (тогдашним представителем с.-д. партии в Международном социалистическом бюро) вызвала взрыв энтузиазма среди передовых японских рабочих. Они обратились с приветствием к русским рабочим, которое было помещено в «Искре». В Японии состоялся ряд антивоенных демонстраций и митингов. Первая антивоенная демонстрация происходила в ноябре 1904 г. в Токио. В 1905 г. революционные симпатии японского пролетариата к российскому пролетариату еще возросли. Японская социалистическая партия печатала в своей прессе подробную информацию о ходе революционных событий в России, о стачках и т. п. Среди русских пленных, находившихся в Японии, велась революционная пропаганда.

Революция 1905 г. оказала свое влияние и на события в *Индии*. После 1905 г. в Индии начали организовываться террористические акты против английских угнетателей. Противоправительственные демонстрации участились. Туземная печать становилась все более оппозиционной. Английская администрация отвечала усилением режима белого террора. В начале декабря 1905 г. Англия восстанавливает закон 1818 г. «об исключительном положении». На основании этого закона сразу было брошено в тюрьму 130 оппозиционных журналистов. В ответ начинается новая полоса террора, которая перекидывается даже в Лондон. В 1909 г. молодой индус Мадар-Лал-Дингра в Лондоне убивает полковника Керзона Уилли. 27 ноября 1909 г. в вице-короля Индии лорда Минто была брошена бомба. В одной только провинции Патиала за один день английская администрация арестовала 160 человек. Аресты происходили и в армии. В январе 1909 г. было арестовано

10 солдат туземного калькутского полка. Солдаты обвинялись в ведении революционной агитации в армии.

Таково было могучее революционизирующее влияние нашего «пятого» года в Турции, Персии, Китае, Японии и Индии. Но «косвенным путем,—говорит Ленин,—русская революция оказала свое влияние и на страны, расположенные на Западе». Ленин подробно останавливается только на одном конкретном примере: влияние революции 1905 г. *на Австрию.* Но это не значит, что других примеров не было.

«Не следует забывать, — говорит Ленин в цитированном цюрихском докладе, — что как только 30 октября 1905 г. в Вену прибыла телеграмма о конституционном манифесте царя, это известие сыграло решающую роль в окончательной победе всеобщего избирательного права *в Австрии.*

Во время заседания съезда австрийской социал-демократии, когда т. Элленбоген — тогда он еще не был социал-патриотом, тогда он был еще товарищем — делал свой доклад о политической стачке, перед ним на стол была положена эта телеграмма. Прения были сейчас же прекращены. Наше место на улице! — вот какой клич прокатился в зале заседаний делегатов австрийской социал-демократии. И ближайшие дни увидели крупнейшие уличные демонстрации в Вене и баррикады в Праге. Победа закона о всеобщем избирательном праве в Австрии была решена»[1].

Виднейший вождь австрийской социал-демократии Пернерсторфер (тоже архиправый) на докладе, сделанном германским рабочим в Лейпциге в 1906 г., так описывал это событие: «Когда на общем партейтаге в октябре прошлого года была получена телеграмма из России, утверждавшая, что там имеют в виду ввести всеобщее равное и тайное голосование, это известие вызвало закрытие партейтага и в тот же день — венскую демонстрацию. Через два часа... перед дворцом продефилировала громадная толпа рабочих... В России, этом очаге реакции, произошло то, что до сих пор никем не считалось возможным... Геройская борьба русского пролетариата должна была найти отклик и у нас».

Огромное влияние революция 1905 г. оказала далее на *Германию.* Недаром так «интересовался» событиями 1905 г. и Вильгельм II[2]. Все лето 1905 г. в Германии прошло в стачках. Стачки разыгрывались почти во всех отраслях промышленного производства. Идея массовой политической забастовки

[1] *Ленин,* Избранные произведения, т. II, стр. 16.
[2] См. об этом выше.

стала приобретать в Германии в это время множество сторонников. Росло и ширилось движение в пользу всеобщего избирательного права в Пруссии. В июле 1905 г. произошло восстание на нашем броненосце «Потемкине». Прямым откликом на выступление «Потемкина» явилось возмущение матросов германского крейсера «Frauenlob» во время большого парада в Кильской гавани. Матросы арестовали своих офицеров, бросили в воду замки орудий и подняли на корабле красный флаг. Вслед за изданием царского манифеста 17 октября в Германии особенно высоко поднялась волна борьбы за изменение избирательного права. Рабочие устраивали митинги и демонстрации. Высшего подъема движение немецких рабочих достигло в первую годовщину 9 (22) января 1906 г. По всей стране были устроены громадные собрания и демонстрации, посвященные русской революции. Борьба принимала широчайшие размеры. Не зевала, конечно, и немецкая буржуазия. Германская газета «National Zeitung» сообщала, что между Петербургом и Берлином состоялось соглашение, по которому в «нужную минуту пять германских корпусов будут отправлены через русскую границу». Такие сообщения только подливали масла в огонь.

Далеко не все вожди тогдашней международной социал-демократии (в том числе и многие из тех, которые считали себя западноевропейскими марксистами) оказались на высоте в эту пору наибольшего воздействия революции 1905 г. на западноевропейские страны. Но «низы» рабочих масс повсюду в Западной Европе жадно ловили каждое известие из России и горели желанием помочь русской революции. Рядовые рабочие во всем капиталистическом мире реагировали чрезвычайно чутко на события 1905 г. Они сознавали и чувствовали, что совершается нечто великое, давно ожидавшееся, могущее сразу изменить положение во всей Европе, нечто, имеющее всемирно-историческое значение.

Уже в самом начале 1905 г. стало замечаться такое именно отношение со стороны рабочих «низов» в Западной Европе. Через два дня после «кровавого воскресения» рабочие европейских стран стали откликаться достаточно единодушно. В тогдашнем большевистском органе «Вперед» [1] помещались целые сводки.

В *Брюсселе* устраивается собрание на открытом воздухе, тысячная толпа направляется к русскому посольству с кри-

[1] № 4 от 31 января 1905 г.

ками «Долой царизм!» «Долой убийц!» В *Вене* устраиваются разом два митинга... Митинги протеста против петербургских палачей созываются в *Праге, Кракове, Пшемысле*. В *Триесте* рабочие собрались перед русским консульством, чтобы протестовать против зверства русского правительства... Во всех сколько-нибудь значительных городах *Швейцарии* состоялись митинги сочувствия и протеста. В *Лондоне* сорвана большая медная доска, красовавшаяся на здании русского посольства. Собрания протеста были и в итальянских городах: *Риме, Неаполе* и др. Много собраний протеста было и в *Париже* они созывались и рабочими синдикатами и французским студенчеством. Поведение царских войск объявляется беспримерным преступлением, а правительство русского деспота признается исключенным из цивилизованного человечества. В нескольких газетах открыта подписка в пользу петербургских рабочих. Парижский союз труда, его отделы, а также все рабочие союзы и биржи труда приглашаются к протесту.

В течение всего 1905 г., по мере того как приходили новые известия из России, волна боевого настроения поднималась все выше и выше.

Революция 1905 г. отразилась и на революционном движении рабочего класса *Англии*. Именно в первое десятилетие XX в. в английском рабочем движении замечается известный перелом. В эти годы возникает ряд крупнейших стачек рабочих хлопчатобумажной промышленности, рудокопов Южного Уэльса, докеров и пр. К главнейшим причинам сдвига влево в настроениях английских рабочих несомненно относится влияние русской революции 1905 г.

Велико было влияние русской революции на рабочий класс *Франции*. Мы видели уже, как чутко французский пролетариат откликнулся на 9 января 1905 г. Весь период 1904—1906 гг. был наполнен борьбой синдикатов за 8-часовой рабочий день и подготовкой к всеобщей стачке. В мае 1906 г. во Франции произошли грандиозные стачки, охватившие около 140 тыс. рабочих. Французские стачечники несомненно находились под влиянием стачечной борьбы русских рабочих в 1905 г.

Такова же была картина и в *Италии*. Ненависть к русскому царю издавна жила в самых широких кругах революционно настроенных итальянских рабочих. Царская клика долго помнила тот «прием», который был оказан итальянскими рабочими Николаю Кровавому, когда он вздумал было

совершить путешествие по Италии. (Его освистали.) Свист итальянских рабочих долго стоял в ушах всех поклонников царизма.

События 9 января 1905 г. вызвали мощное движение рабочих *в Швейцарии*. По всей Швейцарии проходила волна стачек. Настроение рабочих масс было крайне приподнято. Под непосредственным влиянием осенних стачек русских рабочих в 1905 г. среди рабочих Швейцарии получила широкое распространение идея всеобщей забастовки.

С большим воодушевлением встречены были революционные события 1905 г. в *Болгарии*. Целый год болгарские рабочие напряженно следили за событиями в России. Болгарские революционеры были особенно хорошо знакомы с марксистской литературой, издававшейся русскими марксистами. В Болгарии сравнительно широко распространялась «Искра». Революция 1905 г. сильнее закрепила идеи революционного марксизма в сознании болгарских рабочих.

Нет никакого сомнения в том, что искры революционного пожара 1905 г. залетали и в более отдаленные уголки рабочей Европы, перелетали через океан, оказывая известное влияние на рабочих Америки и т. д.[1]

Международная буржуазия показала достаточно солидарности с русским царизмом, в котором она спреведливо видела оплот реакционно-капиталистического могущества во всем мире. Но и западноевропейский пролетариат и народные массы колониальных и полуколониальных стран быстро пробуждались к революционной борьбе и поднимались для заявления солидарности с русской революцией.

Царское правительство не жалело денег на подкуп мировой буржуазной прессы. Да мировая буржуазная пресса и сама «бескорыстно» старалась изо всех сил извратить действительный смысл событий революции 1905 г. Но вести о героической борьбе революционных рабочих, вести о восстаниях в революционном флоте доносились через все препятствия. Рабочий класс Запада и трудящиеся массы Востока, как губка, впитывали вести о таких событиях, как восстание «Потемкина», всеобщая забастовка, декабрьское восстание в Москве и т. д.

---

[1] Наиболее подробная сводка откликов на революцию 1905 г. дана в томе II Истории ВКП(б) — коллективной работы, вышедшей в 1930 г. под ред. Ем. Ярославского. Из этой сводки мы заимствовали некоторые фактические сведения, приводимые в этой главе. Но, разумеется, и эта сводка далеко неполна.

да Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии, и именно поэтому ей дано было оказать такое могущественное революционизирующее влияние не только на Западе, но и на Востоке.

1905 г. создал, как выражался Ленин, революционный народ, руководимый революционным пролетариатом. Этого отнять не смогли уже никакие силы в мире — не только оправившийся царизм, но и мировая буржуазная реакция. Революция 1905 г. нанесла крупнейший удар не только царизму, но и мировой капиталистической реакции. Революция 1905 г. была — после долгих мучительных лет тяжелой реакции и застоя — первым всемирно-историческим призывом к пролетариям всей земли, угнетенным массам колониальных и полуколониальных стран, — призывом и надеждой...

* * *

Причины, приведшие к поражению революции 1905 г., сложны и различны. Рабочий класс России оказался в 1905 г. еще недостаточно сильным и организованным, а тактика рабочей партии, в состав которой входили еще тогда меньшевики, порой имевшие даже численный перевес в парторганизациях, советах и т. п., — недостаточно выдержанной и смелой. Крестьянство не было еще в достаточной мере разбужено и политически просвещено, что отразилось прежде всего на настроениях значительной части крестьянской армии. Русская либеральная буржуазия окончательно перешла на сторону контрреволюции, когда увидела, какой размах приобретает борьба рабочих. Но одной из самых важных причин, обусловивших исход революции 1905 г., было выступление западноевропейской буржуазии, поддержавшей пошатнувшийся трон царя.

Ну, а международный пролетариат? Почему не парализовал он действий международной буржуазии? Почему не поднялся он на решительную борьбу за социалистическую революцию в передовых странах капитализма? Причин этому было много. Одна из важнейших причин — тогдашнее состояние международной организации пролетариата, т. е. II Интернационала.

Выше мы видели, как горячо отнеслись к революции 1905 г. рабочие «низы» в Европе, как рванулись они на поддержку революции 1905 г. Совсем не таким было поведение громадной части вождей II Интернационала, среди которых мно-

гие уже в то время были более или менее законченными «меньшевиками». Этим вождям нехватало именно того отношения к русской революции, которое было у Маркса.

Мимо событий 1905 г., конечно, не мог пройти никто, в том числе и самая консервативная часть вождей II Интернационала. Все они писали и говорили о русской революции, но в их выступлениях можно было найти что угодно — только не ту постановку вопроса о значении русской революции, какую давали в свое время Маркс и Энгельс. Парвус в минуту просветления в 1905 г. сказал, имея в виду преимущественно русских меньшевиков и эсеров: «Найти русского социалиста страшно трудно, если не невозможно, — это все сплошь революционные демократы». То же, с известной модификацией, можно было сказать о громадной части вождей II Интернационала в 1905 г. Конечно, они были «против царизма». Конечно, все они считали русский царизм варварским режимом, который в интересах «цивилизации» надо упразднить. Конечно, все они «сочувствовали» борьбе русских революционеров против царизма, не понимая при этом и не желая понять, в чем политическая разница между большевиками, меньшевиками, эсерами и т. п.

Но дальше замены царского режима буржуазно-парламентарным режимом их мысль не шла. О связи русской реворюции с революцией международной, о возможности перерастания буржуазно-демократической революции в России в социалистическую революцию, о превращении русской революции в пролог пролетарской революции на Западе, о влиянии русской революции на страны Востока, — обо всем этом многие «практики» и «вожди» II Интернационала не думали. Наиболее законченное выражение этим мещанским настроениям и «оценкам» русской революции дал Вандервельде в 1906 г. В ответ на знаменитую анкету Плеханова о характере русской революции председатель II Интернационала и один из влиятельнейших его вождей, Вандервельде, заявил:

«Сознаюсь откровенно, я не понимаю, как можно в такой момент, когда все должно быть в действии, рассуждать на тему о буржуазном или социалистическом характере русской революции... Приведет ли она к непосредственному торжеству социализма? Чтобы притти к такому выводу, надо предположить, что народ, состоящий на 9/10 из крестьян, в общем малограмотных, является более зрелым для социалистической революции, чем те народы, у которых промышленный пролетариат образует большинство населения».

Так рассуждал председатель II Интернационала! Так рассуждали многие влиятельные вожди II Интернационала!

II Интернационал и в лучшую пору своей деятельности был построен на принципах федерализма и не ставил себе задачей организацию международного руководства революционным движением из одного центра. Чтобы действительно парализовать помощь со стороны международной буржуазии пошатнувшемуся русскому царизму, международному пролетариату нужна была организация того типа, каким является III Интернационал. А II Интернационал и в 1905 г. не был похож ни на III, ни на I Интернационал.

Уже после Октябрьской революции 1917 г. Ленин, бичуя идеологию центристских вождей II и 2½-го Интернационалов, не раз указывал на то, что даже самым образованным и добросовестным из них более всего мешал понять подлинное значение Октябрьской революции тот факт, что эта первая социалистическая революция произошла в отсталой стране. «Мы едва ли ошибемся, если скажем, что именно... противоречие между отсталостью России и ее «скачком» к высшей форме демократизма через буржуазную демократию — к советской или пролетарской, именно это противоречие было одной из причин... которая особенно затруднила и замедлила понимание роли Советов на Западе».[1] В известных записках о Суханове Ленин подробно разбирает эту тему. Действительно, даже самые образованные из центристских вождей пробавлялись банальным перепевом той грошевой «мудрости», какую высказал Вандервельде в 1906 г.

Было время, когда Каутский в вопросе о русской революции и соотношении ее с революцией международной продолжал традиции Маркса. Это было в 1902 г., когда Каутский еще был марксистом. В статье «Славяне и революция», помещенной в старой (ленинской) «Искре», Каутский писал (приведем большую выдержку — она стоит того): «В настоящее же время (в противоположность 1848 г.) можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам. Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX в. он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. и Германия вступила в ряды революционных наций... Новое столетие начинается такими событиями,

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVI, стр. 183.

которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в *Россию*... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставит снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России... С царем русские революционеры, быть может, давно уже справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника, — европейского капитала. Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественники. Но, как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, — к сожалению, более чем достаточно, — не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее. В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую, счастливую весну для народов».

От такой постановки вопроса сам Каутский теперь отрекся вполне. Его ренегатство нигде не нашло себе столь «яркого» выражения, как именно в сфере его отношений к русской революции.

И в 1905 г. Каутский подходит к таким оценкам русской революции, которые были близки к марксовым.

«Русская революция, — пишет Каутский в 1905 г. в предисловии ко II тому «Теории прибавочных ценностей», — это грандиознейшее и великолепнейшее увенчание марксовой практической деятельности». В статье «Последствия японской победы» он говорит о том, что русская революция «может создать революционную ситуацию во всей Западной Европе». В предисловии к русскому изданию своей работы о Франции он

заявляет, что нет большего счастья и большей чести для борца за пролетарское дело, как иметь возможность, иметь право обращаться с речью к русскому народу, «этому герою и мученику, этому боевому авангарду человечества». «По отношению к русским товарищам, когда дело идет о России, я чувствую себя в положении „учащегося» — восклицает Каутский в 1906 г.[1]. «Подобно тому как английские рабочие должны отучиться смотреть на немецкий пролетариат как на осталых людей, точно так же мы в Германии должны отучиться смотреть подобным образом на русских» — заявляет он в 1907 г.[2]. А теперь!.. Теперь Каутский и К° являются фактически главными «теоретиками» империалистской интервенции против СССР, злейшими врагами нашей пролетарской революции...

В 1905 г. в верхах германской социал-демократии, наиболее передовой из европейских партий II Интернационала, господствовали настроения, мало похожие на то, что писал Каутский в статье «Славяне и революция». Конечно, богатая и сильная германская социал-демократия помогала в 1905 г. (и раньше) русским революционерам деньгами, помогала в деле транспортировки литературы (вспомним Кенигсбергский процесс), помогала пропагандой против царизма и т. д., но дело русской революции она не считала своим делом, — в том смысле, как вопрос этот ставили Маркс и Энгельс. В германской социал-демократии в 1905 г. были возможны еще такие случаи. Оппортунистическая редакция центрального органа партии «Форвертс» опубликовала (23 февраля 1905 г.) статью «О политике русского правительства», где указывала, что главная опасность в начавшейся революции в России — это крестьянские бунты, якобы использованные царским правительством против «своих врагов» либералов. «Возможность спасения, — писал «Форвертс», — лежит теперь в фабричном пролетариате; правительство же постарается для борьбы с интеллигенцией привлечь его на свою сторону лукавыми обещаниями... Если самодержавное правительство не уступит и не удовлетворит тотчас же главных требований, выставленных либеральной партией, а именно: требований свободы печати и созыва *парламента из земских деятелей,* то Россия превратится в арену народного восстания, которое своими ужасами не уступит тридцатилетней войне в Германии.

---

[1] «Движущие силы и перспективы».
[2] Предисловие ко 2-му изданию «Соц. революции».

Это восстание, быть может, не только сметет нынешнее правительство в России, но оно уничтожит и культуру и разгромит русское государство».

В ответ на это Каутский в теоретическом журнале партии «Neue Zeit» (оппортунистический «Форвертс» не помещал тогда статей Каутского) выступил со статьей «Крестьяне и революция», в которой дал критику (хотя и не во всех отношениях удовлетворительную) этой либеральной точки зрения центрального органа партии.

Или другой пример. Когда в европейской буржуазной печати появилась лживая телеграмма, будто восставший «Потемкин» сдался адмиралу Кригеру, то центральный орган австрийской социал-демократии «Арбайтер Цейтунг» разразился статьей, в которой говорилось: «Дерзость, толкающая на безмерно храбрые дела,—и на следующий же день трусливая покорность, печальная сдача палачу. Такова «широкая русская душа», соединяющая варварскую жестокость с женственно-нежным состраданием, таковы колебания славянской натуры между проявлениями огромной силы и самой жалкой слабости».

Оппортунистическая редакция «Форвертса» как раз в начале 1905 г. открыто выступала за объединение социал-демократов с эсерами и т. п. Лишь к концу 1905 г., под влиянием роста революционных настроений германских рабочих, стоявшего в связи с событиями в России, эта почтенная редакция была сменена.

Даже Бебель при всем его горячем сочувствии делу борьбы за свободу России плохо понимал роль пролетариата и других классов в русской революции. Бебель знал, что «как ни отлична русская революция от революции всякой другой страны, она представляет величайшую в своем роде революцию из всех известных во всемирной истории». Бебель знал, что Россия—это «громадное государство на востоке Европы, находившееся в последние два десятилетия на верном пути к подчинению себе всей Азии». Но ясного понимания характера русской революции и связи ее с революцией международной не было и у Бебеля.

Жорес, тогда уже виднейший вождь французской социалистической партии и один из вождей II Интернационала, тоже горячо сочувствовал революционной борьбе против царизма. Но когда дело зашло о новом французском займе царю в начале 1906 г. — займе, который имел крупнейшее значение в деле борьбы против революции 1905 г. — Жан Жорес огра-

ничился статьей, в которой писал: «Было бы чудовищно (а весь франко-русский союз не был «чудовищен»!—*Г. З.*). если бы правительство Французской республики поддержало правительство автократов России против нации. Уменьшить финансовые затруднения царизма — это значит дать ему возможность выиграть время и еще раз одурачить народ, это значит подкладывать огонь в горн, в котором автократы закаляют свое оружие»[1].

Это постановка вопроса не пролетарского социалиста, а в лучшем случае революционного демократа.

Так обстояло дело во II Интернационале...

Напомним, что большевизм в это время только еще выходил на международную арену. Сложившись окончательно в 1903 г., большевизм сначала встретил крайне враждебное отношение со стороны почти всех вождей II Интернационала, не исключая даже таких будущих союзников большевиков, как Роза Люксембург. В 1904 г. на Амстердамском международном социалистическом конгрессе впервые появляются большевики, и то с трудом допущенные на конгресс. Официальная делегация с.-д. партии возглавлялась Плехановым, перешедшим уже тогда на сторону меньшевиков. Все старые вожди российской социал-демократии — Плеханов, Аксельрод, Засулич — использовали свои связи с лидерами II Интернационала для того, чтобы информировать их в антибольшевистском духе. Бебель от имени германской социал-демократии делает попытку назначения простого третейского суда для «разрешения» исторического спора между большевиками и меньшевиками.

В начале июля 1905 г. Ленин отправляет обращение в Международное социалистическое бюро в связи с революционным восстанием в царском флоте: «Вполне возможно, — пишет Ленин, — что русское правительство, не доверяя больше своим собственным морским силам, попытается заставить военные корабли европейских государств сражаться против русской революции под предлогом защиты живущих в Одессе иностранцев... Существует большая опасность, как бы не заставили европейские народы играть роль палачей русской свободы. Может быть, было бы подходяще, — предлагает Ленин, — опубликовать от имени Международного социалистического бюро обращение к рабочим всех стран. В этом обращении надо было бы подчеркнуть, что в России происходят не народные бунты черни, но революция, борьба за свободу»[2].

[1] Статья от 7 февраля 1906 г.
[2] *Ленин,* Собр. соч., т. VII, стр. 392, нов. изд.

На это обращение Ленина Международное социалистическое бюро даже не дало никакого ответа.

* * *

Уже в «Что делать?» Ленин констатировал тот факт, что «В современной международной социал-демократии образовалось два направления, борьба между которыми то разгорается и вспыхивает ярким пламенем, то затихает и тлеет под пеплом внушительных «резолюций о перемирии». Когда пришел «пятый» год, ревизионистское «направление» показало себя во всей красе.

Вожди правого крыла II Интернационала более или менее откровенно саботировали революционную борьбу западноевропейских рабочих, рвавшихся на поддержку революции 1905 г. Настоящие и будущие центристы ограничивались платоническим «сочувствием» и добрыми словами.

Но вместе с тем, под влиянием революционных событий в России, росло и левое крыло.

Русская революция 1905 г. поставила ребром перед германской социал-демократией вопрос о массовой стачке, принудив ревизионистов, если не снять, то хоть немножко приподнять маску. Одним из результатов революционных событий 1905 г. в России была диференциация не только в среде русского рабочего движения, но и в среде международного рабочего движения — в первую очередь в германской социал-демократии. Несмотря на свои крупнейшие избирательные победы, партия попрежнему не имела возможности провести через рейхстаг ни одной сколько-нибудь серьезной реформы из-за противодействия буржуазных партий. Мало того. Можно было даже опасаться, что буржуазия перейдет к ухудшению избирательного права. И если бы не русская революция, оказавшая свое влияние в Германии, дело, быть может, дошло бы и до этого. Как раз в 1905 г. германская социал-демократия подошла к некоторому рубежу. Организация предпринимателей в Германии стала настолько «совершенной», что выиграть экономическую стачку для профсоюзов становилось все более трудным. В чисто политической области—в частности, на парламентской арене — создалось такое соотношение сил, при котором о проведении реформ и мечтать не приходилось.

К этому-то времени «подоспела» русская революция, которая и дала международному пролетариату первые крупные образцы сначала массовой политической стачки, а затем массовой политической стачки в сочетании с вооруженным вос-

станием. Рабочие массы Германии с жадностью следили за революционными событиями в России. Роза Люксембург, имевшая тогда уже серьезное влияние в германском рабочем движении, выступила перед германскими рабочими с истолкованием того, что происходило в России. Она воспользовалась полевением «низов» для того, чтобы понести к ним идею массовой политической забастовки.

В такой обстановке был созван Иенский партейтаг германской социал-демократии. Докладчиком выступил Бебель. Тысячами нитей связанный с германским рабочим классом Бебель, тогда все еще один из лучших выразителей революционных чаяний германского пролетариата, поставил в Иене вопрос о «недостаточности старых тактических средств» и выдвинул необходимость «применения в известных условиях массовой политической стачки».

По предложению Бебеля партейтаг принял резолюцию, в которой германскому пролетариату рекомендовалось «самое широкое применение массовой забастовки, как одного из наиболее действительных средств борьбы не только для предотвращения возможных покушений буржуазии на всеобщее избирательное право и свободу коалиций в Германии, но и для завоевания рабочим классом важных основных прав, необходимых для его освобождения». Эта постановка вопроса далеко не была безупречной с точки зрения революционного марксизма. Достаточно только сравнить ее с ленинской постановкой на III съезде партии (1905). Но и такая постановка вопроса являлась громадным событием для германской социал-демократии, в среде которой ревизионисты в течение более десятка лет, начиная с 90-х годов, невозбранно проповедывали взгляд, высказанный Игнатием Ауэром, что «генеральная стачка есть генеральная бессмыслица». Излюбленным приемом германских ревизионистов являлось: сначала истолковать всеобщую забастовку в анархистском смысле, а затем с легкостью разбивать эту анархистскую концепцию. Русская революция 1905 г. впервые «реабилитировала» идею массовой политической забастовки и поставила эту проблему во весь рост.

На самом партейтаге в Иене ревизионисты, верные своей обычной манере, не дали открытого боя, боясь слишком резких расхождений с настроениями левеющих под влиянием русской революции германских рабочих. Они ограничились скептическими оговорками, насмешками исподтишка, нападками на Розу Люксембург и других левых, но зато они заранее подготовились к съезду профсоюзов в Кельне в конце 1905 г. Кельн

заранее противопоставил себя Иене. В Кельне оппортунисты провели резолюцию, в которой заявляется, что съезд профсоюзов «отвергает все попытки заранее установить определенную тактику, основанную на провоцировании политической стачки», и рекомендует организованным рабочим энергично противодействовать таким попыткам. Оппортунисты пошли еще дальше. Их Кельнская резолюция заявляет, что «идея всеобщей стачки, которую защищают анархисты и люди, лишенные всякого опыта в области экономической борьбы, не подлежит обсуждению». Это был прямой вызов.

Если бы русская революция победоносно развивалась дальше, вполне вероятно, что борьба между марксистами и ревизионистами в Германии приняла бы тотчас же очень резкие формы — причем, конечно, и в Бебелевском крыле произошла бы сильная диференциация. Очень возможно, что Каутский и Бебель не выдержали бы и в этом случае испытания и подлинно марксистское направление было бы возглавлено другими вождями. Сопоставление двух съездов — Иена и Кельн — говорит об этом достаточно наглядно. Но русская революция скоро пошла на убыль. Поражение русской революции 1905 г. не могло не задержать рост революционных настроений в Германии. В то же время экономическая конъюнктура Германии несколько улучшилась и создала более благоприятную обстановку для экономической борьбы германских рабочих. Реформистские вожди профсоюзов подняли голову и начали нажимать на ЦК германской социал-демократии еще сильнее.

В этой обстановке Бебель стал отступать, и уже на Мангеймском партейтаге (1906 г.) он заявил, что еще не наступило время прямо призывать к массовой стачке для завоевания всеобщего избирательного права в Пруссии. Бебель заявил далее, что принципиально он остается на почве Иенской резолюции, но в то же время подчеркивал, что нельзя прямо переносить русский опыт на германскую почву и т. п. В Мангейме Бебель считал уже возможным ограничить применение всеобщей забастовки только обороной. Это была громадная уступка оппортунистам. «Если будет задумано покушение на всеобщее избирательное право или если захотят отнять у рабочих право коалиций», тогда неизбежно будет применение массовой забастовки — но только тогда.

Почуяв ослабление позиций антиревизионистского лагеря, нащупав, что цекистский фронт не так крепок, ревизионисты переходят в более решительное наступление и развивают

свою «кельнскую» линию. Генеральная комиссия профсоюзов выставила в Мангейме своего содокладчика, пресловутого Карла Легина, который выступил оппонентом Бебелю. Легин заявил: «Мы уже более двух десятилетий воспитываемся в Германии в духе того понимания всеобщей стачки, которое Ауэр формулировал словами: «генеральная стачка — это генеральная бессмыслица». И теперь мы должны изменить свое мнение! .. Ведь в партии нас учили 10 лет под ряд, что революции в старом смысле невозможны. Нам всегда говорили: на почве законности мы процветаем лучше всего. Нам постоянно повторяли: мы не можем оказывать сопротивление, пуская в ход силу».

Другой представитель оппортунистов, Эдуард Давид, «углубил» Легина. Он поставил вопрос так: массовая политическая забастовка несомненно означает уличную борьбу, а если забастовка «выродится» в уличную борьбу, тогда могут погибнуть все завоевания германских рабочих. Он против всякой революционной «романтики». Он и Легин настаивают на том, что лозунгом является «просвещение рабочих масс, а не пропаганда массовой стачки». Считая еще тактически небезопасным прямо требовать отмены Иенской резолюции, Легин предложил партейтагу признать, что Иенская резолюция о всеобщей стачке не противоречит резолюции Кельнского конгресса профессиональных союзов. Роза Люксембург во главе небольшой группы непримиримо настроенных революционных марксистов бичевала постановку вопроса, данную Легиным и Давидом, и мягко, но справедливо полемизировала против Бебеля. Ревизионисты, чтобы усилить нажим, намекали на возможность раскола. Съезд, как всегда, принял резолюцию Бебеля, которая была составлена совместно Бебелем и Легиным. На деле это было уже началом блока ревизионистов и будущего «центра» против левых. Это было громадным усилением ревизионистов. За резолюцию Бебеля было подано 323 голоса, против — 62. В числе последних были не только Роза Люксембург, но и Каутский.

Теперь, когда оглядываешься назад, становится вполне ясным, что русская революция 1905 г. послужила крупным толчком к расслоению рядов II Интернационала. Идейные бои на Иенском партейтаге германской социал-демократии целиком были связаны с революцией 1905 г. и имели огромное значение для всего II Интернационала.

После событий 1905 г., после того как тактика большевиков фактически возобладала в целом ряде крупнейших боев

1905—1906 гг., после того как русские меньшевики на фоне поражения революции 1905 г. стали поворачивать особенно усердно направо, — часть вождей II Интернационала стала больше прислушиваться к голосу большевиков и даже отчасти поддерживала их. Роза Люксембург и руководимая ею польская социал-демократия в 1906—1907 гг. склонилась в основном на сторону большевиков. В некоторых основных вопросах — оценке контрреволюционности русской буржуазии, вопросе о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства — большевиков стал до известной степени поддерживать и Каутский. Роза Люксембург в те времена имела очень большое влияние на Каутского, в особенности в вопросах русской революции, в которых Каутский признавал ее авторитет.

В 1907 г. на Штутгартском конгрессе II Интернационала левое крыло стало консолидироваться под руководством Ленина и Розы Люксембург, которым в некоторых вопросах тогда помогал еще Каутский. Даже потерпевшая поражение революция 1905 г. имела тот результат, что на Штутгартском конгрессе в 1907 г. атаке международного реформизма дан был достаточно серьезный отпор. Оценивая итоги Штутгартского съезда Ленин писал:

«В общем и целом Штутгартский съезд рельефно сопоставил по целому ряду крупнейших вопросов оппортунистическое и революционное крыло международной социал-демократии и дал решение этих вопросов в духе революционного марксизма. Резолюции этого съезда, освещенные дебатами на съезде, должны стать постоянным спутником всякого пропагандиста и агитатора. Единство тактики и единство революционной борьбы пролетариев всех стран сильно двинет вперед дело, сделанное в Штутгарте»[1].

Одной из главнейших резолюций Штутгартского конгресса была известная резолюция против войны. Ленин решительно критикует первоначальный проект резолюции Бебеля, «которая во всем существенном совпадала с резолюцией Гэда», но «страдала именно тем недостатком, что не содержала в себе никакого указания на активные задачи пролетариата. Это давало возможность читать ортодоксальные положения Бебеля сквозь оппортунистические очки. Фольмар немедленно превратил эту возможность в действительность»[2].

Но после поправок, главным образом после поправок внесенных Лениным и Розой Люксембург, резолюция приняла

---

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. XII, стр. 83, нов. изд.
[2] Там же, стр. 82.

удовлетворительный вид. «В результате всей этой переработки вышла резолюция, правда, непомерно длинная, но зато действительно богатая мыслями и точно указывающая задачи пролетариата. В этой резолюции строгость ортодоксального, т. е. единственно научного, марксистского анализа соединилась с рекомендацией рабочим партиям самых решительных и революционных мер борьбы. По-фольмаровски нельзя читать этой резолюции, как нельзя и вместить ее в узенькие рамки наивнего эрвеизма» [1].

Такую высокую оценку дал Ленин принципиальным резолюциям Штутгартского международного конгресса, на работах которого несомненно сказались сравнительно недавние революционные события в России. И хотя в делегации германской социал-демократии преобладание имели уже оппортунисты (между прочим, благодаря тому, что оппортунистические вожди профсоюзов получили целую половину голосов в ней), — марксисты все же смогли наложить свой отпечаток на все решения этого конгресса.

Когда наступила мировая империалистская война, у кормила правления германской социал-демократии оказались, по слову Ленина, «палачи и продажные негодяи» — Шейдеман, Эберт, Носке и К°. Свое предательство рабочего класса эти господа, между прочим, пытались прикрыть лозунгом «против царизма». Империалистскую войну на стороне Вильгельма Кровавого они поддерживали будто бы в интересах «борьбы против царизма». При этом названные герои не раз «ссылались» на Бебеля и В. Либкнехта, которые якобы завещали им итти по этой грязной дороге. Действительную разницу между В. Либкнехтом и Бебелем, с одной стороны, и Шейдеманом и Носке — с другой, Ленин однажды разъяснил в следующих образных словах:

«С точки зрения развития международной революции переход от чартизма к лакействующим перед буржуазией Гендерсонам, или от Варлена к Ренnetworking, или от Вильгельма Либкнехта и Бебеля к Зюдекуму, Шейдеману и Носке есть лишь нечто вроде «перехода» автомобиля от гладкого и ровного шоссе в сотни верст к грязной вонючей лужице на том же шоссе, к лужице в несколько аршин» [2].

---

[1] Там же, стр. 83.
[2] *Ленин,* Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 70.

VI. ПОЗИЦИЯ МЕНЬШЕВИЗМА В МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТСКОЙ ВОЙНЕ. КАК МЕНЬШЕВИЗМ ПРЕВРАТИЛСЯ В СОЦИАЛ-ШОВИНИЗМ.

«Экономизм» был оппортунистическим течением в русской социал-демократии. Его политическая сущность сводилась к программе: «рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба». Его главной теоретической опорой был так называемый «легальный марксизм» или «струвизм», который «признавал» «марксизм», совершенно очищенный от всякой революционности и приспособленный к потребностям либеральной буржуазии. Ссылаясь на неразвитость массы рабочих в России, желая «итти с массой», «экономисты» ограничивали задачи и размах рабочего движения экономической борьбой и политической поддержкой либерализма, не ставя себе самостоятельных политических и никаких революционных задач.

Старая «Искра» (1900—1903) победоносно провела борьбу с «экономизмом» во имя принципов революционной социал-демократии. Весь цвет сознательного пролетариата стал на сторону «Искры». За несколько лет до революции социал-демократия выступила с последовательной и непримиримой программой. И борьба классов, выступление масс во время революции 1905 г. подтвердили эту программу. «Экономисты» приспособлялись к отсталости масс. «Искра» воспитывала авангард рабочих, способный вести вперед массы. Доводы социал-шовинистов, выдвинутые в 1914 г. (о необходимости считаться с массой, о прогрессивности империализма, об «иллюзиях» революционеров и т. п.), *все* были уже выдвинуты экономистами. С оппортунистической подделкой марксизма под «струвизм» марксистская Россия познакомилась уже в 90-х годах.

Эпоха буржуазно-демократической революции породила новую борьбу течений социал-демократии, которая была прямым продолжением предыдущей. «Экономизм» видоизменился в «меньшевизм». Отстаивание революционной тактики старой «Искры» создало «большевизм».

В бурные 1905—1907 гг. меньшевизм был оппортунистическим течением, которое поддерживали либеральные буржуа и которое проводило либерально-буржуазные тенденции в рабочем движении. Приспособление борьбы рабочего класса к либерализму, — в этом была его суть. Напротив, большевизм ставил задачей с.-д. рабочих поднимать на революционную борьбу демократическое крестьянство вопреки шатаниям и изменам либерализма. И рабочие массы, как это признавали неоднократно сами меньшевики, шли во время революции с большевиками при всех крупнейших выступлениях.

Революция 1905 г. проверила, укрепила, углубила и закалила непримиримо-революционную большевистскую тактику в России. Открытое выступление классов и партий неоднократно обнаруживало связь социал-демократического оппортунизма («меньшевизма») с либерализмом.

Контрреволюционная эпоха в совершенно новой форме опять поставила на очередь дня вопрос об оппортунистической и революционной тактике социал-демократии. Главное русло меньшевизма, вопреки протестам многих лучших его представителей, породило течение ликвидаторства, — отречение от борьбы за новую революцию в России, от нелегальной организации и работы, презрительные насмешки над «подпольем», лозунгом республики и т. д. В лице группы легальных литераторов журнала «Нашей зари» (Потресов, Череванин и т. д.) сплотилось независимое от старой социал-демократической партии ядро, которое тысячами способов поддерживала, рекламировала и холила либеральная буржуазия России, желавшая отучить рабочих от революционной борьбы.

Эту группу оппортунистов исключила из партии январская конференция РСДРП 1912 г. (ленинская), которая восстановила партию вопреки бешеному сопротивлению целого ряда заграничных групп и группок. В течение более чем двух лет (начало 1912 — половина 1914 г.) шла упорная борьба двух с.-д. партий: большевистского ЦК, выбранного в январе 1912 г., и меньшевистского «Организационного комитета», который не признавал январской конференции и хотел иначе восстановить партию, сохраняя единство с группой «Нашей зари». Упорная борьба шла между двумя ежедневными рабочими газетами («Правдой» и «Лучом» с их преемниками) и между двумя с.-д. фракциями IV Гос. думы («РСДР фракцией» правдистов или марксистов и «с.-д. фракцией» ликвидаторов с Чхеидзе во главе).

Отстаивая верность революционным заветам партии, поддерживая начавшийся подъем рабочего движения (после весны 1912 г. особенно), соединяя легальную и нелегальную организацию, печать и агитацию, «правдисты» (большевики) сплотили вокруг себя подавляющее большинство сознательного рабочего класса, тогда как ликвидаторы, действуя как политическая сила исключительно в лице группы «Нашей зари», опирались на всестороннюю поддержку либерально-буржуазных элементов.

Мировая империалистская война дала всем европейским, а также русским социал-демократам возможность проверить их тактику на кризисе всемирного размера. Реакционный, грабительский, рабовладельческий характер войны со стороны царизма еще несравненно нагляднее, чем со стороны других правительств. Тем не менее основная группа ликвидаторов (единственная, кроме большевистской, имевшая серьезное влияние в России, благодаря ее либеральным связям) повернула к социал-шовинизму. Обладая довольно долгое время монополией легальности, эта группа «Нашей зари» повела проповедь в массах в смысле «непротиводействия войне», пожелания победы тройственного (затем четверного) согласия, обвинения в «сверхсметных грехах» германского империализма и т. п. Плеханов, с 1903 г. дававший многократно образцы своей крайней политической бесхарактерности и перехода к оппортунистам, занял еще резче ту же позицию, расхваливаемый всей буржуазной печатью России. Плеханов опустился до того, что объявлял войну справедливой со стороны царизма и в правительственных газетах Италии помещал интервью, втягивая ее в войну.

Правильность ленинской оценки ликвидаторства и исключения главной группы ликвидаторов из партии была таким образом вполне подтверждена. Реальная программа ликвидаторов и реальное значение их направления с начала мировой войны состоит не только в оппортунизме вообще, но и в том, что они защищают великодержавные привилегии и преимущества великорусских помещиков и буржуазии. Это направление *национал-либеральной* рабочей политики. Это союз части радикальных мелких буржуа и ничтожной доли привилегированных рабочих со «своей» национальной буржуазией против массы пролетариата. [1]

---

[1] Ср. «Социализм и война».

* * *

Десятками своих черт и черточек российский с.-д. оппортунизм уже до войны 1914 г. вплотную подошел к классическому типу «европейского» оппортунизма — к обычному, шаблонному, заезженному оппортунизму, каким мы знали его на Западе. Культ легализма, мелкобуржуазная переоценка парламентаризма, усиленные поиски общих «точек соприкосновения» с буржуазией, отвращение к массовым стачкам, проповедь «общенационального» оппозиционного блока для «изолирования реакции», либеральный взгляд на вооружение и вооруженные выступления масс, аграрный ревизионизм, буржуазно-нейтралистская точка зрения на профессиональное и кооперативное движение — все эти видовые признаки оппортунизма вообще давно уже присущи были и «нашему» отечественному российскому с.-д. оппортунизму. Нехватало только одного признака: законченного национализма, буржуазного взгляда на «державные» задачи своей нации, поддержки иностранной политики своего «отечества». С 1914 г. и этот признак налицо. Цикл развития завершен. В мировой империалистской войне русский оппортунизм окончательно получил свое крещение. Русские оппортунисты с 1914 г. явно представляют собою филиальное отделение, русскую секцию «международного» социал-шовинизма. Потресов, Плеханов, Финн-Енотаевский, Смирнов, Левицкий, Череванин выполняют в России то же назначение, что Зюдекум, Давид, Шейдеман, Легин, Гейне в Германии...

Ликвидаторство сложилось в *национал*-ликвидаторство. Это факт величайшей политической важности для русского рабочего движения...

Социал-шовинизм и в России есть несомненнейший *вывод* из оппортунизма, логическое звено в цепи российского ревизионизма. Связь социал-шовинизма с оппортунизмом столь же несомненна для России, как и для «Европы». Замечательно, что тот же, например, Плеханов отлично видит эту связь... для *Германии*. В своей трижды позорной книжонке «О войне» Плеханов отлично понимает, что «военная» политика германской социал-демократии «представляет собою величайшее торжество... оппортунизма», что «здесь мы имеем перед собой ревизионизм, возведенный в квадрат», что «революционный интернационализм заменился (у них) националистическим реформизмом», что, «может быть, ни в чем не сказалось до такой степени ярко победа правого крыла немецкой социал-

демократии над левым» и т. п.[1]. Последние остатки былой марксистской совести не позволяют Плеханову не видеть этой связи социал-шовинизма с оппортунизмом в *Германии.* Но великие запасы социал-шовинистской бессовестности повелевают ему *не* видеть этой связи *в* России[2]. И за какой же жалкий, дырявый софизм прячется для этого наш бывший марксист! За трижды осмеянный всеми революционными марксистами — вплоть до Каутского, когда он еще не пал к ногам Зюдекума, — софизм об оборонительной и наступательной войне *в империалистскую эпоху*. Германия, видите ли, напала на бедную царскую Россию, иностранная политика которой всегда отличалась голубиной кротостью и была чище снега альпийских вершин!.. Какой позор! Трудно себе представить более глубокое падение...

Когда читаешь брошюру «О войне» или перепечатку ее в «Современном мире»[3], все время не можешь отделаться от мысли: да неужели это писал *Плеханов?* Неужели Плеханов мог отделаться от столь серьезных вопросов такой вульгарной пустотой?..

Один единственный «довод» есть у Плеханова во всей его брошюре, как и в его статье в сборнике «Война»: его «отечество» (царская Россия), как и Франция, ведет «оборонительную» войну. На Россию напали. И к тому же «Россия не

---

[1] «О войне», стр. 12, 14, 15 и др.

[2] Так поступает и вождь кавказских социал-шовинистов, Ан (Жордания). В статье «Тактика германской социал-демократии» («Ахали Азри» № 143) он очень красноречиво доказывает, что поведение германских социал-демократов во время мировой войны есть победа ревизионизма. «Во главе германских социал-демократов ныне стоят ревизионисты Давид, Легин» и т. д., пишет он. Но, когда дело доходит до России, он рекомендует ту же тактику, что Давид для Германии. И в своем арсенале он находит даже следующий изумительный «довод»: «разница между *двумя нациями* (!) — французской и немецкой — видна из того факта, что национальный гимн первой — Марсельеза, т.-е. борьба против тиранов, а второй — Deutschland, Deutschland, über alles, т.-е. борьба с другими нациями» («Ахали Азри» № 151). Замечательно «марксистская» постановка вопроса! Ставши вульгарным шовинистом, Ан (Жордания) забыл, что Марсельеза уже давно стала во Франции казенно-патриотической и яро антисоциалистической песнью реакционной буржуазии, а «Deutschland über alles» написана *демократом* Гофманом и некогда была выражением протеста против остатков феодализма и национальной раздробленности.

[3] Иорданский сопроводил перепечатку рядом неумеренно-восторженных похвал Плеханову. Он — и самый «глубокий», и самый «авторитетный» едва ли не во всем свете социалист и т. д. Услужливый доброжелатель опаснее врага...

может не поддержать Сербии». Как будто Плеханов не слышал о многолетней грандиозной мошеннической игре царизма на «защите Сербии», на панславизме вообще! Как новорожденный младенец, он принимает всерьез все то, что преподносит «для народа» демагогия царской шайки.

И чем же доказывает Плеханов «оборонительный» характер войны со стороны царской монархии? Разбирает он хотя бы дипломатическую историю за последние десятилетия? Дает конкретную оценку группировки держав до войны? Входит в рассмотрение иностранной политики царизма до и после 1905 г.? Ставит вопрос о роли империалистских мотивов хотя бы только у «союзников» России — Англии и Франции? Вспоминает хоть одним словом об основной пружине русской политики — стремлении к разделу Турции?

Ничего подобного!! Ни слова, ни звука обо всем этом! «Оборонительный» характер войны со стороны царской России Плеханов «доказывает» только и исключительно тем, что накануне войны центральный орган немецкой с.-д. партии («Форвертс»), исполнявший еще тогда свой социалистический долг, нападал на *свое* германское правительство, изобличал *его* в провоцировании войны. Плеханов поступает по отношению к тогдашнему честному поведению «Vorwärts'a» так же бесчестно и беззастенчиво, как поступают Зюдекум, Эберт и К° по отношению к итальянским социалистам. Итальянцы, исполняя свой долг социалистов, голосуют против военных кредитов, разоблачают империализм *своего* «отечества». Тогда на трибуну германского рейхстага выходят Эберты и Зюдекумы и заявляют: вот видите, сами итальянские социалисты признали, что *их* правительство хочет империалистских захватов, сами итальянские социалисты голосуют против кредитов. Поэтому... поэтому мы голосуем *за* военные кредиты, поэтому мы поддерживаем империалистов своего «отечества»!.. Более циничную, более позорную измену принципу социалистического интернационализма трудно себе представить.

Остановимся подробнее на вопросе об оборонительной и наступательной войне.

25 лет тому назад В. Либкнехт, имея в виду эпоху национальных войн, говорил о «справедливой войне» и допускал участие социал-демократов в такой войне. А через четверть века, в лето от Р. Х. 1915-е, социал-шовинист Г. Плеханов выкопал слова Либкнехта, чтобы воскликнуть: вот именно; мы тоже стоим за «справедливую» войну; русский царь ведет

«справедливую войну», и мы, русские социал-демократы его величества, должны быть на стороне нашего царя и его «справедливой» войны.[1]

Итак, Николай Кровавый — в ореоле царя, ведущего «справедливую» войну! Вот до чего дописался Плеханов. Можно себе представить, как про себя потешались в ту пору над Плехановым царские дипломаты из «иезуитского ордена». Еще бы! Более 30 лет Плеханов был непримиримым врагом царской монархии. А в 1914—1915 гг. он повторяет за царским дипломатом Сазоновым: наш царь ведет «справедливую» войну. Война за грабеж Турции, за угнетение Галиции, за покорение под нози царя миллионов новых «подданных» есть «справедливая» война!... «Я еще не определился на службу к германским империалистам», — гордо пишет Плеханов. Это несомненно очень похвально. Но зачем же он говорит о войне так, как если бы он «определился на службу» *к русскому царю* и стал «его величества социал-демократом»?

Сославшись на слова о «справедливой» войне, Плеханов сильно облегчил разоблачение его собственного шовинизма. В самом деле. В чем заключается вся игра Плеханова вокруг критерия оборонительной войны? В том, что он смешивает две эпохи — эпоху национальных войн и эпоху войн империалистских.

Могли ли иметь место «справедливые» войны в эпоху национальных войн? *Да,* могли. Войны Великой французской революции были большею частью «справедливыми» войнами, итальянские национальные войны были «справедливыми» войнами.

А могут ли иметь место «справедливые» войны в империалистскую эпоху?

Да, могут. Но — *только* в двух случаях. Первый — война победившего в какой-либо стране *пролетариата,* защищающего завоеванный социалистический строй против других государств, отстаивающих капиталистический режим. Второй —

---

[1] См. ст. *Г. Плеханова,* Еще о войне, в сб. «Война», Париж 1915 г. Плеханов не пожелал передать полностью речь Либкнехта и тем исказил ее. Речь Либкнехта произнесена была им на Эрфуртском партейтаге в 1891 г. Она направлена была и против «молодых» полуанархистов и против Фольмара, нынешнего единомышленника Плеханова. В другом месте мы приводим полностью эту важную речь. Здесь напомним только слова из той же речи: «ни при каких обстоятельствах социал-демократия не должна позволить втянуть себя в шовинистский поток» (Протоколы Эрфуртского партейтага, стр. 206, 207).

война зависимых колониальных и полуколониальных стран, служащих *объектом* угнетения со стороны империализма, за свою независимость, *против* империалистских правительств.

«Справедливая» война *между* империалистскими европейскими правительствами невозможна, как невозможно представить себе «справедливую» — с точки зрения честных людей, а не самих разбойников — борьбу между несколькими разбойниками из-за дележа награбленной добычи. Всякая другая война, кроме указанных нами двух случаев, в наше время неизбежно будет не справедливой, а *«нечестивой»* войной, войной империалистов между собою, войной финансово-плутократических и династических клик, войной, *всегда враждебной рабочему классу всех стран.*

В двух случаях и теперь возможны «справедливые» войны. Но в мировой империалистской войне налицо не было ни первого, ни второго случая.

Казалось бы назвать типичную империалистскую разбойничью войну 1914—1915 гг. «справедливой» войной может только наемник буржуазии. Но нет — Плеханов именно *эту* войну называет «справедливой». При этом «справедливость» почиет, конечно, на стороне «нашего» отечества.

«Справедливую войну ведем *мы!*» — кричит Зюдекум с Гинденбургом.

«Нет, справедливую войну ведем *мы»,* — подают реплику Плеханов с Милюковым.

При этом и Зюдекум и Плеханов ссылаются на Либкнехта. Но Либкнехт тут решительно непричем... Согласимся, что война 1914—1915 гг. в самом деле является превентивной войной со стороны Германии — есть много оснований думать, что это в действительности так. Что из этого вытекает? Что задача рабочих всех стран исчерпывается лозунгом: «против прусского милитаризма»?

Разумеется, нет!

Что такое «превентивная» война? Ведь в само это понятие *включается* то, что и *другая сторона* готовится к войне. Коалиция *А* начинает в 1914 г. превентивную войну против коалици *Б потому,* что она убеждена, что объявление ей войны коалицией *Б* есть лишь вопрос времени, и потому, что ей данный момент кажется обещающим больше успеха.

Если предположить, что *А* — разбойник, а *Б* — добродетельнейший человек, как это утверждает *буржуазия* коалиции *Б*, тогда, конечно, «основные нормы права и справедливости» повелевают нам броситься на *А* и защитить *Б*. Или, если

предположить, что *Б* — отъявленный разбойник, а *А* — добродетельнейший гражданин, как то утверждает *буржуазия* коалиции *А*, тогда мы обязаны стать на сторону *А* и бороться против *Б*. Вся разница между империалистскими кликами обеих коалиций заключается ведь только в том, что каждая из них винит другую и обеляет себя.

Но представьте себе на минуту, что мы рассуждаем с точки зрения *совсем другого класса*, именно — с точки зрения не буржуазии *А* и не буржуазии *Б*, а с точки зрения *международного пролетариата*.

Международный пролетариат давно убежден — и тысячу раз высказывал это свое убеждение вслух, — что *и А и Б* одинаково — разбойники. *А* и *Б* в течение ряда лет точат оружие, чтобы броситься друг на друга и вцепиться друг другу в горло из-за добычи, в которой воплощена жизнь целых народов. *А* первый наточил свой разбойничий нож, а *Б* не успел вовремя кончить это почтенное занятие. *А* напал из-за угла и застал *Б* врасплох, когда он продолжал еще точить свой нож С точки зрения разбойника *Б* этим несомненно нарушены основные нормы справедливости и нравственности *разбойничьего общежития*.

Но, спрашивается, неужели также обстоит дело и с точки зрения всех честных людей? Мы думаем, что нет. Мы полагаем, что честные люди заинтересованы только в одном: чтобы посадить на цепь и *А* и *Б*, *и* того разбойника, который успел остро наточить свой нож, *и* того, кто несколько промедлил — и притом по обстоятельствам, совершенно от него независевшим, — кончить с этой операцией...

В том-то и дело, что у сторонников теории оборонительной войны в империалистскую эпоху нет другого выбора: или объявить что «наш» империализм вовсе не разбойничий, что «наши» империалисты — агнцы невинные, и тогда неминуемо покинуть точку зрения пролетариата; или — признать, что с точки зрения рабочего класса *всякий* империализм есть политика захватов, угнетения и разбоя, и тогда неминуемо бросить теорию оборонительной войны.

Критерий оборонительной войны давным-давно отжил свое время. Но если бы этого не случилось задолго до войны 1914—1915 гг., то самая эта война должна была бы его похоронить независимо от прошлого.

Что показала эта война? Кто апеллировал к критерию оборонительной войны? Все и никто. Все, ибо для оправдания своей захватной политики к нему прибегали империалисты

всех стран, дипломаты и правительства всех народов, мошенники «большой» европейской печати всех языков. Никто, ибо всерьез никто этого критерия не брал.

А самый II Интернационал! Спас ли, мог ли спасти его от краха критерий оборонительной войны? Все до единой официальные социал-шовинистские партии уверяют, что они строго руководятся критерием оборонительной войны. Немцы и французы, австрийцы и итальянцы — все они утверждают, что руководятся этим критерием. Кто-же из них прав? Они «все правы», и неправ никто. Ибо самый этот принцип теперь не годится. При настоящем положении вещей эта теория — что дышло, куда повернешь, туда и вышло. Много ли пользы для пролетариата от применения теории оборонительной войны, если в результате получился тот крах II Интернационала, который прямо скинул со счетов социалистические партии на время войны?

И это не может быть иначе, пока мы будем критерий, пригодный для одной эпохи, переносить на эпоху совершенно иную. «Vulgus non distinguit», цитирует Фейербаха Плеханов. Вот именно! Вы потому и являетесь *вульгарным шовинистом*, что *вы* не желаете различать между эпохой *национальных войн*, закончившейся еще примерно в 1871 г., и нынешней эпохой *империалистских войн*. Нет и не может быть теперь «справедливых» войн между крупными европейскими державами, которые одинаково ведут империалистскую политику. Тройственный союз и Тройственное согласие были двумя главными группировками держав, обусловившими весь ход европейской политики за предшествовавшую мировой войне эпоху. И обе эти группировки родились, жили и действовали под знаком империализма, когда, по правильному замечанию Каутского (когда он еще был марксистом), сегодня нападающей стороной является одно правительство, завтра — другое и наоборот.

При таком положении вещей даже те социалисты, которые не просто повторяли слова «своего» правительства, но которые искренне хотели честно применять критерий оборонительной войны, обречены были беспомощно колебаться из стороны в сторону.

Те, кто считал до сих пор критерий оборонительной войны правильным, если бы они способны были учиться у истории, должны были бы теперь сами сказать: мы придерживались этого критерия до сих пор, и мы пришли к небывалому, неслыханному позору.

Было время, когда и Плеханов понимал, что на критерии

оборонительной войны далеко не уедешь. В августе 1905 г. он писал:

«Не менее догматично и то мнение, что мы, социалисты, можем сочувствовать только *оборонительным* (курсив автора— *Г. З.*) войнам. Такое мнение правильно лишь с точки зрения *консервативного* (курсив автора —*Г. З.*) suum cuique (каждому свое), а международный пролетариат, последовательно держась своей точки зрения, должен сочувственно отнестись ко всякой войне — *оборонительной или наступательной, это все равно* (курсив наш—*Г. З.*), которая обещает устранить какое-нибудь важное препятствие с пути социальной революции».

Терминология у Плеханова в 1905 г. недостаточно отчетлива. Он не проводит разницы между войной оборонительной в *дипломатическом* и *историческом* смыслах. Но, во всяком случае, ясно, что он сознает фальшь «теории» оборонительной войны, которую он же теперь выставляет альфой и омегой «марксистского» мышления. Оборонительная или наступательная война — это все равно, говорит Плеханов в 1905 г. Только догматик может думать, что «оборона» или «наступление» решают дело. Для нас, социалистов, решает дело не это. Для нас решают дело интересы социальной революции.

Это, как небо от земли, далеко от того, что проповедует Плеханов «новой манеры» в годы мировой войны. Попробуйте применить только что приведенные слова Плеханова к мировой империалистской войне, и его новая «теория» сразу упадет, как карточный домик. В 1905 г. говорилось: оборонительная или наступательная война — это все равно, *не это* определяет наше мнение. В 1915 г. всю свою позицию Плеханов строит *только* и *исключительно* на том, будто «мы» ведем оборонительняю войну.

Мы должны сочувственно отнестись лишь к той войне, которая обещает устранить какое-нибудь важное препятствие с пути социальной революции, так говорили нам в 1905 г. А в 1915 г.?! *Какое* препятствие с пути социальной революции было бы устранено, если бы Галиция, Армения, Константинополь, Персия попали в руки русских империалистов? . . Империалистские войны несомненно приближают окончательный крах капитализма и *в этом смысле* устраняют все препятствия с пути социальной революции. Если бы Плеханов, подобно Гэду в 1885 г., «приветствовал» эти войны, поскольку они приближают социальную революцию, он был бы социалистом. Но он делает не это. Он становится на сторону одной из клик шовинистов, он самую империа-

листскую войну объявляет «справедливой» войной. Постольку он не социалист, а шовинист.

И насчет «защиты отечества» Плеханов тоже в 1905 г. держался иных взглядов. Тогда слова «Коммунистического манифеста»: «рабочие не имеют отечества» не казались ему «эрвеизмом», тогда он находил, что этот тезис «должен быть положен в основу всей международной политики социалистического пролетариата». Тогда он, споря против Жореса, находил, что его возражения против указанного тезиса «напоминают софизм, к которому прибегают буржуазные экономисты, утверждающие, что *уничтожение капитала* было бы равносильно *уничтожению производства.*

«Капитал, — писал Плеханов, — это одно, а средства производства — совсем другое. Точно так же, иное дело культурные завоевания данного народа, его цивилизация, а иное дело — «отечество». Необходимым условием существования капитализма служит отсутствие средств производства у огромнейшей части населения. Подобно этому необходимым психологическим условием любви к *своему отечеству* является то неуважение к правам *чужих отечеств,* которое сам Жорес называет *духом исключительности.* И если революционный пролетариат в самом деле должен «освободить все воли», то уже по одному этому он должен подняться *выше идеи отечества*[1].

Это совсем, совсем не то, что пишет Плеханов во время мировой империалистской войны.

Более того. В 1905 г. Плеханов обнаруживал даже некоторое понимание той разницы, которая существует между эпохой национальных войн и эпохой империализма, между тем как в 1915 г. может показаться, что Плеханов совсем не думал над тем, что такое империализм. В 1905 г. он писал:

«Чистый патриотизм возможен только при двух условиях. Он предполагает, во-первых, неразвитое состояние борьбы классов, а во-вторых, отсутствие большого, бросающегося в глаза сходства в положении угнетенных классов двух или нескольких «отечеств». Где борьба классов принимает острый революционный характер, расшатывая старые, унаследованные от прежних поколений понятия, и где кроме того угнетенный класс легко может убедиться в том, что его интересы очень сходны с интересами угнетенного класса чужих стран и противоположны интересам господствующего класса его собствен-

---

[1] «Дневник социал-демократов» № 2, «Патриотизм и социализм», стр. 3, 4. Курсив Плеханова. См. Собр. соч. Г. В. Плеханова, т. XIII.

ной страны, там *идея отечества* в весьма значительной степени утрачивает свое прежнее обаяние»[1].

Вот именно! Десятки лет революционные марксисты работали над тем, чтобы подорвать обаяние буржуазной идеи «отечества», указывая рабочим на «бросающееся в глаза сходство в положении угнетенных классов двух или нескольких отечеств». Когда же началась первая мировая империалистская война, когда идея «отечества» понадобилась империалистам всех стран для прямого обмана рабочих всех стран, тогда и бывший марксист Плеханов стал проповедывать «идею отечества». Какой с божьей помощью поворот! .. От Маркса и Энгельса к Зюдекуму и Гейне — вот тот путь, который прошел главный представитель русского социал-шовинизма Плеханов.

Применяя «теорию» Зюдекума и Гейне к русским условиям, Плеханов с черной неблагодарностью хулит своих же учителей. Но эти последние относятся к своему строптивому ученику с гораздо большим великодушием. Они с радостью отмечают его успехи в науке социал-шовинизма. И Давид[2], и Легин[3], и Гейне[4], и Кейль[5], и Кампфмейер[6], и Гуго Петш[7] — все эти нынешние учителя Плеханова с удовольствием заявляют, что они стоят на одной почве с этим «марксистом», все они хвалят его и носят на руках, несмотря на его невежливость по отношению к ним. Почему? Потому что они знают, что война пройдет, а вопрос о двух направлениях, о Горе и Жиронде в современном рабочем движении останется. И они отлично понимают, что тот, кто сегодня отстаивает в России социал-шовинизм, тот не может не пойти завтра рука об руку с европейским ревизионизмом, тот не сможет в решающую минуту не выступить, как жирондист, не сможет не предать революцию рабочего класса ...

* * *

Все то, что сказано о Плеханове, целиком относится и к главному идейно-политическому штабу ликвидаторства.

[1] «Дневник социал-демократов» № 2, «Патриотизм и социализм», стр. 5, 6. Ср. Собр. соч. т. XIII.

[2] См. его книгу «Социал-демократия в мировой войне», 152.

[3] См. его брошюру «Warum müssen die Gewerkschaftsfunktionäre sich mehr am inneren Parteileben beteiligen», стр. 17.

[4] См. его брошюру «Gegen die Quertreiber» и его ст. в «Sozialistische Monatshefte».

[5] См. его брошюру «Das deutsche Volk im Kriege».

[6] «Sozial. M—hefte», 1915, II, стр 80.

[7] «Sozial. M—hefte» 19, 14. Hefte 20, 12—25.

Плеханов теперь больше чем кто-нибудь является теоретиком национал-ликвидаторства. И журнал ликвидаторов «Наше дело» поспешил об этом заявить во всеуслышание. Взгляды Плеханова по вопросу о войне *«во многих отношениях совпадают со взглядами редакции журнала»,* пишет «Наше дело» [1].

Русский социал-шовинизм связан с ликвидаторством и преемственностью идей и преемственностью людей и организаций.

Главной политической идеей ликвидаторства накануне войны 1914 г. несомненно был тот взгляд, что буржуазная революция в России уже завершена, что мы пошли по «прусскому» пути развития, что задача рабочего класса заключается не в подготовке к новой революции, а в борьбе за частичные реформы для себя и конституционное упорядочение русской жизни вообще — на почве данного режима. Социал-шовинизм несомненно логически *продолжает* эту идейно-политическую нить. О какой, в самом деле, новой революции в России может думать тот, кто отстаивает победу царской армии в мировой империалистской войне? [2] Кто не понимает, что такая победа укрепила бы царскую монархию, как ничто другое на свете? От победы царской «России» можно ждать известного усиления буржуазии, можно с известным правом в связи с этим ожидать упрочения октябристской «конституции». Одного только — при прочих равных условиях — *невозможно* от нее ожидать: увеличения шансов на новую победоносную революцию. Отдать свое сочувствие и свою помощь царю в мировой войне, в лучшем случае *значит* отдать свои силы для борьбы за конституцию, *против* революционного пути. Вся буржуазия — вплоть до «крайних» либералов — так и понимает свою задачу. Помимо прочих соображений она именно этим и руководится в своей поддержке войны. И ликвидаторы остаются в том же политическом русле. Субъективные желания отдельных лиц не имеют значения. А политически ликвидаторство безусловно выполняет именно эту буржуазно-либеральную задачу.

Возьмите, например, выступления нашего бывшего товарища, а ныне откровенного ликвидатора, Н. А. Рожкова. В плехановско-нововременском «Современном мире» он пишет:

---

[1] 1915 г., № 2, стр. 103.

[2] Лозунг «революция для победы» (над Германией) выдвинут был меньшевиками и эсерами только уж «вдогонку» событиям, когда стало ясно, что революционный народ под руководством пролетариата неизбежно скинет царизм.

«В нашем отечестве на очереди переход к настоящему, чуждому грубого хищничества, культурному капитализму и соответствующим ему более свободным государственным формам. И в чаянии этого поднято знамя национального развития. В частности, эти объективно необходимые задачи выражаются ярко уже теперь в отмене (?) винной монополии, в неизбежной необходимости подоходного налога, в торжественном (!) провозглашении реформ в Польше» [1].

Вот вам типичное рассуждение «честного» и прямодушного национал-ликвидатора. И до войны тот же Рожков, перейдя от большевиков к ликвидаторам, говорил откровенно, что «в нашем отечестве» стоит на очереди переход к «культурному капитализму» и свойственным ему «более свободным государственным формам». На простом человеческом языке это означало: не революция, а — конституция! Рожков так прямо и говорил: у нас более не должно быть «и мысли о насилии», о революционной борьбе, путь к «культурному капитализму» и к «более» свободной конституции лежит через частичные реформы. Это был чистейший, незатушеванный реформизм в применении к условиям русской жизни.

Теперь наступила война. И Рожков логически продолжает нить ликвидаторства. «В чаянии *этого* (конституции и культурного капитализма) поднято знамя национального развития». *Кем* поднято это знамя? Да ясно: Милюковым, Плехановым, Потресовым, Струве, Рожковым! Ибо именно они ждут от войны и победы «России» национального развития культурного капитализма («настоящего» капитализма, как выражается Рожков) и более свободных конституционно-правовых рамок для него. Если Плеханов, Маслов, Потресов, Рожков при этом еще ссылаются на Маркса и «марксизм», то тем лучше для Милюкова и Струве, ибо дело-то эти «марксисты» защищают *ихнее,* национал-либеральное... Из конкретных «реформ», которые с таким торжеством перечисляет национал-ликвидатор Рожков, дело становится еще яснее. Отмена (приостановка — не отмена!) винной монополии, подоходный налог (который кстати еще только обещали посулить), «торжественное» провозглашение реформ в Польше (которое больше похоже на новый торжественный обман Польши) — ведь это все нисколько не выходит за пределы именно *буржуазно-либерального* идеала. Где тут хотя бы намек на революционное решение вопросов русской жизни, которое

[1] «Современный мир» 1915, I, стр. 53.

в 1912—1914 гг. вновь поставили на очередь миллионы рабочих участников революционных стачек?..

Основная группа национал-ликвидаторов в России — «Наша заря», «Наше дело» — не так откровенна в выводе: прямом отказе от борьбы за что бы то ни было, кроме конституции и «культурного» капитализма. Но сумма идей — та же.

«Мы заявляем вам, что в своей деятельности в России мы не противодействуем войне», — пишет Вандервельду главная группа национал-ликвидаторов в России. Они не говорят: «содействуем» — как сказал бы, быть может, откровенный Рожков. Они говорят только (только!): не противодействуем! Но для Милюкова и Пуришкевича для начала довольно и этого.

«Победа Германии предрешает экономическую зависимость и эксплоатацию России, между тем как победа *английского империализма* обеспечивает полную (!!) свободу договоров и полное (!!!) освобождение от насильственной эксплоатации страны». Если царские войска не победят, т. е. не задушат Галицию, не отнимут у турок Константинополя, то это, видите ли, неминуемо должно «задержать ее (России) экономическое и политическое развитие». Германия хочет превратить Россию в колонию путем изменения таможенных пошлин, уничтожения (!) в ней промышленности» и т. д., так пишет национал-ликвидатор г. Маслов [1].

«Европа восстала» против «прусского милитаризма», и этим обеспечено «банкротство прусского юнкерства в настоящей войне», — вторит г. Череванин [2].

Третий жалеет о том, что Жорес не может теперь заседать в министерстве Бриана для защиты интересов демократии и рабочего класса. «Будь он жив, он бесспорно заседал бы вместе со своим постоянным антагонистом в вопросах тактики — Жюлем Гэдом — в правительстве в качестве «делегата от пролетариата» и вместе с ним защищал бы интересы демократии и рабочего класса», — так пишет «сам» г. В. Л-ий [3].

Четвертый уверяет: «Соблюдение перспективы требует признания, что у прусско-германского типа кроме общих грехов современного развития есть еще и свои, специальные, сверхсметные грехи» (а у царской монархии их нет??). Тот же

[1] «Экономические причины мировой войны», Москва 1915, стр. 41, 42.

[2] «Наша заря», 14, 7—9, стр. 103—108.

[3] Левицкий — один из вождей группы «Наша заря».

г. А. П-в (Потресов), повторяя приемы всех социал-шовинистских фальшивомонетчиков, применяющих к империалистской войне то, что Маркс и Энгельс говорили применительно к *национальным* войнам совершенно другой эпохи, учит русских рабочих тому, что в интересах демократии, культуры, цивилизации, социализма, марксизма и пр. и пр. они должны стоять за победу царя и, значит, «не противодействовать» верховному главнокомандующему Николаю Николаевичу Романову [1].

Пятый, г. Е. Смирнов («Русские ведомости») заявляет, что после войны социал-демократия должна будет пересмотреть свое отношение к милитаризму вообще и из принципиальной противницы превратиться в его сторонницу.

И наконец выходит № 3—4 «Нашего дела», который кладет конец всем колебаниям. То, что г. А. Потресов говорил туманно-витиевато, то гг. В. Левицкий и П. Маслов провозглашают совершенно открыто, смело, без малейших колебаний.

В войне социалистам необходимо «брать сторону» одной из коалиций держав, провозглашает г. Левицкий. И он решительно «берет сторону» Тройственного согласия. «Она (демократия) в данный исторический момент может брать сторону только Тройственного согласия» [2]. «Бельгийские и французские социалисты, встав на точку зрения национальной защиты, не погрешили тем самым против принципов международности» [3]. Известная шовинистская резолюция Лондонской конференции, сочиненная министрами Вандервальде и Самба, по мнению г. Левицкого, сочетает «задачу национальной обороны... с принципами международного развития» [4]. Те социалисты, которые вместе с Лениным не считают, что «основной вопрос» есть вопрос о том, победа какой коалиции предпочтительнее — объявляются «анархистами, синдикалистами и эрвеистами» [5], те, видите ли, стремятся «к общим конечным задачам мимо поставленных историей и резко выдвинутых мировой войной частичных задач сегодняшнего исторического дня» [6].

Не менее решителен г. П. Маслов. В утешение Мартову он говорит, что нынешнее деление в социалистическом лагере «скоропреходящее», что это «временные расхождения», углу-

---

[1] См. ст. Потресова в «Нашем деле», 1.
[2] Стр. 68.
[3] Стр. 67.
[4] Стр. 71.
[5] Стр. 68, 65.
[6] Стр. 62.

бить которые стараются злокозненные «любители расколов и разделов»[1]. Но сам он защищает чистейший «каутскианский» социал-шовинизм. Его девиз «принципиальная постоянная позиция самозащиты... и признание таких же интересов за всеми другими странами»[2]. Он всецело одобряет «остроумные» и «правильные» заявления Плеханова. Он смеется над теми социалистами, которые говорят: «все, дескать, драчуны, правого и виноватого не найдешь»[3]. Совершенно в духе Кунова и Давида он утверждает, что интернационалисты «делают чисто синдикалистский вывод о необходимости и неизбежности *теперь же* (курсив Маслова) перескочить в новый экономический строй» т. е. в социализм[4].

Они не так откровенно пресмыкаются перед царской шайкой, как Зюдекум и Гейне перед «своим» правительством? Но погодите — это еще придет. Aufgeschoben — nicht aufgehoben (отсрочено — не потеряно). Пока еще царская шайка так непроходимо глупа, что даже своего лучшего друга г-на Струве недавно присудила к 2 месяцам тюрьмы. Ей мало шовинизма струвианско-потресовского типа, ей подай непременно шовинизм чисто нововременский.

Впрочем уже и сейчас нет недостатка и в прямо пресмыкающихся социал-шовинистах.

Вот, например, г-н Н. Иорданский, ближайший единомышленник Плеханова. До какой степени надо оподлиться, чтобы, захлебываясь от восторга, написать в «марксистском» журнале[5]:

«Даже в правительственных кругах, по слухам, возбужден вопрос о предоставлении евреям, находящимся в действующей армии, права повсеместного в империи жительства по окончании войны. Даже г. Пуришкевич под влиянием военной бури стал доступен голосу новой жизни. Он резко отмежевался от компании Дубровина».

---

[1] Стр. 47 и 48.

[2] Стр. 50.

[3] Стр. 52.

[4] Стр. 51.

[5] В начале книжки — заявление от редакции: «ввиду наличности в составе редакции и ближайших сотрудников «Нашего дела» разногласий в коренном вопросе современности, журнал открывает свои страницы для статей, освещающих этот вопрос с различных точек зрения». Это — золотой мостик для Мартова и его сторонников. В прошлом номере редакция «Нашего дела» прямо заявила, что стоит на точке зрения шовиниста Плеханова. В цитируемом номере помещены статьи только шовинистской марки.

Он (Пуришкевич), видите ли, сказал представителю газеты «Herold», что «в такой исключительный момент травля правой печати не должна быть терпима — тем более что евреи наравне со всеми прочими гражданами встали на защиту своей родины. Теперь нужно единение всех русских граждан» [1].

Когда Пуришкевич защищает теперь «гражданский мир» (единение всех граждан) в России, — мы понимаем его. *Ему* действительно «бургфриден» необходим, дабы «наша» армия могла завершить «великое» дело удушения Галиции, Турции, Персии. Но когда «марксист» Иорданский, в эпоху наибольших гонений на евреев, погромов в небывало массовом масштабе, высылок из ряда губерний и тому подобных подлейших издевательств, восторгается тем, что «по слухам» «в правительственных кругах возбужден (!) вопрос» о том, чтобы дать «право жительства» уцелевшим от бойни еврейским солдатам, — это уже зрелище прямо омерзительное.

Вот другое пресмыкающееся — г. Л. Клейнборт из того же нововременского журнала:

«Точно по знаку руки погасла вспышка в Петрограде, прекратились забастовки в Москве, в Бакинском районе — рабочие с чувством сознания исторической важности момента подчеркнули, что не время обострять внутреннюю борьбу» [2].

Точно по знаку! Г-н Клейнборт, повидимому, не слышал о введении военного положения, об арестах тысяч и тысяч передовых русских рабочих, отнюдь не проникшихся тем же «чувством сознания», как некоторые ползучие журналисты... О русских рабочих уж лучше бы господа социал-шовинисты вообще помолчали. Там сумеют презирать и ненавидеть этих царских лакеев. И если бы среди русских рабочих в самом деле силен был шовинизм, продажная печать сумела бы об этом раскричать.

Вот третье пресмыкающееся — г. Алексинский. Этот «бывший революционер» (аттестация «Московских ведомостей») в том же журнале кувыркается на потеху «Новому времени» и «Русскому знамени» [3]. А в швейцарском журнале «La Revue

[1] «Современный мир», 1915, I, стр. 123.

[2] «Современный мир», X, 114, стр. 137.

[3] Скандальные «выступления» г. Алексинского ничем не уступают пресловутым выступлениям против «жидов» дошедшего до последней степени падения г. Хрусталева. Видимо, и сей «бывший революционер» переживает свой декаданс. До чего нужно было пасть г. Алексинскому, чтобы выступить в газете «Речь» с письмом, в котором он уверяет царскую шайку, что политическая эмиграция сразу примирилась бы с войной, если бы «перед этими элементами

Politique Internationale» он помещает статью, которая настолько бесстыдно восхваляет иностранную политику царских дипломатов, что даже добрые швейцарские буржуа не вытерпели и напомнили г. Алексинскому, как сам он ранее писал о закулисной камарилье, являющейся подлинным правительством в России» [1].

Все эти господа духовно порвали с русским революционным движением. Они выброшены в лагерь русской буржуазии, русской реакции. Переход к шовинизму всегда являлся для русских «бывших революционеров» первым шагом к полному ренегатству. Вспомним праотца Алексинских и Иорданских — г. Льва Тихомирова. С чего началось его «раскаяние»? С того, что он неожиданно для себя открыл:

«Никогда я не забывал русских национальных интересов и всегда бы сложил голову за единство и целость России».

С того, что он потребовал «выработки великой *национальной* партии», создания «*национальной* интеллигенции». С того, что он стал смеяться над утверждениями революционеров, «не вредный ли человек Муравьев-Амурский, давший самодержавию славу укрепления России на Тихом океане?» [2].

Некогда Плеханов зло смеялся по поводу «горя г. Тихомирова». Но настоящим горем для российского рабочего движения явился тот факт, что основатель партии с начала мировой войны проповедует идеи, которые приводят «плехановцев» к повторению прямой «тихомировщины».

Отдельные лица из «интеллигенции» могли «свихнуться» в каждом направлении. Но у ликвидаторов мы видим не то. *Весь их идейный штаб в России — «Наша заря» и «Наше дело» — пошел без колебаний по пути социал-шовинизма.* И это не могло быть иначе. Ибо социал-шовинизм есть идейно-политическое продолжение ликвидаторства, есть *ликвидаторство в применении к условиям мировой империалистской войны.* Из многочисленных (помнится, целых 7) «течений», представленных накануне войны в брюссельском ликвидаторском блоке (совещание в Брюсселе 3 июня 1914 г., под председательством Вандервельде), уклонились в социал-шовинизм:

явилась возможность прекратить свое невольное и во время войны морально крайне тяжелое пребывание за границей и вернуться на родину» («Речь», 26 мая 1915). О ком хлопочет этот бывший революционер?.. Окончательный рекорд г. Алексинский побил, припав недавно к стопам Родзянко и Пуришкевича с просьбой об амнистии.

[1] «La Revue». 1915. 14, стр. 177.

[2] См. «Почему я перестал быть революционером», Москва 1896, стр. 27, 32, 37, 66.

1) «течение» «Нашей зари»;

2) «течение» вождя грузинских ликвидаторов Ана (Жордания);

3) «течение» Плеханова [1];

4) «течение» Алексинского;

5) «течение» вождя бундовцев Коссовского.

В числе этих 5 ныне явно шовинистских «течений» мы видим главные составные части ликвидаторского блока в России. Не только идейная, но и организационная преемственность между ликвидаторством и социал-шовинизмом — вне всякого сомнения [2].

Российское ликвидаторство превратилось *в национал-ликвидаторство.*

* * *

Однако ведь и среди ликвидаторов мы видим противников социал-шовинизма. Разве Мартов шовинист? Разве Аксельрод шовинист? Разве ОК не выступает против социал-шовинизма? Какое же право имеете вы утверждать, что ликвидаторство превратилось в национал-ликвидаторство.

В 1914 г. это был законный вопрос, и его надо было рассмотреть.

История повторяется. Когда на нашу партию надвигался «ликвидаторский» кризис, положение было точь-в-точь такое же. Мартов, Аксельрод и их ближайшие друзья были «во многом» несогласны с «Нашей зарей», они находили, что отрицать подполье полностью не годится. Мартов и другие влиятельные представители его течения даже подписали на знаменитом пленарном собрании ЦК (январь 1910 г.) резолюцию о том, что такое отрицание есть «продукт буржуазного влияния на пролетариат». Они требовали «только» одного:

---

[1] Беспристрастие требует отметить, что из социал-демократов, считавших себя «плехановцами» до войны, в России далеко не все пошли за Плехановым в его повороте к социал-шовинизму.

[2] Замечательно, что среди «националов», примыкающих к РСДРП, группировка такая же. Латышская социал-демократия, победившая своих ликвидаторов, твердо стала на ту же позицию, что и наш ЦК (см. официальное заявление лат. социал-демократии на Лондонской конференции). Польская «оппозиция» близка к той же точке зрения. Наоборот, Бунд и «левица» близки к шовинистскому ОК. В украинской социал-демократии г. Басок — бывший ближайший коллега Троцкого по редакции венской «Правды» — и др. повели постыдную чисто буржуазную политику. На страницах украинских изданий этих господ разыгрывает свою арлекинаду г-н Парвус.

чтобы ликвидаторское направление, отрицающее нелегальную партию, этой нелегальной партией было признано «законным оттенком», чтобы Потресов и его группа, проповедующие ликвидацию старой РСДРП, этой последней были признаны полноправными членами ее.

И что же, каков был ход событий? Прошел год-два. Группа «*Нашей зари*» в России продолжала вести свою линию. Мартов и его коллеги продолжали колебаться, оставаясь непоколебимыми только в одном — в нападениях на тех, кто боролся против «Нашей зари». Прошло еще немного времени, и самый «левый» из колеблющихся — Мартов оказался вполне в лагере «Нашей зари».

Допустим на минуту, что Мартов на этот раз будет более непреклонен[1], что Мартов и даже Аксельрод в самом деле разойдутся с «Нашей зарей» и поведут против нее борьбу. Разве не правы мы будем и тогда, утверждая, что ликвидаторство превратилось в национал-ликвидаторство? Ведь вот и Бернштейн во время мировой войны несколько разошелся со своими ревизионистскими друзьями и стал социал-пацифистом.

Но наше допущение, что Мартов и Аксельрод поведут серьезную борьбу с «Нашей зарей» было бы абсолютно ни на чем не основано. П. Б. Аксельрод и теперь гораздо ближе к «Нашей заре», чем были «голосовцы» (редакторы «Голоса социал-демократов» в Париже в 1909—1910 гг. — Аксельрод, Мартов, Дэн, Мартынов) в начале ликвидаторского кризиса. Аксельрод и сейчас сам на три четверти «зарист», ибо во всем существенном он согласен с «Нашей зарей». Когда Аксельрод[2] проповедует «осторожность с обвинениями в оппортунизме» таких «испытанных марксистов, как Гэд», когда в защиту Вандервельде, Самба и Гэда он напоминает «формальную» допустимость участия в министерствах с точки зрения Амстердамской резолюции, когда там же он расписывается, что нельзя «игнорировать вопрос, кто явился настоящим зачинщиком войны, тем самым поставив все страны, подвергавшиеся нападению, в необходимость защищать свою самостоятельность», когда Аксельрод систематически игнорирует империалистский характер войны со стороны обеих групп держав, — он проводит те же социал-шовинистские идеи, что и

---

[1] В действительности «непреклонности» Мартова хватило лишь на самый короткий срок.

[2] См. парижскую ежедневную газету «Голос», №№ 86 и 87.

«Наша заря». Когда Аксельрод[1] заявляет, что «меньшевик» (меньшевик, *а не* социал-шовинист!) Плеханов ему ближе, чем интернационалист Ленин, — он всецело идет по линии «Нашей зари». Когда там же Аксельрод тщится доказать, что нынешний кризис Интернационала и нынешние разногласия с социал-шовинистами вовсе не являются продолжением разногласий марксистов с оппортунистами, — он всецело защищает позицию Потресова и «Нашей зари».

«Нынешние разногласия не являются для меня продолжением старых — между ревизионистами и марксистами», — пишет Аксельрод[2]. Интересно, что этот взгляд Аксельрода очень понравился... Эдуарду Бернштейну. Бернштейн не принимает «крайностей» в социал шовинистской позиции. Он близок теперь (1915) к Каутскому и позиции «центра». Ему, как отцу и основоположнику ревизионистской «теории», естественно не хочется, чтобы в социал-шовинизме видели продолжение ревизионизма. Я, говорит он, хотя и признаю, что «громадное большинство тех социалистов, которые известны, как ревизионисты, стоят на стороне тех, кто настойчиво требует голосования за военные кредиты», но ведь вот, например я, Бернштейн, не во всем согласен с ним. «Не лучшее ли это доказательство, что при помощи жупелов ревизионизм и марксизм... мало что разъяснишь?» Различия лежат «по ту сторону спора о ревизионизме»... «Аксельрод вполне прав, когда он формулирует проблему, как вопрос о степени интернационализации социал-демократии... в этом я с ним абсолютно согласен»[3].

Бернштейн «вполне согласен» с Аксельродом, когда тот старается выгородить ревизионизм, как направление, и подменяет серьезный спор о направлениях бессодержательнейшим словоизлиянием на тему о том, что недостаток интернационализма объясняется... недостатком интернационализма, то бишь недостаточной «степенью интернационализации». Глубокая истина, нечего сказать!

Ожидать от Аксельрода борьбы против социал-шовинизма «Нашей зари» значило бы то же, что ожидать от Милюкова борьбы против национал-либерализма, или от Бернштейна борьбы против ревизионизма.

---

[1] «Наше слово» №№ 87 и 90.

[2] Там же, № 87.

[3] См. ст. *Бернштейна* «Ревизионизм и интернационализм» в «Соц. иностр. политике», издаваемой Брейтшейдом, при сотрудничестве Каутского, Бернштейна и др. (16 июня 1915, № 7).

Но—Мартов! Разве не печатал он превосходных и талантливых статей против социал-шовинизма? Верно, печатал! И мы, его старые политические противники, первые с радостью рукоплескали ему в «Социал-демократе» за эти статьи. Но как быть, когда тот же Мартов, когда еще не высохла типографская краска на этих статьях, пишет другие *в защиту* социал-шовинизма «Нашей зари»?

С Мартовым это происходит далеко не в первый раз. Мы уже упоминали о 1910 г. — пленуме ЦК. Мы могли бы привести еще один пример: вопрос о блоках с кадетами на выборах во II Думу. Никто в начале спора не писал таких прекрасных статей против допустимости этих блоков, как Мартов. И тот же Мартов, когда его фракция, в лице насквозь оппортунистических вождей, окончательно высказалась *за* эти блоки, — защищал эти блоки всеми оппортунистическими правдами и неправдами. Так и теперь. У будущего биографа Мартова глава: «Мартов во время войны 1914—1915 гг.» займет немало места. Если говорить на чистоту — Мартов в течение этих месяцев колеблется, как тростник. Ему претит мерзость социал-шовинизма. В нем часто просыпается чувство революционера. Но... но он пленник ликвидаторства и постольку пленник социал-шовинизма.

Для оправдания «Нашей зари» и фактически для оправдания вождей международного оппортунизма вообще приписывал он *нам* объяснение всего кризиса «изменой вождей». Из нежелания разрыва с «Нашей зарей», он доказывает, что разрыв с оппортунизмом вообще (а значит, и с социал-шовинизмом) был бы губителен для рабочего движения.

Лучше всего амплитуда колебаний Мартова измеряется двумя его выступлениями, касающимися одного и того же документа: пресловутого письма русского центра ликвидаторов к Вандервельде.

В № 34 «Социал-демократа (тогдашнего Центр-органа партии большевиков) мы впервые напечатали этот документ, который Мартов и его друзья не спешили предавать гласности. По поводу фразы «мы не противодействуем войне» мы спросили авторов, замечают ли они, кому они содействуют этой тактикой. Тогда взял слово Мартов, для того чтобы обрушиться *не* на авторов шовинистского воззвания, *а* на нас. Мартов выступил с прямой защитой авторов воззвания. Под его пером оказалось, что «критики (т. е. «Социал-демократ») совершенно игнорируют резкое *антицаристское* (курсив Мартова. — *Г. З.*) направление, в котором выдержан весь документ

и который уже этим одним отличает его от социал-шовинистских манифестов»[1].

Но вот прошло полгода, и Мартов печатает теперь свое письмо к авторам воззвания, отправленное им в конце декабря прошлого года.

И тот же Мартов пишет: «ваши (т. е. русского центра ликвидаторов) слова о непротиводействии войне поистине фатальны (вот как!), являются объективно осуждением позиции думской фракции в августе, отказом от всей нашей позиции по отношению к русскому империализму в его балканской и иной внешней политике и к тактике русского либерализма в этой политике»[2]. Сказано превосходно! Другими словами, Мартов теперь называет основной тезис известного документа — царистским. Это очень хорошо. Но... но только зачем же было тому же Мартову тот же самый документ называть *антицаристским* и даже *резко антицаристским?* Ведь долдолжен же быть предел и мартовским колебаниям...

В программных фельетонах Мартова[3] режет глаз провиденциальная оговорка, что, «может быть, в иллюзорной концепции франко-английской больше частных элементов истины». Это лазейка для Потресова. Но за всем тем в этих фельетонах так много хорошего, так сильно Мартов приближается в них к концепции «Социал-демократа», что если бы на этот раз что в самом деле, наконец, было *последним* словом Мартова, то не бывать ему больше во фракции Потресова-Аксельрода...

Остается ОК. Попробуем взять всерьез и эту почтенную фикцию. В чем выразилась «деятельность» ОК почти за год войны? В том, что он заметал следы за Потресовым. О позиции Каутского, позиции «центра» германской социал-демократии наиболее опасного противника марксистов, в выступлениях ОК — *ни звука.* Зато вы найдете жалобы на «Социал-демократа» за то, что он недостаточно вежлив с Каутским и его друзьями. Главный идейный представитель ОК Аксельрод в № 2 «Известий» доказывает, что даже борьба за мир теперь преждевременна. «План теперь же начать призывать рабочие *массы* (курсив Аксельрода. — *Г. З.*) к боевым выступлениям (демонстрациям, политическим стачкам и т. д.) кажется мне (т. е. Аксельроду) преждевременным и крайне рискованным».

---

[1] «Голос», № 87.
[2] «Наше слово», № 102.
[3] «Русский марксизм и война», «Наше слово» №№ 100, 101, 102.

После 10½ месяцев войны он спрашивает, что будет, «если (*если!*) официальные партийные сферы социал-демократии воюющих стран Запада» будут упорствовать в нежелании интернационально бороться против войны, и отвечает: об этом побеседуем в другой раз. Зато Аксельрод придумал 101-ю смехотворную «кампанию»: воздействовать на Зюдекумов чуть ли не собиранием подписей среди русских рабочих и подачей петиции международному синклиту социал-шовинистов.

Когда «Наше слово» предложило созвать совещание представителей ЦК, ОК и «Нашего слова» для координации борьбы против русского социал-шовинизма, ОК ответил, что он не желает итти на совещание без представителей социал-шовинистских «течений» Плеханова и Алексинского (и вообще всех «течений» брюссельского блока). О разрыве с социал-шовинистами ОК и слышать не хочет. Потому что он сам есть орган — правда, довольно второстепенный — социал-шовинистского течения, идейным представительством которого является «Наша заря».

И посмотрите, как оценивают тактику ОК реальные политики социал-шовинизма. Взять к примеру г. Коссовского. Это прямой защитник немецких социал-шовинистов, которому даже «каутскианство» кажется чрезмерно «левым». Этот Коссовский заявляет прямо: «Интернационал можно восстановить только из тех же элементов, из которых он до сих пор состоял: из старых партий ... Они совершили ошибки (только!) вполне естественные (!!!) в беспримерно трудном положении ... германская социал-демократия проделывает серьезную эволюцию, которой не следует недооценивать, из-за некоторых(!) ошибочных выступлений кое-кого (так и сказано: кое-кого!) из социал-демократических вождей». Все обстоит благополучно. «Восстановленный Интернационал будет не третьим по счету ... а тем же вторым, который не умер, а лишь временно парализован мировой катастрофой»[1].

План ясен: восстановленный Интернационал должен вновь явиться сборищем Зюдекумов всех стран. Совершены только маленькие «вполне естественные» ошибочки, не больше. «Член заграничного секретариата ОК» Мартов «возражает»[2] Коссовскому в тоне такого же подобострастия, как Каутский Кунову. Зато г. Коссовский отлично знает свой ОК. Он ни капельки

---

[1] «Информационный листок Бунда», № 8, стр. 5, столб. 1 и 2.
[2] «Известия», № 2.

на него не сердится, а напротив ласково треплет его по плечу. В американском журнале «Zukunft» г. Коссовский помещает статью «Русская социал-демократия и война». В ней две главы — о ЦК и ОК. На ЦК г. Коссовский, по обыкновению, лжет, как на мертвого. ЦК будто бы понимает «гражданскую войну» не в широком историческом смысле, а в узком смысле немедленного неподготовленного «выступления». Кроме того, ЦК обвиняется в полной солидарности (о, ужас!) с Панекуком [1].

Зато г. Коссовский не может налюбоваться на свой ОК. «В то время как наибольшая часть русских социал-демократических эмигрантов (имеется в виду и «Наше слово») забрасывает грязью Интернационал и кричит, что он растоптал ногами принципы социализма, ОК отличается от них позицией, которая носит на себе печать истинно братской солидарности. Он никого не обвиняет в измене (еще бы!), он только констатирует тот печальный факт, что война отдалила одну социалистическую партию от другой, и он считает необходимым стараться, чтобы они опять проникались доверием друг к другу... Братский тон заявления ОК» и т. д. [2].

Социал-шовинист Коссовский очень доволен «интернационалистским» (гм! гм!) ОК. Боимся, что русский центр ликвидаторства окажется столь же доволен им. Есть все основания полагать, что в России среди ликвидаторов победит социал-шовинизм каутскианского оттенка (недаром Потресов уже сейчас перепечатывает в своем журнале целые шовинистские брошюры Каутского). Со слишком откровенным шовинизмом к русским рабочим не сунешься. И тут-то позиция «центра», которая уже сейчас проводится ОК, будет сущим кладом для Потресовых, Череваниных, Ежовых, Левицких и К°.

Когда «горячее» время пройдет, можно будет смело передвинуться на «каутскианскую» позицию. Два известных литературных представителя ликвидаторства — г. Лурье в «Русских ведомостях» (№ 291) и г. Энзис в «Киевской мысли» (№ 126) [3] уже сейчас славословят каутскианство. Пользуясь монопольным положением в легальной печати и зная, что сейчас их

---

[1] «Zukunft», апрель 1915, стр. 312.
[2] Там же, стр. 311.
[3] «Позиция Каутского за последние месяцы, — пишет г. Энзис (№ от 7 мая), — значительно изменилась в сторону того отношения к войне, какое проповедуют единомышленники Люксембург и Меринга». Так заметают следы представители правого «центра» в России.

трудно разоблачить, они бесшабашно... отступают от истины, уверяя, будто Каутский близко подошел к позиции «левых» и т. п.

«Каутскианская позиция центра» принесет в России еще больше вреда, чем открытая позиция шовинизма. ОК и Аксельрод несомненно являются главными ее носителями. Они стоят еще ближе к русским социал-шовинистам, чем Каутский и К°— к немецким. Они играют в России роль *правого* «центра». Чем дальше, тем труднее отличать этот правый «центр» от социал-шовинистского ядра...

VII. ПОЗИЦИЯ ТРОЦКИЗМА В МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТСКОЙ ВОЙНЕ.

Когда наша партия вошла в мировую войну 1914 г. — где был тогда Троцкий? Он начал уходить к этому времени от меньшевистского августовского блока, создав собственную крохотную подфракцийку *в пределах меньшевизма.* В ходе войны он выступал в общем лагере каутскианства, образуя оттенок на «левом» крыле центризма. Другими словами, он был «левым» меньшевиком.

Научно-марксистскому анализу империализма как последнего этапа капитализма, данному Лениным, Троцкий противопоставил «лево»-социал-демократические агитационные фразы о вреде империализма для дела развития производительных сил. Достаточно сопоставить ленинскую работу «Империализм как последний этап капитализма», в которой сформулировано учение Ленина об империализме, с брошюрой Троцкого «Война и Интернационал», чтобы убедиться, что в анализе империализма Троцкий не шел далее идей «левого» каутскианства.

Великому ленинскому лозунгу, сделавшему эпоху в мировом движении, лозунгу «превращения империалистской войны в гражданскую», Троцкий противопоставил (именно противопоставил!) меньшевистско-пацифистский лозунг «мира во что бы то ни стало».

Ленинскому лозунгу: «революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству» — Троцкий противопоставил (именно противопоставил!) лозунг «ни победы, ни поражения», лозунг «левого» пустозвонства, на деле прикрывавший социал-шовинизм.

В числе хулителей ленинского «пораженчества» был и Троцкий, несмотря на то, что от антипораженческой кампании зачастую несло «духом» прямо-таки нестерпимым для человека, сколько-нибудь похожего на интернационалиста.

Ленинскому лозунгу создания III Интернационала Троцкий противопоставил (именно противопоставил!) лозунг «единства

II Интернационала», приняв посильное участие в травле, которая велась против Ленина, как против «раскольника».

Ленин звал рабочих Европы взять примером революционного парламентаризма работу Муранова, Петровского и других депутатов большевиков, пошедших в тюрьму и ссылку за свою работу. Троцкий звал рабочих Европы взять за образец просвещенную деятельность меньшевистской фракции Чхеидзе — Чхенкели. Во всяком случае, Троцкий резко боролся против раскола с господами Чхеидзе — Чхенкели.

Лозунгу Ленина «за циммервальдскую *левую*» Троцкий противопоставлял лозунг каутскианцев — «за Циммервальд вообще», «за единство Циммервальда» (что на деле равнялось лозунгу «за единство II Интернационала»).

Война застала «троцкизм» особой подфракцией в лагере ликвидаторов, со своим отдельным журналом «Борьба», безуспешно пытавшимся проводить пресловутую «среднюю линию». Последним актом троцкизма до войны было участие в Брюссельском совещании (3 июля 1914 г.), причем Троцкий фактически выступал в роли помощника ликвидаторского ОК. Положение троцкизма стало безнадежнее еще потому, что на «почетную» роль «центра» в России нашлись и другие претенденты — деятели ОК. Троцкому оставалось играть лишь роль оттенка внутри самого «центра». Создалось некое деление на «правый» центр и «левый» центр, нечто вроде того расхождения, которое наблюдалось в Германии между «течением» Каутского и «течением» Криспина. Представители правого и левого центра сами придавали нивесть какое значение своим собственным мелким разногласиям, но с точки зрения непримиримых противников социал-шовинизма, эти разногласия играли совершенно ничтожную роль.

Перед войной троцкизм приобретал в глазах «примирителей» некоторый смысл существования тем, что утверждал — конечно всуе, — будто между правдистами и ликвидаторами нет коренных разногласий. В период войны он уже таких утверждений делать не мог. Тем не менее он проповедует прежнюю «нефракционность», и задачу своей политической деятельности видит в проведении все той же «средней» линии.

Позиция «троцкизма» в отношении к войне и краху Интернационала изложена в немецкой брошюре Троцкого «Война и II Интернационал» и выражена в парижских газетах «Голос» и «Наше слово». Основной недостаток брошюры в том, что она принадлежала перу *русского* социалиста, не дала резкой критики социал-шовинизма *франко-русского* и *ограничилась*

критикой (важной и нужной критикой) социал-шовинизма немецкого. Эта односторонность подала повод австрийскому шовинисту Георгу Ручке в брошюре о войне и русских социалистах отнести Троцкого даже к сторонникам плехановских идей. (На деле Троцкий был в это время не плехановцем, а каутскианцем).

Газета «Голос» начала выходить в Париже 13 сентября 1914 г. Эта газета помогла русским социалистам, живущим в Париже, удержаться против потока прямого социал-шовинизма. Но сама эта газета (как и ее преемница «Наше слово») пережила длительную полосу колебаний. Немногие помнят теперь, что вместо программной редакционной статьи «Голос» в № 1 поместил передовицей — без малейших оговорок редакции — статью К. Каутского («Европейская война и ее последствия»), которая ничего общего с интернационализмом, конечно, не имела. В № 7 «Голоса» была помещена передовая статья Вандервельде — в духе «амнистии» и защиты франко-русского социал-шовинизма. И по поводу этой статьи редакция «Голоса» в следующем номере сочла нужным заявить, что ей «ценны та осторожность, то благородство мысли, то ясное сознание создавшегося противоречивого положения», которые она узрела у Вандервельде. В № 18 «Голоса» — опять-таки без малейших оговорок редакции — начинаются печатанием фельетоны Каутского («Перспективы мира»), которые проводят явную социал-шовинистскую позицию. С № 55 начинается печатанием серия фельетонов социал-шовиниста Алексинского — причем эти фельетоны печатаются даже без фигового листка, — «Свободная трибуна». По окончании фельетонов редакция в статье заявляет о своем несогласии с Алексинским, но в ряде дальнейших номеров продолжает печатать произведения этого господина. В № 87 и других помещаются фельетоны, излагающие социал-шовинистские (почти плехановские) взгляды Аксельрода, причем редакция заявляет, что с «некоторыми (!) положениями» она не согласна и вернется к ним с тем, однако, чтобы на деле никогда к ним не возвращаться.

В «Голосе» и «Нашем слове» были своя десница и шуйца. Были элементы, которые хотели добросовестно бороться с социал-шовинизмом до конца, и были элементы (они часто руководили газетой), которые всю задачу видели в игре на единство с социал-шовинистами. В передовой редакционной статье № 96 «Голоса» мы читаем, например, следующее заявление:

«Не затушевыванием противоречий и разногласий изживем мы кризис Интернационала, но точной, определенной форму-

лировкой нашей линии, с прямым отмежеванием от официального квиетизма, успокаивающегося на «марксистском» объяснении прошлого, *резким разрывом* с элементами активного социал-патриотизма».

Это голос людей, желающих честной борьбы с социал-шовинизмом до конца.

Через короткое время после этого, в № 4 «Нашего слова»— другая статья «троцкистского» направления, в которой читаем:

«Борясь с оппортунизмом, мы рассматриваем его как органический дефект самого рабочего класса, а не как нечто постороннее, занесенное в ортодоксально-марксистские пролетарские ряды какими-то интеллигентами, мятущимися то в ту, то в другую сторону... Разрубить на части нетрудно, но прежде нужно знать, что отрубить, чтобы не омертвели части организма».

Это уже не голос людей, желающих решительного размежевания и «резкого разрыва» с социал-шовинистами. Это — голос троцкизма.

Последняя из приведенных цитат, писали мы в журнале «Коммунист», подводит нас вплотную к нынешнему нашему спору с Троцким. В чем мы больше всего расходимся теперь? Во взгляде на связь оппортунизма с социал-шовинизмом и в вопросе о расколе с социал-шовинистами. Начиная с его брошюры и кончая его статьями в «Нашем слове», Троцкий оценивает вождей оппортунизма и самый оппортунизм как некую «жертву режима». Дело де *не* в оппортунизме вождей и *не* в оппортунистическом течении, *а* в «поссибилизме», свойственном предыдущей эпохе! В этом *противопоставлении* кроется адвокатская защита оппортунизма. Нет никакого сомнения в том, что оппортунизм, как и все вообще на свете, имеет свои объективные причины в окружающей обстановке, во всей совокупности условий окружающей среды. Объяснять все дело «изменой» отдельных вождей, их моральной неустойчивостью и т. д. было бы ребяческим вздором. Понять, каковы те объективные условия, которые питали оппортунизм, *необходимо.*

Но в политике меньше всего *понять* значит *простить.* Разве анархизм не имел своих объективных предпосылок в окружающей среде, когда он торжествовал в рабочем движении Испании, Голландии, Швейцарии, Франции и т. д.? Разве российское эсерство, терроризм и пр. не имеют корней в крестьянском характере нашей страны, в своеобразном социальном положении русской интеллигенции? Разве христианский социализм

и антисемитизм, имеющие известный успех среди рабочих Австрии, Германии, Голландии, Бельгии и т. д., не питаются известными социальными корнями? Но что сказали бы мы о человеке, который — когда речь зашла бы о борьбе с анархизмом, эсерством и т. п., о создании особой от них рабочей партии и т. д. — стал бы нас поучать: дело *не* в анархизме, дело *не* в эсерстве, *а* дело в эпохе, дело в обстановке, дело в окружающей среде. Мы сказали бы, что у этого человека либо нет «царя в голове», либо он имеет *политический интерес* запутывать вопрос ради пропаганды единства с анархистами, эсерами и т. д. На основании писаний Троцкого мы приходим к убеждению, что *его* политический интерес, *его* политическая линия заключаются в стремлении не допустить до полного разрыва с социал-шовинистами и оппортунистами. Уроки войны в этом отношении ничему не научили Троцкого. Он остается «троцкистом». Как раньше он стоял за единство с ликвидаторами, так теперь он стоит за единство с социал-шовинистами.

Вы хотите «разрубить на части» социал-демократическую партию, вы «режете по живому телу пролетариата» и т. д. — такими громкими фразами угощал нас троцкизм во время мировой войны. Какой смысл имели эти фразы? Большевики очень хорошо знали, что, вообще говоря, единство — *при прочих равных условиях* — лучше, чем раскол. Но хотите ли вы сказать, что раз дело идет об организации рабочей по составу, то раскол *ни при каких условиях не допустим?* — спрашивали они у Троцкого. Что раз дело идет о рабочих организациях, надо терпеливо ждать, пока разногласия с течением времени будут «преодолены жизнью»?

Социал-шовинисты сняли голову социал-демократии. Они низвели социал-демократию до национал-либеральной рабочей партии. Вопрос шел о том, дадим ли мы социал-шовинизму «ассимилировать» революционеров, признаем ли мы, что с социал-шовинистами возможно то или иное сожительство, или мы порвем с буржуазными развратителями социализма и пойдем своей дорогой. И вот, видя такую нашу позицию, Троцкий писал, что мы «режем по живому телу пролетариата»!..

Интернационал должен быть восстановлен из старых партий на старых началах. Так проповедывал Каутский. Чем же отличался от него Троцкий? Решительно ничем, кроме фраз!

В № 5 шовинистического журнала «Современный мир» за 1915 г. депутат Гос. думы Чхенкели писал: «Сказать, что германская социал-демократия была в состоянии помешать

военному выступлению своей страны и этого не сделала, — значило бы или скрыто желать, чтобы она на баррикадах нашла не только свое и своего отечества последнее издыхание, или смотреть на предметы, рядом лежащие, сквозь анархический телескоп». Все это знал Троцкий. Он знал также, что в дневнике Петровского было отмечено: даже Чхеидзе говорит речи об «освободительной» войне. И тем не менее он защищал меньшевиков!

«Поведение пяти депутатов принципиально ничем не отличалось от поведения другой половины фракции», писал Троцкий. Он отлично знал, что ликвидаторы и их думская фракция принципиально отрицали ту работу в низах, над которой завесу приподнял суд над нашими депутатами. Троцкий отлично понимал, почему царская шайка провела грань между большевистской фракцией и фракцией Чхеидзе. Тем не менее он писал, что не видит принципиального отличия в ее поведении от поведения оборонцев. Сплочение русских интернационалистов во время войны шло помимо и против троцкизма, как шло сплочение девяти десятых сознательных рабочих под знаменем «Правды» до войны.

Какую роль сыграет мировая война в развитии русской революции и русская революция в развитии войны, — этого Троцкий тоже не понял. В статье «О двух линиях революции» Ленин подробно разоблачил меньшевистскую оценку движущих сил русской революции, дававшуюся во время войны Троцким.

Всем памятна борьба, которую вел ленинизм во время войны против каутскианства, как худшего врага революции. «В разных странах, — писал Ленин, — эта основная фальшь каутскианства проявляется в разных формах. В *России Троцкий также... отстаивает единство с оппортунистической и шовинистической группой «Нашей зари»*. В Румынии Раковский, объявляя войну оппортунизму... в то же время готов признать законность идеи защиты отечества. Все это проявление того зла, которое [сводится] к замене революционного марксизма эклектизмом в теории и к раболепству или бессилью перед оппортунизмом на практике».

Кусочек люксембургианства, добрый кусок каутскианства и целое ведро меньшевизма. Такова та малопривлекательная нищенская похлебка, какую представлял из себя троцкизм во время мировой войны.

В «Открытом письме Борису Суварину» Ленин еще в начале 1917 г. писал: «В чем я его (Троцкого) упрекал — это в том, что он слишком часто представлял в России политику

«центра». Вот факты». И далее следуют две страницы убийственных для Троцкого фактов — вплоть до рассказа о центристской роли Троцкого в Циммервальде.[1]

* * *

В связи с событиями на КВЖД летом 1929 г. *нынешняя* роль заграничных групп «международного» троцкизма показала себя «достойной» той роли, которую троцкизм играл в свои самые худшие времена. Заграничные сторонники Троцкого[2] просто-напросто заняли место на другой *стороне баррикады*. Формально эти троцкисты продолжают занимать позицию «условного оборончества», т. е. «согласны» защищать СССР под условием, что СССР будет вести их политику. На деле же эти люди просто помогают Чан Кай-ши: выдвигают требование к СССР «руки прочь от Китая», пишут, будто «в настоящее время (!) Китай (т. е. Гоминдан, руководимый Чан Кай-ши) уничтожает постепенно империалистические позиции в стране». Сторонники Троцкого пишут, что «за исключением нескольких бандитов, никто не думает теперь о войне», что «нельзя утверждать, что это выступление (захват КВЖД) обнаруживает хотя бы малейший признак антисоветского фронта»[3].

Сам Троцкий, выступая с полемикой против своих заграничных сторонников, еще недавно защищал свою «теорию» перманентной революции применительно к нынешнему положению в Китае. Это выглядит очень «лево». И в то же время он сотрудничает с теми заграничными троцкистами, которые на практике поддерживают Чан Кай-ши, рисуя этого представителя буржуазной *контрреволюции* как представителя буржуазно-демократической *революции* и борца против империализма. Так частенько было у Троцкого до 1917 г. Несуразно «левая» теория на словах и правая практика на деле.

Дальше некуда итти.

Позиция, занятая почти всеми заграничными группками троцкистов в связи с событиями на КВЖД, показывает, где будут эти люди во время новой войны, — если только они не поспешат отряхнуть с ног своих прах нынешней «левизны». До чего может довести «тезис Клемансо» — это показал «международный» троцкизм в связи с событиями на КВЖД. Кто становится на почву «*условной* защиты» СССР, тот на деле *безусловно* переходит в лагерь буржуазии.

---

[1] См. «Пролетарская революция», 1929, № 7, стр. 137—138.
[2] «Die Fahne des Kommunismus» от 19 июля 1929.
[3] Там же.

VIII. ОТ «ОБОРОНЧЕСТВА» К ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМУ.

В качестве председателя II Интернационала г. Вандервельде (во время судебного процесса над меньшевиками в 1931 г.) прислал высокоофициозное заявление с божбой (и как божиться-то не лень!) о том, что меньшевики всегда де стояли и стоят против интервенции. Этому «вескому» заявлению небесполезно противопоставить свидетельское показание не менее официального лица — секретаря II Интернационала Фридриха Адлера. В статье «А если война все-таки начнется?» Адлер повествует о том, как еще накануне войны 1914 г. все партии II Интернационала были преисполнены «воли к миру»— за исключением ППС с Дашинским во главе. Секретарь II Интернационала пишет:

«Дашинский и его группа наверняка ничего никогда не сделали для того, чтобы война возгорелась; ужасы войны они вполне ясно предвидели; но, конечно, их отношение к войне было совершенно другое, нежели отношение подавляющего большинства II Интернационала. Для них война была не только злом, которому надо всеми средствами воспрепятствовать, но и надеждой... *И вот теперь во II Интернационале есть группа грузинских социал-демократов, которая совершенно так же, как до мировой войны поляки, надеется на освобождение своей страны в результате войны. Взгляды этой группы никем в Интернационале не разделяются*... Этот уклон от общей политики II Интернационала нужно констатировать»[1] и т. д.

Важное признание! Не будем уже говорить о польских «товарищах». Но то, что сообщает Адлер о *грузинских меньшевиках,* во всяком случае является *крайне ценным* признанием. Оказывается, даже *Ф. Адлеру* небезызвестно, что *грузинские меньшевики стояли и стоят за войну с СССР, т. е. интервенцию.* Ну, конечно, эта политика «никем» не разделяется, кроме... кроме всех важнейших партий II Интернационала, которые как раз в связи с «грузинским» вопросом годами

---

[1] *«Кампф»,* 1929, кн. 8, стр. 357 (Курсив наш *Г. З.*).

вели особенно яростную кампанию против СССР, посылали в меньшевистскую Грузию Каутского и Ренođеля, поддерживали грузинское восстание 1924 г. Но нам пока достаточно одного: *по признанию самого Ф. Адлера грузинские меньшевики, являющиеся членами II Интернационала, и теперь являются интервенционистами.* Об этом Адлер написал в «Кампф» полтора года тому назад. По этой «грузинской» (да и «польской») ниточке не трудно добраться до подлинной платформы не только РСДРП меньшевиков, но и всего II Интернационала. Нечаянно Ф. Адлер сказал *кусочек правды.* С более опытным Вандервельде таких оказий, кажется, еще не случалось.

На деле грузинский меньшевизм отнюдь не является исключением «в семье» российского, да и международного меньшевизма. Некоторые специфические черты грузинского меньшевизма (обостренный национализм) придают ему только несколько большую «выразительность». Но в общем — это плод с того же меньшевистского древа. От «оборончества» в империалистской войне русский и международный меньшевизм *должен* был притти и пришел к интервенционизму в период пролетарской диктатуры. В этой эволюции нет ничего личного, группового, национального. К моментам личным, частным, групповым относится лишь то, что такие лидеры, как Потресов, Каутский, Гарви, Ст. Иванович, Жордания, говорят о своем интервенционизме более или менее прямо, а Даны, Абрамовичи, Гильфердинги, Бауэры, Вандервельде пока еще считают за благо отрицать свой интервенционизм. То, что *обще всем им,* есть именно эволюция от «оборончества» к интервенционизму. Эта эволюция была вполне неизбежна и закономерна. Эта эволюция лишь особенно наглядно иллюстрируется на примере российского (в частности, грузинского) меньшевизма — 1) потому что центр тяжести мирового рабочего движения перенесся в Россию, 2) потому что «русская проблема» является сейчас осью всей мировой политики, 3) потому что в ходе нашей пролетарской революции российская контрреволюционная социал-демократия должна была особенно ярко развернуть все свои «богатые» возможности.

* *

С 25 октября 1917 г. мы — оборонцы: мы защищаем наше социалистическое отечество — отечество всего международного пролетариата. Ставши после завоевания власти пролетариатом на путь оборончества, наша партия отдала кровь десятков и сотен тысяч лучших своих борцов на всех фронтах

гражданской войны и интервенции. Мы так привыкли — особенно наша молодежь — понимать теперь слово оборончество в этом *после*октябрьском смысле, что иногда забываем, что понятие «оборонцы» имело совсем другой смысл *до* победы Октября. До свержения капитализма в нашей стране, как известно, «оборонцами» были эсеры и меньшевики. В течение всей империалистской бойни 1914—1917 гг. они объявляли войну, которую царь вел в союзе с англо-французским империализмом, «оборонительной» войной, «справедливой», «освободительной» войной по аттестации Плеханова. «Оборончество» в дооктябрьском смысле означало защиту капитализма как экономического уклада и буржуазной демократии, как политического строя. На этой программе сходились все «оборонцы» лагеря меньшевиков и эсеров.

Как в области *внутренней* политики меньшевики и эсеры после Октября должны были перейти к лозунгу «назад к капитализму» и стать контрреволюционерами чистейшей воды, так в области внешней политики они неизбежно должны были перейти к интервенционизму. Их дооктябрьская политика союза с империалистскими «западными» демократиями теперь, после перехода власти к пролетариату, создания им Красной армии, объявления ему войны всей мировой буржуазией — неизбежно должна была привести меньшевиков и эсеров к интервенционизму. Интервенционизм является только новой формой политики «оборончества». Это — *прямое продолжение дооктябрьской внешней политики меньшевиков и эсеров, только другими средствами.*

Интервенция означает: *война.* А после ужасов мировой войны 1914—1918 гг., после того, что Россия видела в эпоху гражданской войны, — кто же без самой крайней необходимости станет *писать документы* в пользу интервенции, кто станет *открыто* говорить в пользу войны? «Это делают, но об этом не говорят». Такого правила меньшевики и эсеры придерживались во время первой интервенции, придерживаются и сейчас в 1931 году. Но некоторые их программные документы времен первой интервенции все же попали в руки пролетариата. Один из них — едва ли не самый характерный — мы хотели бы напомнить теперь. Это резолюция по вопросам международной политики, принятая VIII Советом партии эсеров летом 1918 г. во время нашей войны с чехо-словаками. Вот главное место этой резолюции.

«В виду того, что большевистское правительство своей политикой навлекло на Россию опасность совершенно лишиться

самостоятельности и подвергнуться разделу на сферы влияния между своими сильными соседями, VIII Совет партии эсеров находит, что эта опасность может быть предотвращена только немедленной ликвидацией большевистского правительства и переходом власти в руки демократического правительства — правительства, которое в войне с Германией *признает военную помощь со стороны союзников* под условием и в форме, которые обеспечивали бы целость России. В интересах такого правительства организованной демократии, опирающегося на законодательное национальное собрание, *допускается вступление союзных войск на русскую территорию с чисто стратегическими, а не политическими целями,* если, в силу соглашения с Россией и в силу формальных гарантий, союзные вооруженные силы не будут вмешиваться во внутреннее политическое устройство и будут соблюдать целость русской территории».

Можно сказать наверняка: если бы меньшевики стали писать официальную резолюцию об интервенции, они написали бы ее и ныне *по типу* резолюции VIII Совета партии эсеров; для внутреннего же употребления написали бы (и написали!) еще откровеннее. С открытой защитой царского «отечества» в войне 1914—1918 гг. трудно было итти к рабочим. Однако «оборонцы» тоже находили «соответствующие» формулы В период первой интервенции тоже трудно было открыто итти с поддержкой ее к рабочим, однако, союзники меньшевиков господа эсеры, в 1918 г., как видите, нашли «соответствующую» формулу. Дело, видите ли, шло о создании «демократического» правительства, которое «*примет военную помощь*» со стороны Антанты лишь «под условием (!) и в форме, которые обеспечивали бы целость России». Ну, еще бы! Пример подавления советской Венгрии ведь показал наглядно, как интервенция «обеспечивает», между прочим, и «целость», не говоря уже об остальном. Вступление союзных войск на русскую территорию эсеровская резолюция на словах допускала только «с чисто стратегическими, *а не* (!!) политическими целями». А как выходило в действительности? Самара и Омск могут об этом кое-что порассказать. *Дела* меньшевиков и эсеров во время первой интервенции говорят о том, что в это разделение «стратегии» и «политики» они, конечно, ни на минуту не верили. Ну, а слова говорились — с целью обмануть рабочих.

Приведенный нами эсеро-меньшевистский документ эпохи первой интервенции, между прочим, был оглашен коммунистами 15 октября 1920 г. на известном съезде независимых социал-демократов в Галле, где в качестве представителя

меньшевистской РСДРП присутствовал «левый» Мартов. Опровергнуть этот документ Мартов, конечно, не смог. Он *промолчал* о нем. По сути же дела он солидаризировался с партией эсеров. В своей речи в Галле Мартов пространно доказывал, что партия эсеров отнюдь не ответственна за отравленную пулю, пущенную эсеркой Дорой Каплан в Ленина, ибо — Савинков, пославший Каплан на это дело, в то время якобы не был уже официальным членом ПСР. Мартов говорил на этом съезде, что в советско-польской войне (1920) виноваты не поляки, а советская власть, что мир с Польшей (тогда только что подписанный) есть не настоящий мир, что большевики хотят только выиграть время, оправиться, чтобы потом нанести удар Польше. Это «сообщение» Мартова, конечно, подхвачено было прессой Мильеранов — Пуанкаре и всей «союзной» буржуазией как и его «сообщение», что советская власть хочет втянуть Германию в новую войну, чтобы дать решительный бой Антанте «на Рейне» [1].

Разве это не поддержка политики интервенции? Разве это не применение на деле резолюции VIII Совета ПСР?

* * *

Непосредственно перед введением нэпа меньшевики — в частности, лично Дан — принимают активное участие в подготовке кронштадтского восстания, руководители которого с первых же шагов обратились за военной помощью к англо-французской буржуазии. На деле работа меньшевиков *сливается* в это время с работой интервентов. В первые годы нэпа меньшевики и их союзники эсеры ставят ставку на буржуазное перерождение советской власти и в это время как будто несколько отодвигают политику интервенционизма. В 1922 г. происходят совещания меньшевиков с эсерами под председательством Дана. В эту пору Мартов в «Соцвестнике» в статье «Проблема единого фронта в России» писал: «На одном полюсе выветриваются иллюзии коммунизма, на другом — иллюзии интервенции». Когда же для меньшевистских вождей полностью выяснилось, что «выветривание коммунистических иллюзий» является не более как их собственной иллюзией, они опять решительно повернулись «лицом к интервенции». К тому времени, когда сложилось вредительство, среди меньшевиков и эсеров вновь оживилась и политика интервенционизма. Вредительство и интервенционизм теперь—

---

[1] См. протоколы партейтага в Галле, немецкое изд., стр. 212.

близнецы. Растеряв свои иллюзии относительно «выветривания иллюзий», а также растеряв окончательно своих сторонников из рабочих, даже меньшевики-«интернационалисты» быстро превратились в меньшевиков-*интервенционистов.* Такова правда.

Освободившись от рабочего «балласта», т. е. в течение нескольких лет потеряв почти всех своих рабочих в пользу партии большевиков, русские меньшевики уже целиком обречены были разделить политическую судьбу худших групп самой «обыкновенной» русской буржуазной контрреволюционной интеллигенции, вплоть до участия в обозе белых генералов, защиты белого террора, вплоть до вредительства и интервенционизма. Уже в эпоху Брестского мира вульгарный буржуазный патриотизм меньшевиков ни на йоту не отличался от «патриотизма» кадетской буржуазии, пытавшейся столкнуть советскую власть в яму новой войны, чтобы на этих путях подвести все к той же интервенции.

24 марта 1918 г. выходивший в Петрограде центральный орган меньшевиков «Новый луч» помещает статью под откровенным лозунгом «Назад к капитализму». Этот «лозунг» меньшевики связывали с якобы революционным «непризнанием» Брестского мира. Но Брестский мир ушел, а лозунг «Назад к капитализму» остался и определяет всю политику меньшевиков по сей час. Лозунг этот *включал в себя* интервенционизм уже в 1918 г. В 1931 г. он включает интервенционизм *плюс* вредительство.

Часть буржуазно-демократической интеллигенции сочувствовала революции, пока дело шло о революции *буржуазной.* Она «сочувствовала» даже рабочему движению, поскольку, по известной формуле будущего ренегата Льва Тихомирова, рабочий класс казался ей очень важным *для* революции, т. е. для *буржуазной* революции. Когда же оказалось, что наш пролетариат действует по формуле: «революция очень важна *для рабочего класса»,* когда победила *пролетарская* революция, буржуазно-демократическая интеллигенция открыто перекочевала в лагерь врагов. Теперь террористы из лагеря эсеров, ранее организовывавшие убийства Сипягина, Столыпина, Боголепова, стали организовывать покушение на Ленина, убийство Володарского, Урицкого. Теперь лирическая поэтесса З. Гиппиус в «Дневнике» назвала Октябрьскую революцию «блевотиной войны» и стала вслух мечтать о том, как (с помощью интервентов) большевистских вождей «в молчании повесят». Теперь Питирим Сорокин заявил, что русская интеллигенция должна занять по отношению к советской власти «англо-саксонскую

позицию» (один из псевдонимов интервенции). Теперь проф. Тарле выступил с откровенной проповедью нео-«франкофильства», т. е. французского варианта интервенции.

Аналогичную эволюцию, как мы видим, проделывает и меньшевизм. Путь от социал-реформизма к социал-шовинизму неизбежно включал в себя активную помощь буржуазии, бросавшей миллионы пролетариев под жерла империалистских пушек. Путь от социал-шовинизма к социал-фашизму неизбежно включает в себя оголтелую борьбу против пролетарской диктатуры в СССР, в том числе и такие гнусные средства борьбы, как вредительство и интервенционизм. Кто плачется по поводу того, что социал-демократических вождей мы называем теперь социал-фашистами, кто по этому поводу говорит о «бестактности» ВКП и всего Коминтерна (установка — общая сейчас правым и троцкистам) — тот «забывает» историю борьбы большевиков с меньшевиками в России. Если наша партия отвоевала у меньшевиков всех рабочих и даже часть низшего и среднего «комсостава», то только потому, что она вела против них непримиримую борьбу до конца. Если партии Коминтерна в других странах отвоюют — а они *непременно* отвоюют! — у современных партий II Интернационала рабочих и даже часть низовых руководителей, то — только разоблачая на каждом шагу подлинную сущность господ вождей, являющихся на деле социал-фашистами, т. е. и интервенционистами.

IX. ПОЗИЦИЯ «МЕЖДУНАРОДНОГО» МЕНЬШЕВИЗМА ВО ВРЕМЯ КРОНШТАДТСКОГО ВОССТАНИЯ.

Победы Красной армии и все растущее движение протеста со стороны английских и французских рабочих заставили Антанту прекратить открытую войну против Советской России. Руководящая сила всемирной контрреволюции — Англия— вынуждена была подписать торговый договор с Советской Россией, так как английские рабочие ожидали от этого сокращения безработицы. Но это, конечно, не значило, что борьба кончена. Попрежнему государства Антанты изыскивают всяческие способы, как бы свергнуть советскую власть. Агенты Антанты рыщут по всей России и стараются вызвать крестьянские восстания.

Они заявляют крестьянам, что их земле больше не угрожают ни дворяне, ни белые генералы и что им нет никакой надобности снабжать рабочих хлебом. Крестьянские волнения должны прервать ж.-д. связь между промышленными центрами и хлебными областями, — голод заставит тогда отсталые рабочие массы подняться против советского правительства — таков план Антанты. Капиталистическая контрреволюция спекулирует на том, что в стране, имеющей за собою три года империалистской и четыре года гражданской войны, в стране, которая многие годы была лишена всякого ввоза из-за границы, которая вынесла неслыханные страдания, — часть рабочих должна быть утомлена и истощена и потому склонна поддаваться нашептываниям контрреволюции. Рядом с обычными шпионами Антанты, рядом с агентами монархических организаций работают в этом направлении и подпольные организации партии «социалистов-революционеров», а также часть меньшевиков, принадлежащих ко II Интернационалу (с Даном во главе).

Этой агитации (в сочетании с рядом других факторов) удалось вызвать 2 марта 1921 г. восстание части кронштадт-

ских матросов. Старые матросы Кронштадта, герои Октябрьской революции, либо пали на многочисленных фронтах гражданской войны, либо служат, занимая ответственные посты в Красной армии или в советских учреждениях. Кронштадтский гарнизон матросов состоял большей частью из крестьян южной России или из буржуазных и мещанских сынков, техников, которые не закончили своего образования и поступили во флот, привлеченные туда сравнительно хорошими условиями жизни.

Недовольные, раздраженные дисциплиной, царившей в крепости и на судах, — без нее Петроград легко мог бы стать добычей для флота Антанты, — эти матросы дали увлечь себя эсерам, анархистам, меньшевикам и монархистам, действовавшим втихомолку под невинно звучащими лозунгами «переизбрания советов». То, что они не осмелились пойти под девизом Учредительного собрания или монархической реставрации, показывает, что по их же собственной оценке даже эти отсталые матросы ни в коем случае не стали бы сознательно служить делу контрреволюции. Чтобы сделать неизбежным кровавое столкновение, контрреволюционеры побудили матросов арестовать коммунистов и представителей правительства, что и повело к разрыву. За спиной матросов они обращались за помощью к капиталистическим правительствам и к контрреволюционным организациям за границей, и те тотчас же поняли, в чем дело. Начиная с органа эсеров «Воля России», продолжая органом главы кадетской партии Милюкова и кончая генералом Врангелем, все они объявили себя солидарными с восставшими, так как отлично понимали, что для контрреволюции безразлично, через какие ворота совершит она въезд в Россию — через правые или «левые». Они знали, что единственной возможной формой пролетарской диктатуры в России является диктатура пролетариата, руководимая самыми испытанными и революционными рабочими, организованными в партии коммунистов. «Беспартийное» советское правительство не могло бы просуществовать и двух недель, так как это в лучшем случае было бы правительство наиболее отсталых и наименее сведущих слоев. Оно вынуждено было бы уступить свое место открыто контрреволюционному правительству. По этому орган Милюкова, парижские «Последние новости», в номере от 11 марта 1921 г. решительно высказался за то, что лозунг «Учредительное собрание» надо временно устранить и удовольствоваться лозунгом: «долой коммунистов, да здравствует истинно беспартийная советская власть», в крити-

ческий момент этот лозунг равносилен требованию перехода власти от большевиков к умеренным «социалистам». Это правительство, по мнению названной газеты, подготовило бы почву для буржуазного парламента.

Так как это мнение кадетского органа отвечает действительным интересам буржуазии, то русские заграничные банки с монархистским вождем Гучковым и б. царским премьером Коковцевым во главе немедленно послали в Финляндию значительные суммы для поддержки кронштадтского движения. По той же причине французское и американское правительства немедленно мобилизовали помощь Кронштадту под флагом своего Красного креста. Эта помощь пришла, однако, недостаточно скоро. Красные войска, предводительствуемые коммунистами, перешли в наступление прежде, чем живущим за границей контрреволюционным элементам удалось прибыть через Финляндию в Кронштадт. Кронштадтское контрреволюционное выступление было ликвидировано, и наряду со многими уроками, которые оно оставило международному рабочему классу, оно помогло ему сорвать маску со II и 2½ Интернационалов.

Вся пресса II Интернационала — пресса палача германского пролетариата Носке, как и королевского бельгийского министра Вандервельде, сейчас же стала на сторону кронштадтской контрреволюции, замаскированной «радикальными» фразами. Но это еще не самое достопримечательное. Ведь шейдемановцы поддерживали и монархическую контрреволюцию в лице Вермонта. Если эти «принципиальные» противники пролетарской диктатуры высказались за кронштадтских матросов, выступивших, якобы, за действительно советское правительство, то это вытекало из ясного понимания, что в случае падения в России советского правительства, королевский бельгийский министр Вандервельде и шейдемановцы увидят воплощенной свою мечту о возвращении единственного «законного» буржуазного правительства в России.

Еще более важным для оценки истинного положения вещей в международном рабочем движении явился тот факт, что органы тогдашнего 2½ Интернационала, которые на словах высказывались «за» русскую революцию, «за» диктатуру пролетариата, «за» советское правительство, на деле тоже пели хвалу кронштадтскому восстанию. В то время когда сознательные пролетарии России сотнями падали на льду Финского залива в боях против белой контрреволюции «независимая» социал-демократическая газета «Фрейхейт» не нашла ничего

лучшего, как окружить кронштадтское контрреволюционное восстание ореолом мученичества.

Жан Лонге в своем органе «Попюлер» напечатал статью в честь кронштадтского восстания. Венская «Рабочая газета», орган Отто Бауера и Фридриха Адлера, решительно стала на сторону кронштадтцев. Таким образом Гильфердинг, Криспин, Диттман, Жан Лонге, Фридрих Адлер, Отто Бауер в момент всемирно-исторической важности, перед лицом нового удара со стороны капиталистической контрреволюции, стояли рука об руку с Врангелем, Милюковым, Коковцевым и с героями английского и французского шпионажа. Этот факт вошел в сознание широких пролетарских масс всего мира. Рабочие поняли, что восстание, за которое высказалось все русское контрреволюционное движение, так же, как и все штабы международной контрреволюции — есть восстание контрреволюционное, хотя бы оно прикрывалось красными флагами и мнимо левыми лозунгами.

X. ПОЗИЦИЯ «МЕЖДУНАРОДНОГО» МЕНЬШЕВИЗМА ВО ВРЕМЯ КОНФЛИКТА ИЗ-ЗА КВЖД.

События на КВЖД, имевшие мировое значение послужили еще одной проверкой и для «мировой» социал-демократии. Как всякий крупный политический кризис и этот «китайский» кризис не мог не показать подлинного обличья крупных политических сил, в том числе социал-демократии.

Каков действительный смысл названных «китайских» событий? Что случилось в Харбине? Китайский Колчак, Чан Кайши, которому удалось на время пригнуть к земле китайскую революцию (русский Колчак тоже имел сначала некоторые удачи), сделал наглое нападение на СССР. Китайскому Колчаку в тот момент особенно нужны были внешние победы, которыми он немедленно воспользовался бы для того, чтобы еще с большей яростью продолжать свою палаческую работу *внутри* Китая против «своих» рабочих и революционных крестьян. Китайский Колчак, как в свое время и русский Колчак, пользуется покровительством империалистов богатейших стран. Только слепой не видел, что, нападая на СССР Чан Кайши действовал в полном согласии со своими англо-американскими и французскими покровителями. Нынешний китайский Колчак не делает ни одного шага без совета с окружающими его представителями английских империалистов («социалист» Макдональд, конечно, оставил на своих местах всех английских представителей, назначенных Чемберленами), с представителями империалистской Америки и Франции; да и с японскими империалистами китайский Колчак кое-как договаривается. Предложение о «посредничестве», сделанное Советскому союзу империалистской шельмой Брианом, конечно, тоже было согласовано.

Кажется дело ясно. Смысл событий был настолько очевиден, что не понять их было нельзя. Тем не менее «мировая» социал-демократия ухитряется черное объявить белым, а бе-

лое — черным. Виновной стороной оказывается не китайский Колчак, а Союз советских социалистических республик. Остервенелая ненависть контрреволюционных вождей «мировой» социал-демократии к Советскому союзу, к успехам его социалистического строительства настолько безгранична, что этим господам все равно, кто нападает на СССР — лишь бы нападал.

2 июля 1929 г., т. е. еще за несколько дней до нападения китайского Колчака на КВЖД, «Форвертс», центральный орган германской социал-демократии, помещает в качестве передовой статью видного «вождя» русских меньшевиков, известного наглого интервенциониста П. Гарви под заглавием «Москва и Нанкин». Уже 2 июля эта с.-д. газета, видимо, знала, что предстоит нападение Чан Кай-ши на КВЖД. Ведь Гильфердинги и Вельсы, Бауеры и Зеверинги «вхожи» в самое «высокое» империалистское общество. С особым упоением вдыхают они благоуханный воздух в здании американского посольства. Ничего не будет удивительного, если в свое время в руки рабочих попадут документы, которые докажут с полной бесспорностью, что такие статьи против СССР в защиту *китайских* Колчаков в центральном органе *германских* социал-демократов *русские* меньшевики писали по прямому поручению *французских,* или *английских,* или *американских* империалистов. Так переплелись интересы международной контрреволюции против интересов международной революции.

«Китаю нужны теперь не революционные инструктора, как Бородин, а финансовые инструктора, как американцы Кемерер и Юнг», — пишет П. Гарви в названной статье. «Объединенный Китай не может допустить, чтобы Советская Россия то пользовалась им как разменной монетой в ее борьбе с Англией или Японией, то эксплоатировала его в своих коминтерновских планах мировой революции». Затем идут гнусные выдумки о мнимой связи СССР с генералом Фын Юй-сяном, который в то время подрался с Чан Кай-ши, кое-чего не поделивши с китайским Колчаком. Далее идут россказни о результатах обыска, произведенного харбинской полицией в здании наших консульств и т. д. Словом, *за несколько дней до нападения Чан Кай-ши на КВЖД* один из вождей русского меньшевизма П. Гарви в центральном органе германских меньшевиков подготовляет «общественное мнение» к тому, что Чан Кай-ши, стоящий на страже «объединенного Китая» и китайской революции (правда буржуазной), вынужден будет «защищаться» против СССР.

Через несколько дней происходит известное выступление китайского Колчака. СССР вынужден прибегнуть к элементарным мерам самозащиты. На глазах всего мира империалисты богатейших стран, почти уже не стесняясь, вкладывают меч в руки китайского Колчака. Только слепой не видит те факторы империалистской контрреволюции, которые стоят за Чан Кай-ши, толкая его одновременно *и* против СССР *и* против китайской революции, вновь собирающейся с силами. Что же делают при такой оказии вожди «мировой» социал-демократии? Они поднимают неистовый вой против СССР. Среди органов буржуазной печати еще можно найти те или другие отдельные случаи, когда читателям рассказывают более или менее правдиво о событиях в Китае — из какового изложения читатель убеждается в абсолютной правоте СССР. Но в «мировой» с.-д. печати такого случая не найти. На *всех* языках, во *всех* странах вожди контрреволюционной социал-демократии защищают китайского Колчака против СССР и разумеется также против китайской революции. Особенную энергию развивают все те же вожди *германской* социал-демократии, вновь являющейся теперь главной руководящей партией II Интернационала. Скучный «Форвертс» оживляется донельзя. Вся его первая страница полна лжи против СССР. Каждый день помещаются статьи, заметки, карикатуры, сенсационные телеграммы, стихи (совсем как в дни суда над меньшевиками в 1931 г.), и все это бьет в одну точку: Чан Кай-ши ни в чем не виноват, во всем виноват «советский империализм». «Два народа — русский и китайский — стоят друг против друг с обнаженными саблями, а крупнейшие из капиталистических наций выступают посредниками, беря на себя труд умерить претензии Советской России к Китаю», — так изображает положение вещей «Форвертс» от 21 июля 1929 г. в передовой статье, озаглавленной «Преступление против дела мира». Китайский народ это Чан Кай-ши! Китай это — китайский Колчак!

«Вдохновители советской политики жаждут трупов», — кричит «Форвертс». Протесты рабочих, крестьян, трудящихся всего Советского союза против нападения китайского Колчака центральный орган германской социал-демократии изображает как «заказанные» протесты, а тон советской прессы сравнивает с тоном империалистской прессы накануне войны 1914 г. «Китайский народ виновен только в том, что не хочет более терпеть, чтобы Коминтерн навязывал ему формы внутри-политической жизни». Чан Кай-ши, видите ли, борется только за то,

чтобы полуколониальные народы «не превращались в данников советской власти».

«Форвертсу» вторит «Попюлер», орган французских социал-предателей, который пропагандирует французским рабочим ту «мысль», что «тупая политика большевизма в Китае является роковой не только для китайской революции, но и для самой России».

Но особенно характерно поведение именно *германской* социал-демократии. Она приняла ближе всех к сердцу интересы китайского Колчака, хотя, казалось бы, непосредственная заинтересованность германского буржуазного «отечества» в китайско-советском конфликте в данный момент не так остра. В том то и дело, что вожди германской социал-демократии «возвысились» теперь до защиты не только «отечества» *своей* бужуазии, но интересов капитала вообще, интересов *мировой* контрреволюции. Все более международной становится не только революция пролетариата, но и буржуазная контрреволюция. В этом разгадка той страстности и того бешенства, с которыми вожди германской социал-демократии защищают дело китайского Колчака. Враг наших врагов есть наш друг, а «наш» главный враг — диктатура пролетариата в СССР, которая одним своим существованием и развитием ускоряет нарастание революции пролетариата во всем мире. В начале империалистской войны Ленин и Либкнехт говорили: «главный враг — буржуазия *своей* страны». А Носке и Шейдеманы отвечали: главный враг — правительство «*чужой*» страны, нападающей на наше «отечество». В 1917—1918 гг., когда начали разрастаться рабочие восстания против капитализма, вожди контрреволюционной социал-демократии сказали уже другое: главный враг — революционный рабочий *своей* страны. Теперь они говорят: главный враг — революционный рабочий своей страны *плюс* СССР. Главный враг — организованная в государство диктатура пролетариата *плюс* «свои» революционные рабочие, зовущие к такой же диктатуре пролетариата, готовящие ее в «своем» отечестве.

Всемирным испытанием для вождей мировой социал-демократии были: 1) мировая война; 2) Октябрьская революция и образование Коминтерна; 3) ряд революций в европейских странах; 4) начало революций в Китае и на Востоке вообще; 5) эпоха частичной стабилизации капитализма; 6) подготовка новой интервенции против СССР. Во всех этих проверках вожди социал-демократии все больше «закалялись», как помощники, а иногда и прямые организаторы контрреволюцион-

ной борьбы буржуазии против рабочих. Начинающаяся новая полоса оживления революционного движения в ряде стран делает вождей социал-демократии еще более оголтелыми и бешеными противниками СССР. Уже при первых успехах, при первых симптомах революционного оживления мы видим и еще увидим самое яростное сопротивление со стороны вождей социал-демократии. Именно поэтому мы видим этих господ в первых рядах разжигателей войны против СССР.

Непосредственно перед мировой войной главная задача с.-д. вождей заключалась в том, чтобы внести оппортунистическое разложение в ряды рабочих и *подготовить* торжество «своей» буржуазии.

Во время самой мировой войны задача с.-д. вождей заключалась в том, чтобы бросить в огонь войны рабочий класс ради наживы отечественных капиталистов.

Ко времени окончания войны, когда ярким пламенем разгорелись пролетарские восстания, задача с.-д. вождей заключалась в том, чтобы, соединившись с контрреволюцией, какой угодно ценой подавить начинавшиеся пролетарские восстания.

Когда советская власть стала побеждать в Венгрии, Баварии и Финляндии, задача с.-д. вождей сводилась к тому, чтобы помочь империалистским бандитам раздавить советы в этих странах.

Когда стала упрочиваться советская власть в России и создался Коминтерн как могучая организация, угрожающая твердыням капитализма, профессией с.-д. вождей стало систематически отравлять сознание европейских рабочих, клевеща на советскую власть и Коминтерн.

Когда в последние годы все больше стала обозначаться полоса подготовки буржуазии к новой войне, с.-д. вожди увидели свое призвание в том, чтобы помогать буржуазии готовить эту войну, сорвать нашу пятилетку, поддержать вредителей, помочь кулаку.

То, что делали вожди контрреволюционной социал-демократии в связи с событиями в Харбине, это только цветочки; ягодки впереди. Работа вождей социал-демократии на китайского Колчака, являющегося только марионеткой в руках крупнейших империалистов, это была малая репетиция будущих еще больших измен. После процесса промпартии и суда над меньшевиками стало ясно до очевидности: кто бы, при каких бы обстоятельствах и по какому бы то ни было поводу ни напал на Советский союз, вожди социал-демократии всегда найдут «материал», чтобы оправдать это нападение, разжечь

его, расширить его и ударить в спину СССР. Уроки этой «малой» репетиции больших измен не должны пропасть даром.

Наш ответ: глубже в массы! Надеяться только на *свои* силы; ясно видеть, что современная социал-демократия есть одна из сил буржуазии; решительней борьба против контрреволюционной социал-демократии; больше сил на разоблачение особенно гнусной роли «левых» социал-демократов; ясное понимание того, что современная социал-демократия есть *буржуазная рабочая партия контрреволюции.*

Предположи о вождях «мировой» социал-демократии *самое худшее,* и тогда ты будешь ближе всего к действительности!

XI. СВИТОК ПРЕСТУПЛЕНИЙ.

Когда будущий историк освободительного движения пролетариата будет писать историю мировой социалистической революции, он скажет: к моменту окончания первой всемирной империалистской войны все объективные предпосылки для победы пролетариата, для низвержения капитализма были налицо, но социал-демократия, окончательно перейдя на сторону буржуазии, спасла этот строй насилия, грязи и крови на столько-то лет. На сколько именно? Десяток лет жизни капитализм уже получил благодаря переходу на его сторону «мировой» социал-демократии и получит вероятно еще столько же. Три года меньше или пять лет больше — это имеет конечно громадное значение для нынешнего поколения пролетарских борцов. Но с точки зрения всемирно-исторической — это уже только деталь.

* * *

Свиток преступлений мировой социал-демократии громаден.

Уже и до всемирной империалистской войны официальные руководители большинства с.-д. партий были на пути к превращению в подпевал капиталистов. Оппортунизм все больше и больше побеждал в с.-д. партиях, и к началу войны он превратился в социал-шовинизм. До начала империалистской войны оппортунисты исподволь подтачивали большинство рабочих партий мира. Оппортунизм есть маленькая измена — говорил Ленин. До войны дело ограничивалось «маленькими» изменами, продажей рабочих интересов лишь «в розницу». С начала империалистской войны вопрос стал уже о продаже интересов пролетариата «оптом».

С.-д. вожди не любят вспоминать августа 1914 г., не любят вообще вспоминать об империалистской войне, обижаются на большевиков за то, что они чрезмерно «кричат» о войне. Еще бы! Какому же с.-д. вождю охота вспоминать свою роль в бойне, которая стоила более 10 млн. человек убитыми, более

21 млн. ранеными, 670 млрд. золотых рублей или 1/3 национального богатства человечества) деньгами? Кому из них охота вспоминать, как они брали на себя самые гнусные поручения от буржуазии во время войны?

Преступления вождей «мировой» социал-демократии неисчислимы. Здесь напомним только о главных *сериях* этих преступлений.

Серия первая. Преступления социал-демократии *во время первой империалистской войны.* 4 августа 1914 г. *германские* социал-демократы, самая сильная партия во II Интернационале, голосуют в рейхстаге за военные кредиты, т. е. выражают доверие Вильгельму-разбойнику и дают благословение империалистской бойне под флагом «защиты отечества». Совершенно то же самое в тот же день делают французские социал-демократы во французском парламенте. И в этом же роде ведут себя «наши» меньшевики и эсеры. Формально они изображают себя как более «левых»; на деле же они поступают так же, как германские и французские социал-шовинисты. Все они — и германские, и французские, и русские социал-демократы — в свое время принимали десятки резолюций против войны и еще на Базельском международном конгрессе в 1912 г. клялись, что если начнется мировая война, они будут выступать против своей буржуазии и постараются превратить войну в революцию. Но теперь, когда мировая война пришла, та самая война, которую ожидали, которая описывалась в резолюциях международных конгрессов II Интернационала, — германские, французские, русские, английские, австрийские, болгарские социал-демократы перешли на сторону «своей» буржуазии. Центральный орган германской социал-демократии «Форвертс», объявил, что на время войны классовая борьба «прекращается» и заменяется «гражданским миром». Парламентские вожди германской социал-демократии (Франк и др.) отправляются добровольцами на фронт, с восторгом становясь под знамена Вильгельма. Верхушки с.-д. профсоюзов Германии превращаются в вербовочные конторы для империалистских армий Людендорфа. Самые «популярные» вожди германской социал-демократии разъезжают вместе с вильгельмовскими генералами по фронтам, пытаясь «вдохновлять» германских солдат. Виднейший вождь германской социал-демократии Хейльман открыто заявляет: «Пусть эти бабы поют Интернационал, а я отправлюсь к Гинденбургу! ..»

Французские «социалисты» вступают в министерство французских империалистов. Жюль Гэд, один из старейших и влия-

тельнейших вождей II Интернационала, много и хорошо повоевавший на своем веку против оппортунистов, теперь сам превращается в социал-шовиниста; он становится министром без портфеля в кабинете империалистской войны. Другой французский «социалист», Альберт Тома, тот самый, который поныне известен как наиболее усердный лакей империализма, становится министром военных снабжений.

В Англии картина та же. Артур Гендерсон, тот самый, который ныне является министром иностранных дел в «рабочем» кабинете Макдональда, приглашается английскими империалистами в министерство. Гендерсон и Томас, столпы Английской рабочей партии, являются «мальчиками на посылках» у английского генштаба.

В России меньшевистские с.-д. депутаты Государственной думы (депутаты большевики с самого начала войны были все арестованы и отправлены в «вечную» ссылку) обслуживают войну, входят в так называемые военно-промышленные комитеты, руководимые черносотенцем Гучковым, уговаривают рабочих прекратить стачки на время войны и вместе со всей контрреволюционной сволочью участвуют в травле большевиков-интернационалистов.

Серия вторая. Преступления социал-демократии *в 1917—1919 гг., когда в ряде стран началась революция.* Ко времени окончания империалистской войны, когда ярким пламенем стали разгораться пролетарские восстания в ряде стран, задача с.-д. вождей заключалась в том, чтобы, соединившись с контрреволюцией, какой угодно ценой подавить эти восстания. Так поступали уже в июле 1917 г. меньшевики и эсеры в России, которые дошли до такой подлости, что объявили Ленина «германским шпионом» и поставили его вне закона, которые в октябре 1917 г. вместе с царскими офицерами шли против рабочих (вождь эсеров Чернов отправился в ставку к черносотенному генералу Духонину, пытаясь вместе с ним повести войска против рабочих Петрограда), затем вместе с Колчаком боролись против советской власти и т. д. Так поступали вожди германской социал-демократии в 1918 г. и в начале 1919 г., когда они боролись против стачек, спасали корону Вильгельма, входили в министерство принца Макса Баденского, затем «усмиряли» восстания революционных матросов, затем под руководством Носке утопили в крови лучших рабочих Германии—спартаковское восстание,—подстроили убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург и т. д. Так поступали английские министры-«социалисты», полностью благословлявшие бес-

чинства империалистских башибузуков в Индии и других английских колониях, ездившие в революционную Россию, чтобы вместе с Керенским уговаривать русских солдат итти в наступление и продолжать империалистскую войну «до победного конца», одобрявшие интервенцию против Советского союза, благословлявшие Версальский мир и т. д. Так поступали вожди австрийской социал-демократии, одной из самых сильных партий II Интернационала, когда они разгоняли советы в Австрии в 1919 г., расстреливали солдат-коммунистов, напрягали последние силы, чтобы спасти буржуазное владычество в Австрии, которое было так близко к падению. Так поступали с.-д. вожди всюду и везде. И чем революционнее была общая ситуация, тем контрреволюционнее выступали господа социал-демократы. Чем сильней и многочисленней была с.-д. партия, тем, при прочих равных условиях, сильней оказывалась позиция буржуазии, тем более обильно лилась рабочая кровь.

Серия третья. Преступления социал-демократии *по отношению к Советской России и советским революциям в других странах.* Когда советская власть стала укрепляться в России, а затем стала побеждать в Финляндии, Венгрии, Баварии, задача с.-д. вождей сводилась к тому, чтобы помочь империалистским громилам во что бы то ни стало раздавить советы в этих странах. Известно, что *русские* отряды II Интернационала — меньшевики и эсеры — всеми силами срывали пролетарский переворот в России. В начале Февральской революции они поднесли власть, завоеванную рабочим классом, либеральной буржуазии. В июльские дни 1917 г. они уже расстреливали рабочих Петрограда и матросов Кронштадта. В августе 1917 г. эсеры и меньшевики фактически передали власть черносотенному генералу Корнилову, который впоследствии попытался их же задушить. В октябре 1917 г. эсеры и меньшевики дрались на стороне контрреволюции. В 1918—1921 гг. эсеры, а зачастую и меньшевики открыто участвовали в гражданской войне на стороне контрреволюции и являлись помощниками интервентов. Все это время заграничные друзья эсеров и меньшевиков вели самую бешеную травлю против советской власти, против Октябрьской революции. С-д. правительство Германии, возглавлявшееся Шейдеманом, в 1919 г. изгнало из Берлина посла Советской республики. Германская социал-демократия всеми силами помогала подавить советскую власть в Эстляндии, Латвии, Финляндии и на Украине. Когда германский империализм силою штыка навязал Советской России архиграбитель-

ский Брестский мир, германские с.-д. фактически поддерживали в этом «свое» правительство. Во время голода в России, вызванного войной и блокадой, с.-д. вожди всех стран вели бешеную агитацию против советского правительства, пытаясь убедить рабочих в том, что виновниками голода являются не империалисты, а советская власть. Когда в Англии, в 1924 г., впервые был у власти вождь II Интернационала Макдональд, он вел по отношению к СССР политику, подсказанную капиталистами, и он довел до разрыва, опираясь на гнусную фальшивку, изготовленную, как это теперь уже вполне доказано, русскими монархистами. В Германии и в Англии, во Франции и в Польше, во время переговоров в Генуе и во всей работе Лиги наций против СССР, в вопросе разоружения, как и в вопросе о кредитах, о советском «демпинге», в подготовке новой интервенции, всюду и везде с.-д. вожди постоянно и неизменно поддерживают буржуазию против СССР.

Серия четвертая. Преступления с.-д. вождей *в период так называемой «стабилизации» капитализма.* Когда с помощью с.-д. партий буржуазия в 1918—1920 гг. подавила начавшиеся рабочие восстания, перед капиталистами встал вопрос о том, чтобы как-нибудь укрепить свое хозяйственное положение, «стабилизировать» капитализм, положение которого так сильно поколебалось в связи с войной. Денежная стоимость войны выразилась в сумме около 670 млрд. золотых рублей. И вот теперь нужно было найти новые суммы, чтобы так или иначе покрыть эти потери, нужно было стабилизировать валюты, перевести часть военной промышленности на мирное положение, пополнить запасы и т. д. Нужно было приступить к капиталистической рационализации на фабриках и заводах. Побежденным капиталистическим странам нужно было платить дань капиталистам стран-победительниц. Главные тяготы войны господа капиталисты, разумеется, решили переложить на рабочих. И вот одно из самых чудовищных преступлений с.-д. партии заключается в том, что они помогли и помогают буржуазии и в этом деле. Мало того, что они помогли капиталистам бросать под жерла пушек сотни тысяч и миллионы рабочих во время самой войны, — они теперь помогли и помогают капиталистам возлагать все «издержки производства» за это истребление рабочих на самих же рабочих. Капиталистическая рационализация ложится главным образом на рабочих, на их жен, на их детей. Недоедание, безработица, неслыханно усиленное выжимание пота из рабочих, бесконечный нажим на их мускульную силу — вот на чем строится

капиталистическая рационализация. Задача с.-д. вождей заключается в том, чтобы все это прикрасить, припудрить, прикрыть «социалистическими» фразами, внушить рабочим, что это необходимо в их же собственных интересах.

Серия пятая. Преступления с.-д. вождей *в связи с подготовкой новых войн.* Внешняя политика современных с.-д. партий носит теперь откровенно буржуазный характер. С.-д. вожди теперь почти не скрывают, что их внешняя политика есть внешняя политика «своей» буржуазии. Ни один здравомыслящий человек не может сомневаться ни на одну минуту в том, что в случае новой войны с.-д. вожди выступят откровенными агентами буржуазии, только еще более озлобленными против пролетарской революции. События в связи с нападением контрреволюционного громилы Чан Кай-ши на СССР (конфликт вокруг КВЖД) показали еще раз, до чего подлы с.-д. вожди во всем мире. Русские меньшевики, германские социал-демократы, французские «социалисты», английские социал-империалисты — все они в один голос обвиняют Советский союз и оправдывают китайского Колчака. У всех у них только слюнки текут в ожидании — когда же наконец начнется настоящая война против СССР. Кто бы ни напал — лишь бы напали! Пусть это будут китайские черносотенные генералы, румынские бояре, польские помещики — все равно! Социал-демократия поддерживает во всем мире буржуазную армию и клевещет на нашу Красную армию. Едва ли найдется теперь хоть одна с.-д. партия, которая хотя бы в парламенте голосовала против военного бюджета буржуазии. Германская с.-д. партия летом 1929 г. на своем партейтаге в Магдебурге вновь провела тезисы о защите буржуазного «отечества» и постановила всеми силами содействовать созданию новой мощной армии и флота для возрождающегося германского империализма. Германская социал-демократия в 1931 г. вновь поддерживает строительство крейсеров. Самую гнусную провокаторскую работу подготовки будущей войны против СССР берут на себя с.-д. вожди. Буржуазия для того и пускает в свои министерства с.-д. вождей, для того и поощряет лидеров социал-фашизма, чтобы именно на них возлагать наиболее деликатные поручения, связанные с подготовкой войны против СССР.

Процессы над промпартией и русскими меньшевиками достаточно это доказали.

Если бы социал-демократия не перешла окончательно на сторону буржуазии, человечество в настоящий момент во всяком случае не стояло бы перед опасностью новых войн. Осво-

бождение человечества от ига капитализма возможно только в борьбе против контрреволюционной социал-демократии. Только через труп социал-фашизма мировой пролетариат перешагнет к социализму. «Мировая» социал-демократия есть последнее прибежище капитализма, залитого кровью, подводящего человечество к новым войнам. Натиск, который ведет Коминтерн на эти последние твердыни капитализма, увенчается успехом. В СССР, в стране Ленина, не должно остаться ни одного рабочего, ни одного крестьянина, ни одного подростка, ни одного ученика советской школы, который не понимал бы ясно, кто такие социал-демократы и как с ними нужно бороться.

XII. СОФИЗМЫ ИЗМЕННИКА.

Одной из важнейших задач, которую возложила на II Интернационал мировая буржуазия, является «идейная» подготовка новой войны или новых войн против СССР. Военные штабы империалистов подготовляют войну материально: усиление армии и флота, авиация, удушливые газы и т. д. Лига наций подготовляет это дело дипломатически: тайные и явные империалистские договоры, группировки и перегруппировки, втягивание в Лигу Германии, — словом, дипломатическое «окружение» СССР. На II Интернационал возложена задача оклеветания пролетарской диктатуры в СССР перед трудящимися массами — в особенности перед рабочими — в буржуазных государствах, создание «общественного мнения» против СССР, — словом, создание для буржуазии условий, благоприятствующих ее внутренней политике и в особенности ее внешней политике, направленной против СССР. Объективно это сейчас главное содержание «работы» II Интернационала.

Только под этим углом зрения можно понять назначение статьи секретаря II Интернационала, г. Фридриха Адлера, озаглавленной «Что сделал бы Ленин ныне, чтобы спасти русскую революцию»[1].

Вожди II Интернационала, видите ли, очень обеспокоены современным положением нашей революции, они не спят по ночам и думают только о том, как бы нам помочь. И вот Фридрих Адлер, один из наиболее горячих «друзей» русской революции, придумал программу «спасения» ее.

Фридрих Адлер задался следующим вопросом:

Если бы можно было сейчас (в 1929 г.) пробудить Ленина от его вечного сна; если бы Ленин смог подробно ознакомиться с картиной состояния мира в 1929 г., — то что сказал бы Ленин о политике большевиков и о своей собственной политике, примененной в 1917 г.?

---

[1] Статья помещена в центральном теоретическом органе австрийской социал-демократии «Кампф», февраль 1929 г.

Но так как Ленин умер, а Фридрих Адлер жив, то этот последний *берет на себя* труд ответить на указанный вопрос вместо Ленина. По мнению Адлера, Ленину прежде всего пришлось бы признать, что «как ни правильно оценил он соотношение сил в России, он в корне ошибся в оценке возможностей его политики в остальной Европе и в США. За большевистской революцией в России не последовала большевистская мировая революция. Кто в этом виноват — это *в данной* связи все равно. Факт остается фактом: Ленин ошибся в оценке тех факторов, которые «виноваты» в этом, — все равно, в чем бы эти факторы ни состояли»[1].

«Для всех с.-д., противников Ленина, да и для всех исторически мыслящих социалистов вообще теперь совершенно ясно и бесспорно, что рабочее движение всего мира в 1929 г. было бы гораздо сильнее, если бы большевистская диктатура в России не была провозглашена». Конечно, большевикам признать это не легко, им для этого нужно совершить над собою моральное усилие высшего порядка. «Пока на это способны лишь отдельные большевики (Адлер хочет сказать: ренегаты). Но если бы жив был Ленин, он первый это признал бы». «Ленин нашел бы в себе решимость подвести черту под истекшим десятилетием перманентных предсказываний мировой революции. Большевики ожидали, что революция придет через Венгрию, через Баварию, через Австрию, через Италию, через среднюю Германию, через Болгарию, через Румынию, через Англию, через Китай, — чтобы назвать только главные вехи их иллюзорных надежд, превратившихся реально в ужасающие поражения. Конечно, в нынешнем капиталистическом мире все время вновь повторяются такие события, с которыми можно опять и опять связать надежду на мировую революцию, но эта надежда теперь имеет не больше шансов на осуществление, чем надежда отчаявшегося человека разбогатеть, получив самый большой выигрыш в лотерее»[2].

Русская революция может себя спасти лишь в том случае, если она совершенно «безжалостно похоронит самые дорогие свои мечты» и сумеет сделать выводы из того факта, что «она больше не находится в наступлении, а находится в обороне».

«Задача ныне заключается уже не в том, чтобы из Советской России завоевать социализм для всего мира. Задача со-

---

[1] «Кампф», стр. 57.
[2] Там же, стр. 58.

стоит в том, чтобы воспрепятствовать превращению России в твердыню реакции. Так как ожидания Октября не исполнились, то нужно, по крайней мере, спасти Март»[1].

А для этой цели существует простое средство. Большевизм должен, видите ли, заключить «честный союз и соглашение с международной социал-демократией... Это означает честный отказ от всяких маневров, совместную работу с социалистами не только вне, но и внутри России над осуществлением указанной непосредственной задачи». У большевиков остается выбор: «Либо они, подобно Германии после поражения на Марне, не сумеют учесть поражения и будут итти старой дорогой дальше, вплоть до полной гибели; либо они поймут, что надо спасать то, что еще можно спасти»[2].

Эту «программу» принял бы Ленин, если бы он был жив! ..

«Ленин нашел бы в себе мужество признать, что таковы предпосылки спасения русской революции.

А что делают эпигоны? Они находят, что как раз теперь наступил момент для обострения борьбы против международной социал-демократии... «Кого боги хотят погубить, того они наказывают слепотой»[3].

Недурное истолкование Ленина! Кому же, впрочем, и толковать Ленина, как не... Фридриху Адлеру? Уж Адлеры «спасли» бы русскую революцию! Как жаль, в самом деле, что эта упрямая пролетарская революция не дается в руки «спасителям» из лагеря II Интернационала.

В рассуждениях почтенного секретаря II Интернационала прежде всего характерно то, что он не имеет ни малейшего желания останавливаться на вопросе о том — кто же, какие факторы виноваты в замедлении мировой революции? «Кто в этом виноват — это в данной связи все равно». Этой фразой хочет отделаться Фридрих Адлер. Но это ему не удастся. Следующий простейший пример пояснит дело. Представим себе, что рабочие одного предприятия решили провести стачку и надеялись при этом своим примером увлечь на стачку также и рабочих нескольких соседних предприятий. Но на этих соседних предприятиях сильными оказались штрейкбрехеры. Вместо того, чтобы присоединиться к своим бастующим братьям, штрейкбрехеры пошли на службу к капиталистам. Соединенными усилиями штрейкбрехеров и капиталистов стачка на со-

[1] Там же, стр. 59.
[2] Там же, стр. 59—60.
[3] Там же, стр. 60.

седних предприятиях была сорвана. После этого вожди штрейкбрехеров обращаются к вождю стачечников на том предприятии, где стачка была осуществлена и выиграна, и говорят ему: ты видишь, ты ошибся; может быть, ты правильно оценил соотношение сил на твоем предприятии, но ты совершенно ошибся в оценке соотношения сил на соседних предприятиях; стачка на этих последних предприятиях сорвана. «Кто в этом виноват — это в данной связи все равно», но твои надежды на расширение стачки не оправдались, и мы советуем тебе поэтому как можно скорей отказаться от завоеваний твоей стачки и итти на поклон к «своим» и «нашим» капиталистам.

Конечно, дело с борьбой за мировую революцию обстоит не так просто, как в нашем примере. Но в основном пример этот вполне годится. Не только в начале мировой войны, но и в ходе ее и в конце ее, когда империалистская война сменялась империалистским миром, не только в начале русской революции, но и в течение двенадцати лет, прошедших после этого, вожди с.-д. партий и профсоюзов употребляли все усилия, чтобы помочь буржуазии против рабочих, чтобы помочь империалистам против пролетарской революции. Они действовали как самые гнусные штрейкбрехеры. А когда эта предательская работа на некоторое время увенчалась «успехом», они приходят к пролетариям той единственной пока страны, где угнетенный класс скинул власть капиталистов и с напряжением последнего мускула ведет социалистическое строительство в буржуазном окружении, и подают им «добрый» совет: сдавайтесь, ибо... наша штрейкбрехерская работа пока увенчалась успехом.

В июле 1919 г. в городе Вене, на конференции рабочих советов Австрии, как раз тому же самому Фридриху Адлеру пришлось выступить с докладом под заглавием «Задачи рабочих советов и политическое положение». В этом докладе Ф. Адлер — это было более десяти лет тому назад — говорил:

«В возможности создания социалистической власти я никогда не сомневался, как не сомневались и те товарищи, которые считаются правыми в партии. Но перед серьезным, добросовестным представителем пролетарских интересов стоял не только этот вопрос — существует ли возможность овладеть властью; прежде всего стоял вопрос — в интересах ли пролетариата брать власть при данных определенных исторических условиях. Ведь дело не в том только, чтобы захватить власть, а главное в том, как долго будешь в состоянии ее удержать... Мы, социал-демократы, стояли на той точке зрения, что нам

было бы лучше, если бы мы в течение всего этого времени, а также и теперь, в этом прекрасном июле месяце, когда будет заключен мир, не принимали вообще никакого участия в правительстве... Мы полагали, что при настоящих обстоятельствах было бы всего лучше, если бы буржуазное правительство одно несло всю ответсвенность. Но в ноябре месяце, и даже еще позднее, буржуазия была в таком положении, что боялась власти, и сделала бы все на свете, только бы не брать на себя всю ответственность в этом государстве. Как только мы делали намеки на такую возможность, смертельный страх охватывал буржуазию»[1].

Признание Фридриха Адлера, что создание социалистической власти в 1919 г. в Австрии было вполне возможно, чрезвычайно ценно. Особенно ценно то, что, по мнению нынешнего секретаря II Интернационала, в этом не сомневались и правые социал-демократы (Ф. Адлер причислял себя тогда, да пожалуй и теперь причисляет, к «левым» социал-демократам). Это признание относится, конечно, не только к Австрии. Оно может быть целиком отнесено ко всем или почти ко всем европейским странам, втянутым в войну, за исключением, быть может, одной Англии.

Даже в Голландии, стране нейтральной, которая была меньше замешена в империалистской войне, революционное движение приняло такие размеры, что уже было приступлено к образованию советов. Трульстра, одна из важнейших фигур оппортунистической голландской социал-демократии, признал, что рабочие могли бы взять власть в свои руки. «Если бы, — писал в 1920 г. Ленин, — Интернационал не был в руках предателей, которые спасали в критический момент буржуазию, то много шансов было бы за то, что во многих воюющих странах непосредственно с окончанием войны, а также в некоторых нейтральных странах, где был вооружен народ, революция могла бы произойти быстро, и тогда исход был бы иным»[2].

Во всех воюющих европейских странах в 1918—1919 гг. положение было такое, что власть вполне могла быть завоевана рабочим классом — если бы не предательство социал-демократии. Это признание Фридриха Адлера мы запомним, оно пригодится нам в дальнейшем изложении.

Чрезвычайно ценно также заявление Фридриха Адлера

---

[1] «Венская рабочая газета», 1919 г., №№ 180, 181.

[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XVII, стр. 40.

о том, что в ноябре (дело идет о ноябре 1918 г., т. е. моменте начала германской и австрийской революций) буржуазия сделала бы все на свете, только бы не брать на одну себя ответственность в государстве. Да, зерно истины в этом заявлении есть! Во всех тех странах, где ярко разгоралось революционное пламя, где рабочий класс поднимался на серьезную борьбу и, горя негодованием и ненавистью против буржуазии, затеявшей империалистскую бойню, готовился как следует тряхнуть буржуазию, — эта последняя не хотела брать на одну себя ответственность и считала самым выгодным для спасения капитализма создание так называемых коалиционных министерств, «контактных комиссий», министерств «революционной демократии» и т. п.

Как только мы делали намеки на то, что предоставим буржуазии одной справляться с кипящим негодованием рабочим классом, одной нести ответственность в момент нарастания революции, «смертельный страх охватывал буржуазию», — сообщает нам Адлер.

То же самое десятки раз говорили русские меньшевики и эсеры в марте и апреле 1917 г. Да, был момент, когда и русская буржуазия боялась брать ответственность на одну себя. Львовы, Гучковы и Милюковы предпочитали в это время делить ответственность с Керенскими, Чхеидзе и Либерданами, которым буржуазия дала бы пинка, как только справилась бы с революционными рабочими. В ближайшие недели после июльского (1917 г.) поражения русских рабочих было показано достаточно наглядно, как бесцеремонно русская буржуазия стала расправляться с эсерами и меньшевиками, как только эти последние выполнили возложенную на них буржуазией черную работу против рабочих.

Что сделал бы капитализм с социал-демократами рабочими, если бы ему в самом деле удалось раздавить пролетарскую революцию в СССР — об этом нетрудно догадаться. То, что происходит сейчас в Италии, показалось бы детской игрушкой по сравнению с той расправой, которая ожидала бы в этом случае не только коммунистические партии, но и рабочую часть социал-демократических партий. Вожди социал-демократии даже в эмиграции (см. пример итальянских с.-д. вождей) продолжают служить «своей» буржуазии. Но рабочих социал-демократов ожидала бы в этом случае самая беспощадная расправа.

«Смертельный страх охватывал буржуазию». Из этого дурачки социал-патриоты делали тот вывод, что рабочие должны

во что бы то ни стало всучить всю власть именно буржуазии; а свои советы низвести до роли простой говорильни или, в лучшем случае, до роли парламента, устраивающего контактные комиссии с буржуазией. Буржуазия *в данный момент* не хочет брать на себя всю ответственность, видя, какая лавина надвигается на нее. Из этого изменники пролетарскому делу выводили то умозаключение, что власть необходимо подкинуть буржуазии, а рабочим доказывать, что они должны чураться создания социалистической власти, как огня.

Ф. Адлер делает потуги сослаться на то, что сказал бы Ленин в 1929 г. Но вот что *он сказал* в 1920 г.

Ленин в свое время ознакомился с только что процитированным докладом Ф. Адлера в Вене. И когда в 1920 г. Ленин набрасывал свои тезисы о диктатуре пролетариата, он вспомнил об этом докладе. Вспомнил и коротко охарактеризовал: *«софизмы изменника»*.

Этими двумя словами Ленин вполне достаточно охарактеризовал тогдашнюю позицию Адлера. Если Ф. Адлер этого не знал или если он сомневается, что это было именно так, мы отсылаем его к тому XXV нового издания сочинений Ленина. На стр. 11 этого тома он найдет ссылку на указанный нами доклад Адлера и вывод Ленина: *«софизмы изменника»*.

Вывод этот вполне годится для характеристики и нынешней позиции Ф. Адлера.

* * *

Мировая революция, — добродушно посмеивается г. Ф. Адлер, — должна была притти через Венгрию, Баварию, Австрию, Италию, Среднюю Германию, Болгарию, Румынию, Англию, Китай. И вот она не пришла. Во всех перечисленных Адлером странах большевики потерпели «ужасающее» поражение. Ну, а раз рабочие не победили, то какой же трезвенный мещанин откажет себе в удовольствии посмеяться над ними!..

Да, победа еще не одержана. Да, целый ряд величайших освободительных движений пролетариата в перечисленных Адлером странах не привел непосредственно к победе. Да, борьба предстоит еще длительная, упорная, тяжелая. Но Адлер перечислил эти страны на свою же голову. Попробуем, в самом деле, хотя бы только в нескольких словах вспомнить обстановку борьбы в перечисленных Адлером странах, вспомнить, *по чьей же вине* рабочие этих стран потерпели там «ужасающее» поражение.

Конечно, Ф. Адлер предпочел бы поговорить о чем-либо другом. «Кто в этом виноват — это в данной связи все равно», — пытается заметить Ф. Адлер. Нет, извините! «Все равно» *для вас,* которые считают, что мировая революция погибла «навсегда», что надеяться теперь на революционные победы рабочих — это все равно, что надеяться на большой выигрыш в лотерее. Но для борющихся рабочих, для нашего класса, который знает, что новые битвы не за горами, далеко не все равно, кто именно, какие именно силы содействовали его поражению в недавних боях. С пошлым самодовольством мелкого буржуа, который держится за фалды крупного буржуа, Ф. Адлер говорит о том, что надежды на новую революцию — это то же самое, что надежды на самый большой выигрыш в лотерее, что это есть «простая иллюзия, фата-моргана» [1].

Выигрыш в лотерее — говорите вы? Замечательное сравнение, что и говорить! Оно сразу выдает контрреволюционного мещанина. Ну, а вы на что надеетесь, господа социал-демократические мещане? На доброе благорасположение империалистов?..

Именно потому, что для нашего класса грядущая победа пролетарской революции отнюдь не есть «фата-моргана», мы остановимся, с позволения Фридриха Адлера, на тех девяти странах, которые он сам назвал.

Венгрия. Потрудитесь вспомнить, г. Адлер, какую роль сыграла венгерская социал-демократия. Она присоединилась к коммунистам, ставшим во главе пролетарской диктатуры, для того, чтобы назавтра подло предать и эту диктатуру и коммунистическую партию. Когда палачи венгерской коммуны скинули власть в Будапеште, они на время поставили правительство социал-демократа Пайделя. Конечно, это правительство послужило только ступенькой для палачей типа Хорти. А ваша собственная партия в Вене, тысячами нитей связанная с Будапештом, что делала она, когда венгерский рабочий класс, обливаясь кровью, защищал власть трудящихся? Она умывала руки, подобно Понтию Пилату, она на деле помогала душить революционное движение венгерских рабочих.

Бавария. Вопреки всем усилиям контрреволюционной социал-демократии, рабочие в тягчайшей обстановке завоевали власть в Баварии. А как повела себя «имперская» социал-демократия в этот момент? То, чего не смогла сделать гер-

[1] «Кампф», 1929, стр. 58.

манская буржуазия, сделала германская социал-демократия. Она нанесла удар в спину баварским пролетариям, она помогла потопить в крови рабочих советскую власть в Баварии.

Австрия. О ней Ф. Адлер в июле 1919 г. сам неосторожно сказал, что социалистическая власть могла бы быть там создана, но до этого не допустила с.-д. партия. В книгах Отто Бауэра, посвященных истории австрийской революции, можно найти десятки страниц похвальбы как раз по поводу того, как австрийская с.-д. партия душила революцию австрийских рабочих[1]. Да нечего далеко ходить! Всем достаточно памятно, какую иудину роль сыграла австрийская социал-демократия в 1927 г. во время восстания венского пролетариата.

Италия. Эта страна была в 1920 г. всего ближе к победе пролетарской революции. Всем памятно прекрасное движение итальянских пролетариев, приступивших к «самочинному» захвату фабрик и заводов. Кто в эту решающую минуту ударил в спину итальянским рабочим? Кто выручил буржуазию в этот решающий момент? Итальянские социал-демократы—и прежде всего вожди реформистских профсоюзов, — все эти Турати, Дарагона, Модильяни. Вот кто спас итальянскую буржуазию, вот кто открыл ворота итальянскому фашизму! Это не мешает, конечно, теперь итальянскому фашизму изгонять за пределы Италии даже таких людей, как Турати и К°.

Средняя Германия. О контрреволюционной роли германской социал-демократии, о событиях 1918—1919 гг. сказано и написано так много — и в особенности Лениным, на которого пробует теперь сослаться Ф. Адлер, — что мы можем здесь подробно не распространяться. Чем сильнее официальная социал-демократия, чем многочисленнее реформистские профсоюзы, тем — при прочих равных условиях — хуже для революционной борьбы рабочего класса, тем легче контрреволюционной буржуазии справиться с революционным пролетариатом. На примере германской социал-демократии этот закон подтвердился вполне. Здесь задача социал-демократии сначала заключалась в том, чтобы не допустить до революции. Этого сделать Шейдеманам и Эбертам не удалось. Революция произошла, реальная власть стала переходить в руки рабочих и солдатских советов. Тогда перед Шейдеманами и Эбертами встала задача более сложная: вырвать из рук рабочих уже переходящую к ним власть, дезорганизовать советы изнутри,

---

[1] Сравн. нашу статью «Буржуазные рабочие партии в балансе сил империализма», «Большевик», 1928, № 11.

возглавить, чтобы обезглавить». Как ни трудна была эта задача, но Носке и Эберт с ней справились. Что при этом «пришлось» перебить десятки тысяч лучших революционных рабочих Германии, выстрелами в спину умертвить героя пролетарской революции, Карла Либкнехта, зверски растерзать, а затем бросить в канаву тело Розы Люксенбург, — это уже только «подробности». О них, вероятно, тоже неохотно вспоминает «левый» Ф. Адлер, который когда-то был даже в близких отношениях с Карлом Либкнехтом и учился у Розы Люксембург.

Болгария. Даже II Интернационал был несколько шокирован той чрезмерно откровенной палаческой ролью, которую взяли на себя болгарские социал-демократы во время восстания болгарских рабочих и крестьян в 1923 г. Эти, с позволения сказать, социал-демократы чуть ли не буквально намыливали веревку, когда фашисты Цанков и К° вешали побежденных болгарских пролетариев; чуть ли не буквально держали они стремя у ног болгарских генералов Галифэ, когда эти последние отправлялись на расстрел болгарских рабочих.

Румыния. Роль румынских социал-демократов немногим лучше, нежели роль болгарских социал-демократов. Когда на съезде объединенных профсоюзов Румынии социал-демократам нехватает голосов против сторонников красных профсоюзов, тогда они зовут полицию, и та непринужденно арестовывает нужное количество революционных делегатов, обеспечивая «большинство» социал-демократам. Когда в Бессарабии нужно установить особенно зверский режим тюрем и виселиц, то певцами этого режима выступают румынские социал-демократы. Когда нужно было душить Венгерскую советскую республику, румынские социал-демократы играли в этом деле не последнюю роль.

Англия. Английская рабочая партия является теперь одной из важнейших партий II Интернационала. Два раза уже Макдональд приходит к власти. И кто же не видит теперь, что, придя к власти, Макдональд и К° душат Индию нисколько не меньше, чем английские консерваторы? Да, Макдональд и К° сами заранее говорили, что, придя к власти, они поведут ту же иностранную политику, что и английская буржуазия. И в *этом* им можно поверить. Кто помнит подвиги этих, с позволения сказать, «социалистов» в эпоху «черной пятницы», в эпоху всеобщей забастовки в Англии, тот не усомнится в этом. Кто другой мог столь гнусно зарезать, столь подло загубить такое великолепное пролетарское движение, каким была всеобщая

забастовка в Англии в 1926 г.? Кто, кроме рабочей партии Англии? Кто за последнее десятилетие угрожал революционным движениям на европейском континенте, да и во всем мире, больше, чем английский империализм? А кто помогал в этом английским империалистам больше, чем Гендерсоны, Макдональды, Томасы и К° — все ближайшие товарищи Ф. Адлера? Кто является более злостным и более опасным врагом СССР, как не империалистская Англия? А кто помогает в этом английскому империализму, как не вожди английской рабочей партии, члены того Интернационала, который, по мнению Ф. Адлера, хочет «спасать» русскую революцию!..

Китай. Уж лучше бы этой страны не вспоминал вовсе г. Адлер! Есть же предел любому бесстыдству. Разве вожди социал-демократии не несут ответственность за кровь мучеников и героев китайской революции, за гибель тех тысяч и десятков тысяч китайских пролетариев, которых замучили палачи китайской революции, поддержанные и вдохновленные английским и французским империализмом? Что сделали с.-д. партии Англии, Франции и других стран, чтобы остановить преступную руку их правительств, чтобы оказать хоть малейшую помощь китайским рабочим? Наоборот, они сделали все, чтобы поощрить империалистов на их злодейские подвиги.

Так обстояло дело в тех странах, которые упомянуты Ф. Адлером в его статье. К этому можно было бы прибавить еще несколько других стран. Достаточно назвать Польшу. Быть может, Адлер вспомнит, какую роль играет ППС в Польше? А ведь эта партия одна из важнейших партий II Интернационала! Достаточно, наконец, вспомнить Россию — ту страну, которую ныне хочет «спасать» Ф. Адлер. Каждая пядь взята русской пролетарской революцией в борьбе не только против буржуазии, но и против «мировой» и внутренней социал-демократии. Почти во всех «передовых» капиталистических странах современная социал-демократия является застрельщицей в борьбе против СССР. Науськивания против страны пролетарской диктатуры являются главной специальностью современных вождей социал-демократии.

Все это стало в такой мере «бытовым явлением», что люди уж даже перестали удивляться. Мы не говорим уже о том периоде, когда пролетариат России бился с буржуазией за власть. Достаточно известно, какова в этих битвах была роль русских эсеров и меньшевиков. Достаточно напомнить июньское 1917 г. наступление на фронте, предпринятое по приказу англо-французских империалистов и стоившее жизни десяткам тысяч рус-

ских рабочих и крестьян. Достаточно вспомнить июльские 1917 г. зверства против петроградских и кронштадтских рабочих и матросов, объявление Ленина германским шпионом и т. п. Историческая ответственность за эти преступления лежит целиком на русских меньшевиках и эсерах. Достаточно напомнить роль Альберта Тома и Вандервельде в России в 1917 г.

Но все эти преступления бледнеют перед той низкой кампанией, которую вся «мировая» социал-демократия ведет против пролетариата СССР в течение последних 13 лет, когда наш пролетариат, окруженный империалистскими хищниками со всех сторон, в труднейшей обстановке отбивается от врагов и строит социализм, беря каждый вершок с бою.

Пример русской революции показал всякому, кто имеет глаза, чтобы видеть, — как неисчерпаемы силы пролетарской диктатуры даже в стране с не столь многочисленным рабочим классом, даже в стране отсталой и не получившей пока государственной помощи победоносного пролетариата из других стран. Пролетарская революция в России отстояла себя не только вопреки, но и прямо против «мировой» социал-демократии. Но если представить себе на минуту, что мировая социал-демократия, вместо того чтобы ставить препятствия русской революции, действительно помогает ей, — успехи пролетариата СССР в этом случае, конечно, были бы значительно больше.

Представим себе на минуту, как выглядела бы картина мира, если бы — сделаем это совершенно невероятное предположение! — мировая социал-демократия во время войны и к моменту окончания войны не перешла на сторону «своей» буржуазии, а поддержала бы борьбу рабочего класса за власть, как это торжественно было обещано Базельским манифестом и рядом других важнейших документов II Интернационала. В России власть была взята и осталась в руках рабочего класса. В Баварии, в Венгрии, в Финляндии она находилась уже в руках рабочего класса и была вырвана у него при помощи социал-демократии. В Германии, Австрии, Италии, на Балканах рабочий класс получал эту власть и мог получить ее прочно. Течение революции в Китае приняло бы, несомненно, другой оборот, да и все национально-освободительное движение на Востоке развивалось бы куда быстрее. Восстановление хозяйства, разоренного войной, пошло бы не по путям капиталистической рационализации, не за счет крови и мускулов рабочих, а по путям рационализации социалистической. Хозяйственное строительство в СССР, получив прямую техниче-

скую помощь от пролетариата более передовых стран, также пошло бы быстрее.

«Если говорить о цветущей крупной промышленности, способной сразу всеми потребными продуктами удовлетворить крестьянство, то это условие на лицо; если взять вопрос в мировом масштабе, такая цветущая крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми продуктами, имеется на земле, но только ее не умеют пускать в ход иначе, как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 годах[1]. Так говорил Ленин в докладе на IX Всероссийском съезде советов.

Человечество не стояло бы теперь вновь перед опасностью еще более кровопролитных империалистских войн. Человечество не ухлопывало бы по милости империалистов миллиарды и десятки миллиардов рублей на дело вооружения; развитие производительных сил было бы двинуто вперед семимильными шагами...

Но контрреволюционная «мировая» социал-демократия поддержала свою буржуазию. Дело пошло по-иному — конечно, только на время. «Победы» буржуазии настолько вскружили голову ее лакеям социал-демократам, что эти последние всерьез вообразили, будто мировая революция снята с очереди вообще.

Отсрочить на десяток-другой лет победу мировой революции — это социал-демократия в союзе с империализмом могла сделать. Дорогой ценой заплатил и заплатит за это пролетариат. Но уроки не прошли даром. Рабочему классу вовсе не «все равно», кто виновник того, что забрызганный кровью империализм просуществует еще лишний десяток лет. Этот виновник — вы, господа социал-демократы!

* * *

Как пошло бы развитие, если бы пролетариат в октябре 1917 г. не победил в России и не учредил свою диктатуру? Господин Ф. Адлер утверждает, что мировое рабочее движение в этом случае пошло бы куда дальше вперед.

Если бы в октябре 1917 г. в России не победила пролетарская диктатура, то в ней через сравнительно короткое время победил бы, вероятнее всего, фашизм. Закон развития всякой буржуазно-демократической революции заключается в том, что если она не развивается дальше, не идет вперед, не пере-

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 433—434.

растает в революцию социалистическую, то она идет назад, переживает регресс, катится под уклон и вновь передает власть более узкому кругу привилегированных классов. А если все это происходит на фоне мировой войны, отчаянной хозяйственной разрухи, тяжелых внешних поражений, в окружении империалистских стран, то буржуазно-демократическая революция, не ушедшая вперед по пути к социализму, легко может пойти назад по пути к фашизму. Это было бы неизбежно и с Россией. Большевизм вырвал Россию из огненного кольца империалистской войны. Если бы пролетарская революция не победила в России, то всего вероятнее, что Россия вела бы уже через короткое время новые войны, — конечно, под командой буржуазно-помещичьих офицеров. Да ведь в июне и в июле 1917 г. революционной России, находившейся еще под властью буржуазной демократии, пришлось уже вести вторую войну исключительно ради интересов европейского империализма? Если бы Россия стала фашистской, то это при прежней исторической традиции России означало бы, что на целый исторический период эта страна остается международным жандармом — теперь уже по отношению к пролетарским движениям в Европе и к национально-освободительным движениям во всем мире. Всякая Россия, кроме большевистской, должна была бы платить внешние долги, т. е. закабалить народы России на целое десятилетие империалистам.

Если бы в России в октябре 1917 г. не победила большевистская революция, то через сравнительно короткое время в ней победила бы корниловская или деникинская контрреволюция. Это значит, что мировая война затянулась бы еще бы больше. Нет никакого сомнения в том, что революционный вихрь, пронесшийся почти по всей Центральной Европе, усилился благодаря победе Октябрьской революции в России.

Возможно, что германская и австро-венгерская монархии слетели бы и без Октябрьской революции в России, но Октябрьская революция сделала свержение этих монархий неизбежным. Даже страдающий куриной слепотой Ф. Адлер не мог не заметить, что наличие большевистской России заставило буржуазию в ряде стран «быть поосторожнее с контрреволюционными экспериментами». «Антидемократическая Советская Россия, таким образом, оказалась — хотела она этого или нет — союзником европейских рабочих, борющихся за демократию»[1]. Формулировка неверная и просто глупая! Со-

[1] «Кампф», 1929 г., февраль, стр. 59.

ветская Россия не антидемократическая, а самая демократическая в мире страна, если говорить о подлинной демократии для трудящихся. Но что само существование Советской России оказывало давление на буржуазные страны, затрудняло им переход к фашизму и принуждало сохранять кое-какие остатки демократических завоеваний, вырванных рабочими в годы революционного подъема — это бесспорно.

Однако Адлер и тут не свел концов с концами. Единым духом он тут же утверждает, что если бы не большевистская революция, буржуазия была бы добрее, демократичнее, она не делала бы «уступок» фашизму.

Большевизм, видите ли, «ослабил сопротивление, оказываемое буржуазией фашизму». Одно это замечание выдает *меньшевистские* уши Ф. Адлера. Уже сразу после 1905 г. русские меньшевики стали обвинять большевиков в том, что под их руководством пролетариат «отпугивает буржуазию» и «ослабляет сопротивление», оказываемое буржуазией «реакции». Господину Адлеру, повидимому, и невдомек, что буржуазия и фашизм вовсе не противоречащие друг другу понятия, что фашистский режим есть только *разновидность* буржуазной диктатуры, что сама контрреволюционная социал-демократия переплетается тысячами нитей с тем же фашизмом...

Господин Адлер предлагает русской революции понять и признать, что она находится «не в наступлении, а в обороне». Ленинизм ставит и этот вопрос диалектически. Русской революции пришлось пройти через Брест, а затем ее международное положение упрочилось во много раз. Но империализм еще силен. Империализм готовит новую интервенцию. Империалисты всех стран неустанно работают над «окружением» СССР, над созданием хотя бы на короткое время единого фронта против пролетарского государства, — словом над подготовкой новой войны против СССР. Пролетарское государство одно до конца и последовательно борется за мир. Оно против войны, ибо знает, каких жертв потребует война при любом ее течении, ибо знает, что война прервет социалистическое строительство в СССР. Если империалисты навяжут СССР новую войну, то, конечно, для нас, для пролетарского государства, эта война будет справедливой, оборонительной войной, что вовсе не исключает наступательной стратегии наших Красных армий, если только дело до войны дойдет. Это будет единственно справедливая война рабочего класса, защищающего свое социалистическое отечество — отечество пролетариев всех стран против отживающего класса, против империа-

листских хищников. В *этом* смысле наша революция «в дефензиве». И в то же время наш класс наступает, борясь за социализм, тесня капитализм, а наш СССР одним фактом своего существования является величайшей угрозой капиталистическому владычеству.

В исторической перспективе — в самой ближайшей исторической перспективе — наш класс есть класс восходящий, а буржуазия есть класс нисходящий, международный пролетариат *наступает* и идет к власти. Пролетарская революция есть сила наступающая, ей принадлежит будущее, а буржуазный строй переживает свой закат — это сила прошлого. Притягательная сила пролетарской диктатуры в СССР громадна. Влияние большевистской революции в СССР на сотни миллионов угнетенных народов Востока огромно. И то же относится к трудящимся массам капиталистических стран. Ведь даже Ф. Адлер в разбираемой статье вынужден признать, что «психологическое влияние русской революции имело и прогрессивное значение» для рабочего класса всего мира.

«Волна надежд, которая охватила большие массы прежде индиферентных или скептически настроенных рабочих, открыла социалистической пропаганде большие возможности . . . Советская революция не является очагом социализма. Она не является образцом того, чего мы должны ждать от господства рабочего класса; но несмотря на это, советская революция больше чем какое бы то ни было событие до нее заставила весь мир — буржуазию, как и пролетариев — занять позицию в вопросе об устранении капиталистической системы. Для сотен тысяч людей большевистская диктатура была толчком к тому, чтобы в первый раз в жизни задуматься над вопросом о социализме и воспринять его не как отвлеченную теорию или фантастическую сказку, а как реальную возможность» [1].

Понимает ли Ф. Адлер, что он *признал* в этих словах? Понимает ли он, что такие слова в устах злейшего противника большевизма являются невольной данью признания?

Если бы пролетарская диктатура в России действительно выдохлась и потеряла свое «пропагандистское» значение, свою притягательную силу, если бы она перестала быть надеждой для сотен тысяч и миллионов угнетенных, — словом, если бы она потеряла свой наступательный характер в том смысле, как думает Ф. Адлер, — тогда мировая буржуазия не щелкала бы зубами против нее и тогда, скажем по секрету для г. Адлера,

---

[1] *Адлер,* стр. 58.

он сам и весь его II Интернационал не ходили бы на цыпочках вокруг да около проблемы русской революции.

Да, мировая революция развивается медленнее, чем этого ожидали большевики, в том числе и Ленин. Да, в 1917 и отчасти в 1918 гг. мы все ожидали более быстрого развития событий, чем получилось на деле. Ф. Адлер великодушно признает за большевиками «право на ошибку», но ошибкой он считает не вопрос о сроках победы международной революции, а всю Октябрьскую революцию, большевистскую установку на революцию мировую. В конце 1917 и в течение почти всего 1918 г. пролетарские революционеры имели все основания думать, что ход мировой революции действительно будет очень быстрым Вся обстановка во всех перечисленных самим Адлером девяти странах, да и в ряде других стран, к концу империалистской войны, когда буржуазия готовилась состояние империалистской войны заменить состоянием империалистского мира, была такова, что от субъективного фактора, от организованных усилий пролетариев данных стран зависела непосредственная победа. Буржуазия *в союзе с социал-демократией,* именно в этом союзе — без этого союза буржуазия не справилась бы со своей задачей — оказалась достаточно сильна, чтобы отсрочить свою гибель на небольшой отрезок времени. Но если бы пролетарская диктатура не победила в России в октябре 1917 г., этот исторический отрезок времени был бы, вероятно, в несколько раз длинней.

Уже в ноябре 1919 г. Ленин в одной из своих самых замечательных и вдохновенных речей, на съезде коммунистических организаций народов Востока, говорил прямо, что «*мировая революция, судя по началу, будет продолжаться много лет и стоит много трудов*» (курсив наш — *Г. З.*). Это говорилось в обстановке еще достаточно быстрых побед революции в 1919 г. «Выясняется вполне,—говорил Ленин в той же речи,— что социалистическая революция, которая надвигается для всего мира, никоим образом не будет состоять только в победе пролератиата в каждой стране над своей буржуазией... Социалистическая революция не будет только — и главным образом — борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии; нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма».

Ленин и его партия знали, что революция, победившая в данной стране, обязана сделать все возможное для того, чтобы помочь победе пролетарской революции в других стра-

нах, во всем мире. Но они прекрасно отдавали себе отчет в том, что может и чего не может сделать пролетарская революция данной страны.

«Само собой понятно, что окончательно может победить пролетариат только всех передовых стран вместе, а мы, русские, начинаем то дело, которое закрепит позднее немецкий, французский или английский пролетариат; но мы видим, что они не победят без помощи трудящихся масс угнетенных колониальных народов, и в первую голову народов Востока. Мы должны себе дать отчет, что один авангард не может осуществить перехода к коммунизму»[1].

Уже «судя по началу», Ленин говорил, что мировая революция будет продолжаться много лет и стоить много трудов. И так как это теперь подтверждается, то Ф. Адлер предлагает нам присоединиться к... мировой *контрреволюции*. Это, видите, будет и легче и короче.

Поищите охотников во II Интернационале, г. Адлер!..

* * *

Но вернемся к «спасению» русской революции, предлагаемому Ф. Адлером.

Каковы условия, которые выдвигают новоявленные «спасители»? О, эти условия очень скромны.

1. Вернитесь от Октября к Марту, т. е. от Октябрьской революции к Мартовской (февральской — по старому стилю), т. е. от пролетарского переворота к буржуазному.

«Март» это значит нечто вроде правительства князя Львова или Гучкова с Милюковым или, в лучшем случае, Керенским. Март — это значит — верните фабрики и заводы капиталистам. Март — это значит — признайте долги, сделанные царем и буржуазными правительствами до Октября. Март — это, пожалуй, значит — также восстановите старые тайные договоры с империалистами или заключите новые. Март — это значит — восстановите частную собственность на землю. Март — это значит, конечно, свобода слова, свобода печати для буржуазии, но не для рабочих.

2. Прекращение «братоубийственной» войны во всех странах с социал-демократией; сотрудничество с меньшевиками и эсерами в России, — другими словами, уничтожение Коминтерна.

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVI, стр. 388—390.

3. «Честное присоединение к действительно последовательной политике мира». Конкретно под этим, вероятно, понимается присоединение к политике Лиги наций, ибо, как известно, II Интернационал теперь открыто возложил свои основные надежды на Лигу наций и на своем последнем конгрессе в Брюсселе открыто провозгласил это на весь мир.

В сумме получается: 1) восстановление частной собственности, 2) передача власти буржуазии, буржуазной демократии, 3) передача дела мира в руки Лиги наций и 4) уничтожение Коминтерна.

Что же, программа недурна! Жаль только, что она чуть ли не слово в слово похожа на требования, выдвигаемые по отношению к СССР всем империалистским лагерем — в первую очередь английским империализмом. Умный Адлер и не заметил, что он говорит буржуазной прозой. Не всякий вождь социал-демократии высказался бы так откровенно, как Ф. Адлер. Но то, что у многих из них на уме, оказалось у Ф. Адлера на языке.

Когда мы, большевики, говорим вождям социал-демократии, что они на деле являются орудием империализма, в частности и в особенности англо-американского империализма, — некоторые из них чувствуют себя искренно оскорбленными и воображают, что злые большевики говорят это только потому, что они настроены очень полемически. Но вот вам живой пример. Ф. Адлер наверняка принадлежит к числу наиболее «честных», добрых и благонамеренных вождей социал-демократии и, во всяком случае, не к числу самых правых социал-демократов. Мы на минуту допускаем, что он даже вполне искренно возомнил, что «спасает» русскую революцию. Но если из его программной статьи вышелушить ее *реальное* содержание, то ведь факт, что она слово в слово отвечает той программе, которую против СССР выдвигает империалистский лагерь, в частности англо-американские империалисты.

Ф. Адлер — возразят нам — делает эти предложения совершенно искренне и, во всяком случае, совершенно бескорыстно. Охотно допускаем! Но делает-то он то, что нужно мировой буржуазии. Работает-то он на империалистов, быть может, сам того не замечая. Ф. Адлер чувствует себя «спасителем» русской революции. Избави нас Маркс и Ленин от таких «спасителей» и друзей, а с врагами мы и сами справимся, — может сказать им в ответ русская революция.

II Интернационал приходит «спасать» русскую революцию. Нынешнюю стадию пролетарской революции в СССР эти го-

спода сравнивают с положением в Германии после битвы на Марне. Вы очень хотели бы, чтобы это было так, господа социал-демократы! Но наша «Марна» вам только приснилась. А вот вы, как социалисты, давно уже пережили свой Седан. Буржуазный плен стал для вас так сладок, что вы даже не чувствуете, что находитесь в плену.

Буржуазный мир и его идеологи испытали против пролетарской диктатуры в СССР все, что только могли, начиная от прямой войны и кончая попытками мирного «проникновения» и «обволакивания». Чтобы внести замешательство в ряды рабочих, буржуазия и ее идеологи из месяца в месяц кричат о «катастрофе» советской власти, о «банкротстве социализма», о «крахе Октября» и т. п. Быть может, хоть этим путем им удастся внести деморализацию или колебание в ряды пролетариата СССР. С точки зрения буржуазии это законный прием борьбы. Но когда под видом дружбы и симпатий к пролетариату СССР люди, называющие себя социалистами, кричат о нашем «поражении на Марне», вопят «спасайте то, что еще можно спасти от русской революции», и «дружески» предлагают свои услуги могильщиков пролетарской диктатуры, — то ничего, кроме презрительной усмешки, они не вызовут в рабочем классе СССР.

Пролетарская революция в крестьянской стране в буржуазном окружении, в «окружении» гнусной контрреволюционной социал-демократии, служащей верную службу буржуазии, конечно, проходит через серьезные трудности. Рабочий класс СССР поднимает на своих плечах громадную тяжесть. А все-таки власть буржуазии мы свергли; а все-таки все атаки ваших капиталистических хозяев, господа социал-демократы, мы отбиваем тринадцать лет — и до сих пор небезуспешно; а все-таки мы справились с такими гигантскими трудностями, которые не снились еще ни одной революции; а все-таки пятилетку в четыре года мы осуществляем и в период социализма вошли; а все-таки ни одно правительство в мире не имеет за собой такой поддержки миллионов и десятков миллионов трудящихся, как наше; а все-таки ни одна партия в течение всей мировой истории не имела еще таких успехов, как партия Ленина; а все-таки социализм мы строим и построим.

Попытки ваши и ваших хозяев запугать пролетариат СССР трудностями, криками о катастрофе и о Марне и тому подобными угрозами не собьют с дороги того класса, который сумел пройти ту дорогу, которую он с 1917 г. прошел. Дело Октября незыблемо.

* * *

«Социал-демократические рабочие всех стран всегда рассматривали защиту Советской России против капиталистической интервенции как нечто само собою разумеющееся. Но готовность их притти на помощь терпит громадный ущерб, поскольку большевики обращаются с с.-д. рабочими, как с врагами» — пишет Ф. Адлер (стр. 59—60).

Врите, да знайте же меру, г. Адлер! Это *вы* обращаетесь с с.-д. *рабочими,* как с врагами! Это *вы* предаете их коренные интересы каждый день, и *ваши* товарищи торгуют голосами рабочих в пользу буржуазии в Америке, Англии и других странах. Это *вы* и ваши коллеги загоняете, загоняли и будете загонять сотни тысяч рабочих в империалистские тюрьмы, заставляли и будете заставлять миллионы рабочих стрелять друг в друга во славу империалистских прибылей и империалистского грабежа. Это *вы* и ваши коллеги предавали всеобщую стачку в Англии, восстание рабочих в Вене, экономическую борьбу рабочих на Руре. Это *вы* и ваши товарищи «сращиваетесь» с буржуазным государством, с его органами, с организациями предпринимателей, с буржуазными судами. Это *вы* и ваши товарищи предаете интересы безработных.

Большевики никогда не трактовали с.-д. рабочих, как *своих* врагов. Они всегда смотрели и смотрят на них, как на братьев по классу, которых через предательских вождей использует в своих интересах буржуазия. Ваших Носке, Шейдеманов, Бонкуров, Вандервельде, Томасов, Макдональдов, Грюнов и К° — да, их мы считаем врагами, *но не с.-д. рабочих,* еще идущих за этими вождями. С.-д. рабочие, — говорите вы, — считают своей само собою разумеющейся обязанностью защищать Советскую Россию против капиталистической интервенции. Это верно! В борьбе против войны мы скорее всего найдем общий язык с с.-д. рабочими. Но одним из самых опаснейших *факторов войны являетесь вы,* господа вожди II Интернационала!

Но что сказал бы, в самом деле, Ленин в 1929 г. на пылкую декларацию Ф. Адлера? Ф. Адлер почему-то выражает надежду на то, что в 1929 г. Ленин пожалел бы о расколе с социалдемократией. Но ведь всем известно, что живой Ленин жалел как раз об обратном, что еще в письме к германским коммунистам, писанном в самые последние годы его жизни, Ленин определенно указал на то, что поражение рабочих восстаний в Германии связано как раз с *запозданием* раскола социалдемократии. Дальнейшая роль социал-демократии, в особенно-

сти в самые последние годы, когда она взяла на себя прямую роль подготовительницы войны против СССР, конечно, могла бы только укрепить Ленина в этом мнении. В 1919 г. Ленин, прочитав Ф. Адлера, написал: «софизмы изменника». В 1929 г. он написал бы: трижды софизмы трижды изменника.

Да, Ленин был великим реалистом — не в пошленьком, деляческом, а в марксовском смысле этого слова. Ленин не был утопистом. Но именно Ленину принадлежит следующее замечание о социалистах-утопистах.

«Надо помнить, — писал Ленин после первой революции в России — замечательное изречение Энгельса: «ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной во всемирно-историческом смысле». Энгельс высказал это глубокое положение по поводу утопического социализма: этот социализм был «ложен» в формально-экономическом смысле. Этот социализм был «ложен», когда объявлял прибавочную стоимость *несправедливостью* с точки зрения законов обмена. Против этого социализма были правы в формально-экономическом смысле теоретики буржуазной политической экономии, ибо из законов обмена прибавочная стоимость вытекает вполне «естественно», вполне «справедливо». Но утопический социализм был *прав* во всемирно-историческом смысле, ибо он был симптомом, выразителем, предвестником того класса, который, порождаемый капитализмом, вырос теперь, к началу XX в., в массовую силу, способную положить конец, предел капитализму и неудержимо идущую к этому» [1].

Поучитесь, г. Адлер, у Ленина, вдумайтесь в это положение Энгельса, поясненное Лениным! Эти слова касаются действительно утопического социализма. А то, что мы имеем сейчас в СССР, есть не утопия, а действительность. Зарубите себе это на носу. Тринадцать лет стоит у власти пролетариат в стране, обнимающей шестую часть земной суши, тринадцать лет ему угрожают со всех сторон капиталисты, вооруженные до зубов и располагающие материальной силой, большей, чем имеем мы. Тринадцать лет социал-демократия, превратившаяся в буржуазную рабочую партию, напрягает все силы, чтобы внести сомнения, колебания, разлад в ряды нашего рабочего класса. Она так напрягает силы в этом «благородном» деле, что того и гляди с натуги лопнет. В течение этих тринадцати лет рабочий класс СССР выдержал ряд войн, блокаду, голод, разруху, болезни и миллионы других несчастий. Трудности,

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. XX, ч. 1, стр. 359—360.

стоящие перед рабочим классом СССР, необъятны. Мировая победа рабочего класса трудна. Революция пролетариата будет продолжаться много лет и стоить много трудов. Ряд тяжких частичных поражений предшествует победе мировой революции в разных странах. Рабочему классу СССР бесспорно не миновать новых нажимов со стороны залитого кровью империализма.

И все-таки СССР прочен, как скала. И все-таки рабочий класс СССР, которым много лет руководил непосредственно Ленин, а теперь руководит ленинская партия во главе с ленинским ЦК, грудью прокладывает себе дорогу через все препятствия. И проложит, и выполнит свою историческую миссию в братском союзе с революционными рабочими всего мира. Те с.-д. рабочие, которые сегодня еще не с нами, будут с нами завтра или послезавтра. А официальные вожди II Интернационала... Одни из них будут в мусорной куче истории, другие кончат дни на фонарях в час пролетарского восстания. Это последнее предсказание и ... пожелание тоже принадлежат Ленину, не забудьте этого, г. Адлер! Если бы Ленин мог видеть «подвиги», совершенные официальными вождями социал-демократии за последнее пятилетие, он повторил бы это пожелание еще с большей силой.

XIII. ЧТО СДЕЛАЕТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

При той обстановке, которая ныне создалась, вполне уместно и своевременно поставить как можно конкретнее вопрос о том, что сделает II Интернационал в случае новой войны. Точнее: что сделают важнейшие с.-д. партии и профсоюзы таких стран, как Германия, Англия, Франция, Польша, Румыния, Америка и т. д., ибо как целое, как международная организация единого действия, II Интернационал и Амстердамский интернационал профсоюзов почти не существуют теперь — и тем более не будут существовать во время войны, поскольку это будет война буржуазии одной коалиции против буржуазии другой коалиции. А если, в случае войны против СССР, II Интернационал и будет выступать как целое, то наиболее реальное значение все равно получат шаги отдельных «национальных» с.-д. партий.

Итак, что сделает социал-демократия крупнейших решающих капиталистических стран в случае новой войны? Все мы, конечно, знаем, что в случае новой войны современная «мировая» социал-демократия в той или другой форме повторит свою измену 4 августа 1914 г. Все мы знаем и повторяем это каждый день, что современная социал-демократия является контрреволюционной силой, что политика руководящих слоев социал-демократии превратилась в политику социал-фашизма. Все мы знаем, что «мировой» социал-фашизм особенно враждебен СССР, что враждебность эта растет не по дням, а по часам. Все мы знаем, что в случае новой войны против СССР современная социал-демократия будет одним из наших злейших противников. Но этого мало. Пришла пора, когда необходимо попытаться уяснить себе гораздо *более конкретно* — каково же будет поведение социал-демократии каждой из крупнейших стран в случае новой войны; как именно будут выглядеть ее новые измены рабочему классу; каковы будут ее «идеология», ее конкретные лозунги перед самым началом войны и в начале ее; каково будет соотношение между центризмом и социал-импе-

риализмом внутри с.-д. партий; какие новые «доводы», какие новые софизмы пустит в оборот социал-демократия, чтобы смять ряды рабочих, чтобы внести максимальную деморализацию в лагерь пролетариата; будут ли к самому моменту провозглашения войны социал-демократы участвовать в буржуазных правительствах непосредственно или, наоборот, как раз к этому моменту они будут разыгрывать роль показной оппозиции, чтобы тем вернее служить буржуазии; какие именно пацифистские маски социал-демократия припасет для той или другой стадии военного конфликта, какую позицию займет она в национальном и колониальном вопросах, какую роль сыграет в армиях и т. д.?

Ответить на все эти вопросы сколько-нибудь точно, разумеется, нельзя. Ответить можно только приблизительно. Как это всегда бывает в крупнейших исторических кризисах, дело, вероятно, сложится много «хитрее», чем кто-либо ожидает. И тем не менее, на представителях пролетариата лежит бесспорная обязанность попытаться заблаговременно отдать себе отчет в том, каков именно будет *конкретный ход* неизбежно надвигающегося кризиса.

На III съезде нашей партии, происходившем весною 1905 г., Ленин видел одну из важнейших задач в том, чтобы партия *как можно более конкретно* уяснила себе и всему рабочему классу *вероятный ход дальнейшего развития* революционного кризиса в России и всей мировой ситуации, непосредственно связанной тогда с русско-японской войной. Не все пошло затем так, как это предвидел III съезд. И все же эта часть работы III съезда принесла величайшую пользу делу. Что новая война надвигается теперь с громадной быстротой, что эта война заново будет решать ближайшие судьбы мировой революции, а стало быть, и ближайшие судьбы СССР, — это видит каждый. И вот теперь возникает новая задача: попытаться — на основании всего учета обстановки — представить себе как можно более конкретно и подробно будущий ход событий, связанных с неминуемой войной. Вопрос о поведении социал-демократии в предстоящей войне, конечно, есть только часть этой проблемы. Задача этих строк заключается в том, чтобы сделать хотя бы только приблизительную попытку собрать некоторый материал для освещения этой, повторяем, лишь частичной проблемы.

* * *

Все мы часто повторяем фразу: в случае новой войны социал-демократия вновь повторит 4 августа 1914 г. Это и так и

не так. Социал-демократия повторит свою измену рабочему классу — еще в гораздо худших формах, нежели в 1914 г., это бесспорно. Но обстановка, в которой произойдет новая война, изменилась в сильнейшей степени, и уже по одному этому политика социал-демократии в будущей войне не может быть простым повторением 1914 г.

В 1914 г. Россия была царской. Теперь ее место занял СССР, первая твердыня мирового пролетариата. Лозунг «против царизма» сыграл в 1914 г. гигантскую роль «в обосновании» изменнической позиции германской социал-демократии, которой долго принадлежало бесспорное руководство во II Интернационале и, уж во всяком случае, в с.-д. партиях всей германской коалиции. Всем памятно, как с.-д. коалиция ряда стран, руководимая германской социал-демократией, использовала в интересах «своей» буржуазии законную ненависть, накопившуюся в широчайших народных массах против русского царизма, игравшего в продолжение столь долгого периода роль международного жандарма.

Даже из верхнего слоя социал-демократии далеко не все в 1914 г. отдавали себе отчет в том, что война, в сущности, разгорается из-за того, кому будет принадлежать первенство в капиталистическом мире: империалистской Германии или империалистской Англии. Результаты войны 1914—1918 гг. получились куда более сложные. *На вопрос — Англия или Германия? — история ответила: Америка! Но эхо повторило: и СССР!* Военное столкновение между английским и германским империализмом окончилось, с одной стороны, возобладанием США, поскольку речь идет о странах капитализма, и первой победой пролетарской революции у нас. Этого результата войны не предвидели и не могли предвидеть вожди II Интернационала.

Старые с.-д. партии, в которых окончательно победили реформисты, боролись каждая на стороне «своей» буржуазии, выдвигая те лозунги, которые казались им наиболее удобными в данный момент. Так с.-д. вожди германской коалиции сделали главным своим лозунгом «борьбу против царизма». В надвигающейся войне руководящий слой всех с.-д. партий бесспорно будет видеть главного своего противника в СССР. Но сказать это прямо массам — в особенности перед самым началом войны — будет невозможно. Лозунг «защита отечества» также не сможет быть использован в такой форме и в таких размерах, в каких он был использован с.-д. вождями в войне 1914—1918 гг. Далее — чтобы упомянуть только главное — в 1914 г.

II Интернационал был единственной международной организацией пролетариата. Теперь II Интернационалу противостоит Коминтерн, а Амстердамскому объединению профсоюзов — Красный Профинтерн. Уже одно это обстоятельство радикальнейшим образом меняет положение и наложит свой отпечаток на тактику и лозунги официальной социал-демократии в будущей войне.

Поведение социал-демократии в грядущей войне имеет громадное, во многих отношениях решающее, значение. Этот вопрос не менее важен, чем вопрос о том, как будет выглядеть экономика в капиталистических странах к моменту войны или как будут выглядеть армия и флот капиталистических стран к началу войны. Это, в сущности, *тот же* вепрос о степени могущества буржуазного мира. Социал-демократия в известном смысле есть *одна из армий* мирового капитализма. Без перехода на его сторону социал-демократии капитализм не мог бы уже ныне существовать.

Говоря отвлеченно, к концу мировой империалистской войны (1918—1919 гг.) были три возможности: 1) если бы социал-демократия оказалась с нами, с пролетариатом, решающая победа социалистической революции *в ряде стран* была бы обеспечена в течение 3—5 лет; 2) если бы (случай, конечно, самый невероятный) социал-демократия оказалась нейтральной, победа была бы обеспечена через десяток лет; 3) тот случай, который осуществился в действительности: официальная социал-демократия оказалась на стороне буржуазии—и это оттянуло окончательную победу мирового пролетариата на 10—20 лет, обеспечив капитализму ту отсрочку, которую он теперь «изживает». Когда Маркс говорил рабочим всего мира: «Вам придется пережить 15—20—50 лет гражданских войн и битв народов, не только чтобы изменить строй, но чтобы изменить и себя самих и сделаться способными к политическому господству», — он, назначал сроки, очевидно, учитывая и ту роль, которую сыграет оппортунизм, раскалывающий рабочее движение и на некоторый исторический период отдающий часть сил нашего класса на прямую службу враждебному нам классу. Ведь Маркс и Энгельс, а после смерти первого один Энгельс в своей практической деятельности выдержали немало боев с «социалистическим» оппортунизмом. Достаточно напомнить Лассаля и лассальянство.

Социал-демократия стала теперь буржуазной рабочей партией, «третьей» партией буржуазии, партией социал-фашизма. Она — третья партия буржуазии *эпохи империалистских войн и*

пролетарских революций, она — партия буржуазная, ибо она обслуживает социально-политические интересы буржуазии. Но она *особого типа* буржуазная партия; она третья партия буржуазии не в смысле порядкового «номера», а именно в том смысле, что это *особого типа* буржуазная партия. Эта партия по составу своему в большей мере *рабочая,* и в то же время она обслуживает интересы буржуазии. Не следует «облегчать» себе задачу, подкрашивая действительность. В рядах социал-демократии организовано, ее поддерживает, за нее еще голосует немалое количество рабочих. В этом и заключается вся трудность проблемы. Надо понять, что современная социал-демократия есть буржуазная партия *особого типа.* Это буржуазная рабочая партия. Кто забудет, что это **буржуазная** партия, тот впадет в правый оппортунизм; кто забудет, что это буржуазная **рабочая** партия, тот неизбежно впадет в «левую» фразу.

Поддержка современной социал-демократии потому и ценится буржуазией, что это — партия, ведущая за собою еще сравнительно большое число рабочих. Нечего скрывать от себя: в целом ряде стран — еще большинство рабочих. Современная социал-демократия начисто предала всемирно-исторические интересы рабочего класса. Но, во-первых, — и это главное — в этом до сих пор убедилась только часть рабочего класса, а во-вторых, социал-демократия и сейчас умеет симулировать «защиту» повседневных текущих интересов рабочего класса настолько ловко, что значительные слои рабочих зачастую видят еще в социал-демократии и руководимых ею профсоюзах защитника многих экономических нужд пролетариата.

Чтобы недалеко ходить за примерами, сошлемся хотя бы на «рабочее» правительство Макдональда и с.-д. правительство Мюллера в Германии. Что ни говори, а нельзя не признать, что вокруг вопроса о положении горнорабочих правительство Макдональда в 1930 г. маневрировало — и сманеврировало — довольно ловко. Что ни говори, а нельзя не признать, что коалиционное с.-д. правительство Мюллера в Германии тоже ловко маневрировало в вопросах «защиты» экономических интересов рабочих. И даже теперь, открыто поддерживая правительство Брюнинга, германская с.-д. партия умеет втирать очки еще довольно широким слоям рабочих, будто ей «удается» во многом отстоять экономические нужды рабочих.

Позиция социал-демократии в будущей войне потому и имеет такое громадное значение, что эта партия является той единственной организацией, которая при известных условиях может обеспечить буржуазии известную поддержку или полу-

поддержку масс. Если, скажем, германская социал-демократия до сих пор способна получать на выборах до 9 млн. голосов (в том числе добрая половина голосов рабочих), то ее позиция для Германии имеет громадное значение. Она дает буржуазии поддержку как раз тех миллионов людей, которые могли бы и должны были бы быть *против* капитализма. В общем балансе сил получается разница даже не на 10 млн., а на 20 млн. человек: те 10 млн., которые должны были бы быть против буржуазии, оказываются — до поры до времени, конечно, — на политической службе у нее. Придет пора — и она уже недалека — когда от социал-демократии начнут отваливаться громадные пласты и целые большие слои населения, идущие еще за нею (в первую очередь, конечно, рабочие), начнут (и начали!) сотнями тысяч покидать ее ряды. Но пока что поддержка германской социал-демократии в войне или в революционном кризисе для буржуазии имеет абсолютно решающее значение. То же самое приходится сказать и о такой стране, как Англия, и о ряде других менее значительных стран.

* * *

Когда мы говорим о поведении социал-демократии во время будущих войн, приходится различать две вещи: 1) войну между двумя отдельными буржуазными государствами или двумя группами буржуазных государств и 2) войну отдельного буржуазного государства или целой группы их против СССР. Возможно, конечно, что на деле получится сложнее, что мы увидим комбинацию того и другого, что обстановка сложится запутаннее. Из истории предыдущих войн достаточно известны случаи перерастания одной войны в другую, даже одной эпохи войн в другую. Но для простоты ограничимся этими двумя случаями, из которых для нас, для всего международного пролетариата, наиболее актуальный и наиболее глубокий интерес представляет, конечно, второй случай.

В 1929 г. в журнале «Кампф» появилась пространная статья секретаря II Интернационала, Ф. Адлера под заглавием «А если война все-таки начнется?» К этой крайне характерной статье (она интересна уже одним тем, что это — единственная попытка со стороны вождя II Интернационала поставить вопрос в большом масштабе) нам придется обращаться еще не раз, чтобы иллюстрировать некоторые уловки и софизмы современной социал-демократии. Пока что отметим, что секретарь II Интернационала, разбирая всевозможные варианты будущих войн, ни словом не касается как раз возможности войны буржуазной

коалиции против СССР. Об этом ни звука! Единственные «конкретные» примеры, которые приводит Ф. Адлер — это: 1) возможная война против венгерского диктатора Хорти, если бы этот последний пожелал аннексировать «демократическую» Австрию, и 2) возможная война против фашистской Италии, возглавляемой Муссолини. Если бы дело дошло до этих двух войн, то, «насколько мы можем предвидеть» — осторожно выражается секретарь II Интернационала — «Интернационал легко найдет общую линию действия»[1].

«Насколько мы можем судить», — даже это осторожное предположение Ф. Адлера едва ли является основательным. Вероятнее всего, что и в этих двух случаях социал-фашисты каждой «заинтересованной» страны стали бы защищать буржуазию «своей» страны, хотя бы это была буржуазия фашистского толка. Да из всех возможных вариантов войны, которыми действительно чревато ближайшее будущее, эти два случая, во-первых, наименее интересны, во-вторых, наименее вероятны. Наименее интересны они потому, что Венгрия (даже плюс нынешняя Австрия), с одной стороны, и Италия, с другой стороны, отнюдь не решают судеб Европы. Наименее вероятны они потому, что как раз против Хорти и Муссолини ни одно из буржуазных государств всерьез воевать ныне не собирается. А ведь Адлер имеет в виду именно войну какого-либо из существующих «демократических» государств против двух названных им фашистских стран. Кто именно, какое государство поведет такую войну — об этом Адлер как раз и «забыл» сказать.

Если говорить о будущих войнах буржуазно-империалистских стран друг с другом, то в первую очередь приходится иметь в виду перспективу войны Америки с Англией и Японией. Это не значит, что в такую войну не будут втянуты другие буржуазные государства. Это не значит, что можно упускать из вида другие антагонизмы между буржуазными государствами. Конечно, «Америка» это есть целый конгломерат буржуазных государств, возглавляемых Америкой. Англия — это значит целая группа государств, так или иначе вступающих в борьбу под гегемонией Англии, и т. д. Как поступит современная социал-демократия в случае войны между двумя группами буржуазных государств? Как правило, социал-демократия каждой страны будет отстаивать интересы «своей» буржуазии в том виде, в каком это будет выгодно «своей» буржуазии. Незначительные исключения возможны. К примеру, та же хваленая

---

[1] «Кампф», кн. 8, 1929 г., стр. 366.

австрийская социал-демократия может оказаться *за* присоединение Австрии к Германии *в тот момент,* когда влиятельные слои австрийской буржуазии, скажем, еще будут медлить высказаться за это. Да и то — вряд ли. (На деле весною 1831 г. тактика австрийской социал-демократии в этом вопросе *вполне* совпала с тактикой «своей» буржуазии). Та или другая балканская с.-д. партия может оказаться, скажем, за *английскую* ориентацию в тот момент, когда «своя» буржуазия будет склоняться, например, *к французской* ориентации (да и то — едва ли). Польские социал-фашисты (ППС), скажем, могут оказаться больше *за Америку* тогда, когда «своя» буржуазия будет больше *за Англию или Францию.* Да и то вряд ли. Как правило, повторяем, социал-демократия каждой страны будет стоять за ту «ориентацию», которую избрала «своя» буржуазия.

Секретарь II Интернационала Ф. Адлер оплакивает то обстоятельство, что II Интернационал до сих пор не принял вполне определенных решений насчет того, как должна поступать социал-демократия, когда война начнется. «Ошибка Интернационала заключается в том, что он и до сих пор не определил точно (nicht festgelegt) свою политику на случай, если война тем не менее начнется»[1]. Адлер не понимает или делает вид, что не понимает, *что политика II Интернационала как раз в том и заключается, чтобы не определять точно политики на случай войны,* т. е. предоставить социал-демократии каждой страны защищать буржуазию «своей» страны. Не может же, в самом деле, даже современный II Интернационал принять прямую резолюцию о том, что в случае возникновения войны социал-демократия каждой страны поддерживает свою буржуазию. «Это» делают, но об «этом» не говорят, — по крайней мере, не говорят вперед. Молчаливое согласие всех подлинных вождей II Интернационала на такую политику безусловно существует. И сколько бы ни надрывался Адлер, доказывая, что «социал-демократия может занять ту или другую сторону в войне только на основании определенного постановления, принятого всем Интернационалом», — подлинные практические вожаки нынешнего II Интернационала хорошо знают, что именно определенного постановления им выносить невозможно и не должно.

Но нас интересует в первую очередь, конечно, поведение социал-демократии на случай войны против СССР. Ведь вся

---

[1] Там же, стр. 366.

политика виднейших вождей мирового империализма и фактических вождей современной социал-демократии на то и направлена, чтобы войну против СССР провести в порядке очередности, *раньше,* чем окончательно назреют до степени военного столкновения конфликты внутри империалистского лагеря.

Что в политической подготовке войны против СССР руководящие слои всех с.-д. партий принимают самое деятельное участие — это теперь доказывать дело излишнее. Рвение, которое проявили с.-д. вожди в поддержке так называемого крестового похода, возглавленного папой римским, в подготовке интервенции, в поддержке вредителей, героев Промпартии и меньшевиков достаточно говорит за себя. Еще Фейербах сказал: «Я гроша не дам за такую политическую свободу, которая оставляет человека рабом религии». А с.-д. чемпионы «политической свободы» и «чистой демократии» не только хотят оставить человека рабом религии в «своем» отечестве, но и готовы поддержать мракобесов всех мастей, объявляющих войну советскому отечеству, изгоняющему из обихода религиозное рабство. Маркс, имя которого еще и сейчас всуе упоминают многие с.-д. вожди, восхвалял «террористическое» отношение французской революции к религии»[1]. Террористическое отношение к религии проявляла французская буржуазия, когда она была еще революционным классом. А вот теперь, через 140 лет, социал-демократия соединяется с реакционной буржуазией, готовой применить белый террор *в защиту* религии.

С весьма важным видом Адлер рассказывает о том, какую великую победу одержали «интернационалисты» (к ним причисляет Адлер и себя) в 1923 г. на конгрессе в Гамбурге, где был окончательно заново «восстановлен» II Интернационал. Единогласно в устав II Интернационала было внесено следующее пожелание: «Социалистический интернационал является не только инструментом мирного времени, но и *столь же необходимым инструментом во время войны*» (курсив Адлера — *Г. З.*). Победа, что и говорить, головокружительная! Сам Адлер, однако, вынужден тут же заметить: «Принцип признан, но великую задачу, заключающуюся в том, чтобы создать предпосылки для воплощения в практику этого принципа — эту задачу еще только предстоит выполнить»[2]. Адлер не понял (или делает вид, что не понял), что подлинные вожди современной социал-демократии вполне *готовы* превратить социал-демократию в ин-

---

[1] «Святое семейство», стр. 139.
[2] Адлер, стр. 362.

струмент и военного времени — только в инструмент *против диктатуры пролетариата,* против первого пролетарского государства, на которое буржуазия нападает в прямом союзе с социал-демократией.

Перед самым началом войны 1914 г. ни буржуазия еще не могла на все сто процентов быть уверенной в «своей» социал-демократии, ни сама социал-демократия еще не знала точно, какую именно роль она сыграет в этой войне. Теперь руководящий слой социал-демократии стал куда «самосознательнее»; он прекрасно знает заранее, куда он ведет свою партию, по какую сторону баррикады ее место в предстоящей войне против СССР. Даже еще в 1918—1919 гг., когда заканчивалась первая мировая империалистская война, была некоторая абстрактная «возможность» того, что часть руководящего слоя социал-демократии так или иначе «примкнет» к революции или, по крайней мере, не перейдет открыто на сторону контрреволюции. Попытки таких людей, как Криспин, Дитман, итальянские центристы, французские центристы (Фроссар, Лонгэ и т. д.), вести переговоры с Коминтерном и брать на себя «защиту» Советской России объективно выражали не только давление рабочих, но и некоторые колебания даже в «верхнем» центристском слое социал-демократии. Теперь, по истечении десяти лет такая возможность для сколько-нибудь значительной группы нынешних руководителей социал-демократии совершенно исключена. И они и мы друг друга узнали *до конца.*

* * *

Одним из главнейших «аргументов» вождей социал-демократии против большевизма является ныне обвинение в том, что большевики *хотят-де войны,* ибо связывают именно с войной свои надежды на дальнейшие победы мировой революции. С.-д. вожди действуют по принципу «ловите вора»: чтобы отклонить от себя обвинение в том, что *они* готовят войну против пролетарского государства, эти господа на всех перекрестках кричат, будто пролетарское государство само ищет войны. Это испытанное средство. Мы вспоминаем, что, например, в 1920 г. на партейтаге в Галле Гильфердинг, Криспин, Дитман и К° также чрезвычайно ловко оперировали этим аргументом. Присоединиться к большевистскому Интернационалу, — говорили они, — означает связать себя, свою судьбу с Советской Россией, а эта последняя добивается-де немедленной войны с Антантой. Вывод: присоединиться к Коминтерну означает втянуть

Германию в немедленную войну против Англии, Франции и, главное, Америки. И этот «аргумент» несомненно действовал.

В разбираемой статье Адлер пишет: «Большевики прибегают к лозунгу мира, как к средству пропаганды, но в глубинах своей души весь большевистский Интернационал строит свои планы на войне. *Война-де является для пролетариата надеждой;* из новой мировой войны наверняка родится мировая революция»[1]. Адлер даже согласен сделать большевикам ту уступку, что они-де продолжают в этом вопросе традицию Маркса времен 40-х годов: «Большевистский Интернационал исходит из представления Маркса в 40-х годах; Коминтерн надеется, что из войны родится прогресс рабочего класса»[2]. О Марксе и марксовой традиции мы еще поговорим особо. Здесь достаточно пока просто пригвоздить Адлера, установив, что и он — этот «левый» «интернационалист» во II Интернационале — прибегает к той же клевете против большевиков, которой пользуются самые вульгарные, базарные крикуны социал-фашизма. «В этом различном отношении к войне заложены глубочайшие корни разногласий между социалистическим Интернационалом и Интернационалом большевистским»[3], — божится Адлер. Но он прекрасно знает, что утверждение, будто большевики или «большевистский Интернационал» ищут новых войн, есть самая подлая клевета, заимствованная из арсенала империалистов. Именно это обвинение, повторяемое с.-д. вождями против большевиков, есть тот «глубочайший корень», который роднит их с самыми заматерелыми разбойниками империализма.

Вожди современной социал-демократии не сразу пришли к тому выводу, что война против СССР есть единственное средство, дающее им надежды на «избавление» от диктатуры пролетариата. Долгое время эти господа рассчитывали на более легкие средства: на то, что «хватит» блокады, на то, что можно будет взять СССР измором изнутри, на крестьянские восстания, на перерождение советской власти, на раскол большевистской партии, на голод и крах экономической политики пролетарской диктатуры и т. д. Только в самое последнее время руководящие слои социал-демократии приходят к «непоколебимому» убеждению в том, что если какое средство еще может им помочь против диктатуры пролетариата, то лишь война. Именно по-

---

[1] «Кампф», кн. 8. стр. 358; курсив Адлера.
[2] Там же, стр. 358.
[3] Там же, стр. 358.

этому вожди социал-демократии теперь очертя голову готовы броситься в открытую поддержку «крестового» похода, и кокого угодно—хотя бы дьявольского—похода против СССР, в том числе в поддержку интервенции, вредительства и т. п.

С.-д. вожди долгое время надеялись «обойтись» без прямой войны против нас. Они хотели бы ее избегнуть, ибо знают, что это игра с огнем, и отдают себе отчет в том, сколь рискованным может оказаться для них самих такое предприятие. Динамит, заложенный под любую из крупных с.-д. партий современности, заключается как раз в том, что вся масса членов этих партий — рядовые рабочие, да и значительные слои мелкой буржуазии — абсолютно не заинтересована в войне против СССР, в той войне, на которой верхние этажи социал-демократии теперь вынуждены построить все свои надежды. Говоря абстрактно, с.-д. вожди *предпочли бы* (при прочих равных условиях) обойтись без войны. Недаром ведь и русские меньшевики, которые ныне являются только приживалами германских социал-фашистов, «для народа» формулируют свой главный лозунг в словах: «демократическая ликвидация диктатуры в СССР», давая понять, что они хотели бы «ликвидации» без войны, без хирургии, видите ли, на «демократических» путях. Но ведь и мировой империализм *при прочих равных условиях предпочел бы* обойтись без войны, ибо он знает также, с какими громадными опасностями связана для него война против пролетарского государства. Он также предпочел бы «безболезненно» вырезать «мозоль». Лозунг «демократическая ликвидация диктатуры» для него приемлем целиком, на все сто процентов. Самую зверскую войну против СССР империализм, конечно, прикроет лозунгом «демократической ликвидации». Версальцы в 1871 г. считали, что Галифэ «ликвидировал» Парижскую коммуну вполне «демократическим» путем — в строгом соответствии с постановлениями «демократического» Национального собрания, удалившегося в Версаль...

Верхний этаж современных с.-д. партий вместе с буржуазией и одновременно с ней приходит и пришел к окончательному выводу, что с СССР, хозяйственная мощь и мировое влияние которого неудежимо растут, справиться можно только при помощи войны. Но сказать это вслух ни в коем случае нельзя. Это убеждение приходится тщательно скрывать даже от массы своих собственных членов. На этом грандиозном лицемерии построено ныне все здание социал-демократии. Это обстоятельство есть мина под «гордым» зданием социал-демократии. Эта мина неизбежно взорвется и приведет социал-демократию

к катастрофе. Когда массе рабочих, поддерживающих социал-демократию, станет ясно, что именно с.-д. руководство готовит войну против СССР, она отшатнется от социал-демократии. Важнейшая задача компартий заключается в том, чтобы ускорить этот момент. С.-д. вожди до хрипоты кричат о том, что советское государство и большевистский Интернационал «хотят войны», готовят войну. Наша задача заключается в том, чтобы повернуть это орудие против с.-д. вождей, чтобы на повседневных фактах действительности показать широчайшим массам рабочих то, что есть: что худшими поджигателями войны являются руководящие слои социал-демократии.

«Мы (II Интернационал) убеждены... что нам удастся воспрепятствовать войне вплоть до того момента, когда победа пролетариата (на демократических путях) сделает войны вообще невозможными. Большевики, наоборот, убеждены в том, что итти вперед надо через войну, что только этим путем можно большевизировать пролетариат и достигнуть социализма . . . Было бы поэтому совершенно неправильно морально осуждать большевиков как предателей идеи мира. Это было бы к лицу только сторонникам принципиального пацифизма. Наш же спор с ними должен разрешаться на путях историко-экономических» [1]. Вот как великодушен наш «интернационалист», секретарь II Интернационала, Ф. Адлер! Он не станет упрекать большевиков в предательстве идеи мира. Он способен понять противника и проявить достаточно объективности. В самом деле, что же сделаешь с большевиками, если они, продолжая традицию Маркса 40-х годов, никак не могут обойтись без новых войн! Придется уж как-нибудь простить им эту слабость, придется бороться с ними на путях «историко-экономических», — например, поддержать папу римского, Болдуина, Пилсудского, Промпартию, вредителей, интервентов. Чем не представители «историко-экономических» методов.

Все партии II Интернационала целиком готовы бороться за мир, — утверждает Адлер. «Ни в одном вопросе весь Интернационал (имеется в виду II Интернационал) не является столь единым, как именно в том взгляде, что ни в коем случае нельзя допустить до новой мировой войны, что все средства должны быть пущены в ход, дабы избегнуть несчастья новой войны» [2]. Не верите? Добрый Адлер сейчас это вам докажет: «Прежде всего нужно установить с полной ясностью следующий факт:

---

[1] «Кампф», стр. 358.
[2] Там же, стр. 356.

в борьбе за сохранение мира II Интернационал был ***единодушен*** без остатка и до самого начала мировой войны 1914 г. II Интернационал мира желал и за него со всей страстностью боролся до последней минуты. Я лично *никогда* не сомневался в том, что у Интернационала есть *воля к сохранению мира,* и, после того как военные действия начались, я также верил в эту волю, как и до начала войны»[1].

Добрый Адлер, повидимому, забыл французскую пословицу: кто доказывает слишком много, тот не доказывает ничего. Да, если у нынешнего II Интернационала существует такая же «воля к миру», какая была у II Интернационала в 1914 г., то... то новая война вполне обеспечена. Мы, большевики, ничего другого не утверждаем. Вот именно: ту же приблизительно роль, которую сыграли социал-шовинистские вожди II Интернационала в 1914 г., они сыграют и теперь — разве только в несколько худшем издании, соответственно новой «историко-экономической» обстановке.

Конкретно, это может, например, выглядеть так (конечно, дело идет только о примере): то или другое фашистское правительство, допустим, правительство типа Пилсудского (или «подходящее» для этой цели румынское правительство) создаст конфликт с СССР — конфликт территориального или какого-либо иного характера (годится и советский «демпинг»). СССР вынужден будет ответить протестом. Тогда предназначенное для этого правительство ответит какой-либо двойной провокацией. Одно-другое буржуазно-фашистское правительство будет рваться в бой против СССР. Тогда «по наряду» начнут выступать крупные с.-д. партии и, проявляя свою «волю к миру», станут требовать, чтобы конфликт был разрешен «демократическим» путем, например, путем третейского суда. Одни будут настаивать, чтобы решение было предоставлено Лиге наций, другие — чтобы был применен пакт Келлога, третьи, самые «левые», скажут, чтобы конфликт разрешила Лига наций с участием представителей Амстердамского интернационала и т. п. Один из очень вероятных вариантов событий заключается в том, что без прямого объявления нам войны на нас просто двинут войска, попытаются захватить Киев и т. п. Фашистские правительства непосредственно затеявших драку государств сначала будут отказываться от третейского суда, бряцая оружием и пытаясь двигаться вперед. Социал-фашистские партии этих же стран (скажем, ППС, румынская с.-д., финляндская белая

---

[1] Там же, стр. 356.

с.-д. и т. п.), внявши голосу своего «Интернационала», также проявят «волю к миру» и окажут «давление» на свои правительства в том смысле, чтобы они признали посредничество Лиги наций и верховенство пакта Келлога. Весь II Интернационал постарается поднять во всем мире такую пацифистскую пыль, которая заложила бы глаза и уши широких масс рабочих. Все честное и вполне сознательное в международном пролетариате, в том числе и пролетариат СССР, конечно поймут отвратительное лицемерие этой пацифистской комедии с самого начала, поймут и отвергнут вмешательство Лиги наций или «пацифистов» американского империализма с отвращением. Фашистские головорезы тех стран, которые будут предназначены для прямого нападения, покобенившись, великодушно изъявят желание, так и быть, подчиниться воле Лиги наций или ареопага американского империализма, как представителей «мирового разума» и «демократии». Тогда руководители с.-д. партий во всем мире закричат: вот видите, виноваты большевики; та сторона вняла голосу «человечества», та сторона готова подчиниться третейскому суду таких беспристрастных учреждений, как Лига наций и т. п., но злые большевики не подчиняются, они — виновники войны. Мы сделали все, что могли, мы обнаружили железную «волю к миру», теперь мы умываем руки. А добрый Ф. Адлер прибавит: ну что ж, я не осуждаю морально большевиков, они всегда стояли «за войну», как стоял за нее Маркс в 40-х годах, я верю в то, что они заблуждаются искренно; наш спор с ними есть только спор «историко-экономический» [1].

[1] В № 3 журнала «Кампф» за 1931 г. Ф. Адлер выступил со статьей, посвященной итогам процесса меньшевиков. Разоблаченные и опозоренные перед всем международным пролетариатом меньшевики-интервенционисты находят самым удобным выпустить с такой «итоговой» статьей именно «левого» г-на Ф. Адлера. Статья — подлейшая. Она, между прочим, содержит «угрозу», что предстоящий конгресс II Интернационала еще «займется» этим делом. И действительно: есть все основания предположить, что предстоящий в 1931 г. в Вене конгресс II Интернационала превратится на деле в *конгресс подготовки интервенции против СССР.*

Замечательно, что в этой подлой статье Ф. Адлер опять прибегает к тому же трюку: большевики, видите-ли, сами готовят войну, они без войны не могут; война вытекает-де из всей их принципиальной установки. Им, большевикам, кажется-де, что это будет «революционная» (кавычки Адлера) война. На самом же деле... и т. д.

Настойчивое повторение этого «аргумента» г-дами Адлерами имеет определенную целевую установку. Это тоже есть «идейная» подготовка интервенции. Когда война будет начата господами империалистами, Адлер и К° закричат, что войну *начали* большевики, что Адлеры «всегда предсказывали» это и т. д.

Для начала империалистам этого будет достаточно. А там война начнется и в каждом отдельном буржуазном отечестве с.-д. вожди будут соответственно применять общую тактику, видоизменяя ее так, как этого требуют интересы своей буржуазии. Где нужно будет — «ограничатся» поддержкой только экономической блокады; где это будет полезно для буржуазии — поддержат план сохранения дружественного к воюющей против СССР державе нейтралитета; где придется — помогут деньгами, амуницией, инструкторами воюющей против нас державе; а где окажется необходимым — «докажут» целесообразность прямого и открытого вмешательства в войну против СССР, разумеется, на стороне противника.

* * *

Германская социал-демократия, являющаяся и сейчас руководящей партией II Интернационала, в 1929 г. на своем партейтаге в Магдебурге приняла уже специальные программные тезисы по вопросу о вооружении Германии. В этих тезисах говорится, например, следующее: «Германская социал-демократия, согласно решениям Брюссельского конгресса Социалистического рабочего интернационала от августа 1928 г., изъявляет свою решимость оказать самое сильное давление даже (!) революционными средствами на каждое правительство, которое откажется подчиниться приговору третейского суда». Чего вам более? Буржуазно-фашистские правительства Польши, Румынии, Финляндии (мы только, конечно, к примеру называем именно эти государства), под давлением «общественного мнения» II Интернационала, в последнюю минуту несомненно согласятся подчиниться приговору третейского суда. Какого именно третейского суда? Очевидно, Лиги наций, которую уже давно поддерживают, рекламируют, пропагандируют вожди II Интернационала, высказывая только пожелание о некотором ее усовершенствовании. Тогда... тогда вожди германской социал-демократии и иже с ними сочтут своим долгом оказать самое бесстыдное давление на пролетарское правительство СССР. Ну, вот, дело и сделано — радостно будут протирать руки вожди социал-демократии.

Комментируя произведенный тезис, одобренный Магдебургским партейтагом, Каутский уже наперед «уточнил» его. Он написал: «Правом и обязанностью рабочего народа является восстать против того правительства, которое отказывается передать свой конфликт с другим правительством на суд Лиги

наций или какой-либо другой примирительной инстанции»[1]. Тут уж, что называется, комментарии излишни!

Дело сделано, пожар зажгли, работа выполнена по всем правилам «чистой демократии». «Воля к миру» выказана в достаточной степени. Помогши таким образом начать войну против СССР, можно на первых порах продолжать «пацифистскую» агитацию. В основание этой агитации можно положить следующие «мысли» Каутского, высказанные им в той же брошюре: «Там, где достигнута демократия, социал-демократия отвергает какую бы то ни было апелляцию к силе оружия в классовой борьбе; точно так же социал-демократия отвергает какую бы то ни было апелляцию к силе оружия в конфликтах между двумя государствами — с тех пор как существуют учреждения, которые дают возможность урегулировать противоречия мирным путем посредством третейского суда. Там, где существуют такие условия, социал-демократия объявляет преступлением разжигание гражданской войны, так же как и войны между государствами».

Вот вам вся гамма. Вот вам заодно и оправдание борьбы против большевистского лозунга — превращение империалистской войны в гражданскую. Там, где демократия достигнута!.. В Англии, в Германии, во Франции, в Америке сия «демократия», по Каутскому, уж конечно «достигнута». Ведь именно англо-французские империалисты и создали те, с позволения сказать, «учреждения», к которым апеллирует Каутский. Ведь именно «учреждения» американского империализма являются творцами пакта Келлога...

Все партии II Интернационала преисполнены несгибаемой «воли к миру», — утверждает Ф. Адлер. Однако — с одним небольшим исключением. Исключение составляет *грузинская* социал-демократия, точнее, по Адлеру: «одна группа грузинской социал-демократии». Остановимся еще раз на этом ценном для нас признании Адлера[2]. Послушаем Адлера! Он начинает с пред-истории мировой войны 1914 г. Все вожди II Интернационала, как мы уже слышали из уст Адлера, были преисполнены «воли к миру» — до самого начала войны 1914 г. Но было одно небольшое исключение и тогда. «В начале мая,— рассказывает Адлер, — Игнатий Дашинский, который до войны был вождем польских социал-демократов в Австрии, а ныне

---

[1] См. брошюру *Каутского,* Социал-демократия и вопрос о вооружениях, 1929 г.

[2] Стр. 357.

является маршалом польского сейма, в одной своей речи, произнесенной в Париже, описал ужасы тогдашнего положения Польши. Он рассказал о том, как русский царизм преследовал польских социалистов, и напомнил, что царь казнил в среднем по 200 польских социалистов в год. Описывая трагизм положения, Дашинский тогда воскликнул: «Вы поймете, что в то время мы надеялись — придет война, в этой войне царская Россия распадется, и мы, поляки, получим свободу [1]». К этому Адлер прибавляет, что аналогичную роль теперь во II Интернационале играют грузинские социал-демократы. «И вот теперь во II Интернационале есть группы грузинских социал-демократов, которые совершенно так же, как до мировой войны поляки, надеются на освобождение своей страны в результате войны [2]».

Еще раз мы крайне благодарны секретарю II Интернационала за это ценное признание. Так и запишем! Даже Ф. Адлер вынужден был признать, что грузинская социал-демократия стоит за войну против Советского союза. Это признание надлежащим образом должно быть использовано прежде всего нашими грузинскими товарищами. Но в устах Ф. Адлера оно имеет и более широкое значение.

Ф. Адлер очень кстати вспомнил и о Польше. Действительно, польский вопрос и поведение нынешних польских, с позволения сказать, социалистов нагляднее всего иллюстрирует то, что произошло. Было время, когда требование освобождения Польши являлось одним из главных требований I Интернационала, руководимого Марксом. Было время, когда постановка польского вопроса Лениным (и национального вопроса вообще) встречала резкую отповедь со стороны меньшевиков, нынешних столпов II Интернационала, именно за то, что Ленин и большевики оставались до конца верными Марксу и в этом вопросе. Когда большевики пришли к власти, они на практике разрешили национальный вопрос в СССР в духе Маркса. И вот теперь пришла пора, когда именно Польша (мы говорим, конечно, не о Польше рабочих, а о Польше Пилсудских и Дашинских, о Польше фашистов и социал-фашистов) становится главной ударной колонной мирового империализма против Советского государства, когда польские «социалисты», возглавляемые теми же Дашинскими, становятся самым подлым отрядом подлого II Интернационала. Такова диалектика исто-

---

[1] Стр. 357.

[2] Ср. гл. VIII «От оборончества к интервенционизму».

рии. В этом сказывается не только регресс «мировой» социал-демократии, но и прогресс мировой пролетарской революции. Когда на очередь встали уже вопросы *пролетарской* диктатуры, мировой *социалистической* революции, тогда мелкобуржуазные национал-«революционеры» типа Дашинского и Жордания неизбежно превращаются в контрреволюционеров. Когда создалось, выросло, возмужало и окрепло подлинно международное товарищество рабочих, продолжающее в лице Коминтерна дело марксова Интернационала, тогда мелкобуржуазный II Интернационал тоже сделал своим «дело Польши», но уже не Польши революционной, не Польши пролетарской, а *Польши контрреволюционной, Польши буржуазной.*

Однако вернемся к «грузинскому» признанию Ф. Адлера. Итак, оказывается, что грузинская социал-демократия стоит за войну против СССР, но — но только это есть не линия II Интернационала, а «уклон» от нее. Как же борется II Интернационал против этого уклона? Он «борется» против него тем, что... *поддерживает* его. Когда грузинские меньшевики вступили в союз с английским империализмом, с русскими белогвардейцами, выдавая английским империалистам Баку и организуя гражданскую войну против пролетариата Советской страны, — весь II Интернационал был на стороне грузинских меньшевиков. Когда в 1924 г. грузинские меньшевики подняли контрреволюционное восстание против советской власти, явно спекулируя на новое вмешательство англо-французских империалистов в наши дела, явно прокладывая дорогу новой империалистской войне против СССР, — весь II Интернационал объявил дело грузинских меньшевиков своим делом. А теперь нас хотят уверить в том, что грузинские меньшевики представляют собою только исключение.

Ну, а *германская* социал-демократия, разве не готовится она к войне против СССР? Разве принятая ею в Магдебурге (1929 г.) военная программа не мотивирует перед мировым империализмом необходимость создания новой германской армии и флота тем, что в случае войны против СССР германской армии нужно будет «оберегать нейтралитет» Германии, через которую англо-французские империалисты будут подвозить амуницию, а быть может, и войска Польше? Разве «сам» Отто Бауэр не вынужден был, в связи с принятием магдебургских тезисов, сделать следующее признание: «На ближайший период времени на север от Альп возможна, пожалуй, только одна война: война Польши против Советского союза, причем Франция, а может быть и Англия будут под-

держивать своего польского союзника... В случае такой войны у Франции будет искушение наладить кратчайшую связь со своим восточным союзником через германскую территорию (например, по короткой линии Страсбург-Эгер) и, таким образом, лучше всего сорганизовать военное снабжение Польши» [1].

В магдебургской военной программе германской социал-демократии есть один тезис, который утверждает, что до тех пор пока существует опасность, что другие державы могут злоупотребить военной слабостью Германии и двинуть свои войска через германскую территорию, — Германская республика будет нуждаться в армии «для защиты самоопределения ее народа», иначе Германская республика «против своей воли может быть втянута в кровавые осложнения». По этому поводу тот же Отто Бауэр заметил: «Слово «самоопределение» кажется нам в этой связи допускающим много толкований и опасным. Оно может получить и то толкование, что *Германии нужна армия на предмет того, чтобы в случае европейской войны она могла свободно самоопределиться за ту или другую воюющую сторону, т. е. вступить в войну на стороне того или другого лагеря»* [2].

Дело яснее ясного. Буржуазная Германия пользуется подготовкой войны против Советского союза для того, чтобы выторговать себе право воссоздания возможно более крупной армии и флота. Во главе этого «предприятия» стоит именно германская социал-демократия. Она больше всех поклоняется американскому империализму, она громче всех воспевает план Юнга, она настойчивее всех требует соглашения буржуазной Германии с буржуазно-фашистской Польшей (под эгидой американского и французского империализма) против СССР. Ее вожди больше всех пытаются разжигать конфликт Германии с СССР. Достаточно вспомнить попытку германского с.-д. агентства подсказать германскому правительству ультиматум с требованием того, чтобы за действия Коминтерна сделать ответственным советское правительство. Достаточно вспомнить, как германские с.-д. вожди весною 1931 г. срывали соглашение с германскими промышленниками о заказах для СССР. Ф. Адлер, надеемся, не решится сказать, что германская социал-демократия есть только «уклон» во II Интернационале. Германская с.-д. партия есть сила побольше, нежели грузинская социал-демократия, а ее политика целиком направлена на подготовку войны против СССР.

---

[1] «Кампф», март 1929 г., стр. 111.
[2] Там же, стр. 112.

Ну, а *английская* «рабочая» партия, возглавляемая Макдональдом! Разве ее иностранная политика не есть в основном политика подготовки войны против СССР? Разве одной из целей поездки Макдональда в Америку не было стремление создать хотя бы временный единый фронт с американским империализмом главным образом против СССР? И если «рабочее» правительство Англии огнем и мечом воевало против восстающей Индии (и еще будет воевать не раз), то почему бы ему отказаться от войны против СССР? И разве не в английской «рабочей» партии больше всего процветает идолопоклонство перед Лигой наций, перед «третейскими судами» империалистов? Можно ставить сто против одного, что если бы завтра группа буржуазно-фашистских государств вздумала напасть на Советский союз, то Макдональд и К° будут как раз во главе тех, которые потребуют империалистского «третейского суда», т. е. применят именно ту тактику, которую мы обрисовали выше.

Ну, а *французская* «социалистическая» партия, разве не дошла она до того, что открыто поддержала даже кутеповщину? Разве признанный вождь французских социалистов, «левый» социал-демократ Леон Блюм, не писал в «Попюлер» (ЦО французской социалистической партии): «Если окажется, что к похищению Кутепова причастно полпредство, то на этот раз не будет возможности бороться, посольство будет вихрем снесено»? Разве это не есть прямое натравливание на разрыв с СССР и на войну против него? Разве все эти Ренодели, Грумбахи и К° хоть на минуту задумаются поддержать румынскую контрреволюционную социал-демократию? Разве французские социал-фашисты не слывут, и вполне заслуженно, самыми надежными друзьями современной буржуазной Польши?

Еще совсем недавно при обсуждении плана Юнга во французской палате депутатов лидер французских «социалистов» Поль Бонкур, председатель парламентской комиссии по иностранным делам, т. е. доверенное лицо всей французской буржуазии, — говорил буквально:

«Лига наций — наше единственное спасение... Необходимо добиться возможно более тесной связи между Лигой наций и Гаагским трибуналом *(Эррио:* «Совершенно правильно!» *Бурные аплодисменты)*... Наше дело — работать на то, чтобы Лига наций имела силу выносить не только моральные решения, но и подкреплять их санкциями» [1].

---

[1] Цитируем по «Попюлер», ЦО французской социалистической партии, от 29/III 1930 г.

И в то же время этот же Поль Бонкур провел известный «закон Бонкура», заблаговременно дающий право «своей» буржуазии мобилизовать «всю нацию», в том числе и женщин, для защиты буржуазного «отечества». Бонкуровское отношение к «защите отечества» есть на деле отношение *всех* с.-д. вождей.

Что же удивительного, если французские меньшевики горячо поддерживают Промпартию, меньшевиков-интервенционистов, всех врагов СССР?..

Ну, а *американские* «социалисты»? В США нет еще сколько-нибудь сильной с.-д. партии, но «зато» мы имеем там Американскую федерацию труда, объединение желтых профсоюзов, организационно не вполне еще слившееся с Амстердамским интернационалом, но по существу являющееся ветвью современного социал-фашизма. И что же, главнейшим требованием вождей Американской федерации труда является требование *не*признания Америкой СССР. А что такое систематическая пропаганда непризнания СССР? Это и есть пропаганда войны против него. А что такое поддержка борьбы против так называемого советского «демпинга»?.. Можно ли хоть на одну минуту сомневаться в том, что герои Американской федерации труда завтра же будут в числе активных подстрекателей и руководителей войны против СССР?

Ну, а «социалисты» *Польши*, а социал-демократы *Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехо-Словакии, Финляндии, Латвии, Литвы, Швеции, Норвегии*, да и той же *Австрии* — чем отличаются они в этом отношении от грузинской социал-демократии? Ровно ничем! И, наконец, *русские* меньшевики и эсеры, влиятельные члены нынешнего II Интернационала? На словах они еще до недавнего времени двурушнически выступают против открытой интервенции. Но ведь и Милюков вынужден еще на словах высказываться «против интервенции» — пока для нее не назрели еще все условия. Теперь меньшевики пойманы с поличным. Русские меньшевики и эсеры выступают во II Интернационале «представителями» пролетариата и крестьянства СССР. На самом деле они представляют в этом «Интернационале» агентуру тех сил, которые готовы раздавить пролетариат и основную массу крестьянства СССР. На словах лозунг меньшевиков: «демократическая ликвидация диктатуры». Разве лозунг этот в нынешних условиях не есть простой *псевдоним подготовки войны против СССР*? Разве самая редакция этого лозунга не подобрана тщательнейшим образом именно так, чтобы вполне гармонировать с целями подготовляемой импе-

риалистами новой войны против СССР? И разве II Интернационал всем своим «авторитетом» не покрыл этого лозунга меньшевиков?

Нет, не проповедь войны против СССР, ведомая особенно откровенно грузинскими меньшевиками, а некоторые пацифистские выкрутасы Ф. Адлера (являющиеся данью его прошлому) представляют собою некий «уклон» от общей тактики II Интернационала. Тактика II Интернационала есть тактика подготовки войны против СССР. Судебный процесс над меньшевиками в марте 1931 г. окончательно сорвал маски с русского и международного меньшевизма. Их интервенционистская попытка вскрыта перед рабочим классом всего мира.

* * *

А какова будет принципиальная позиция нынешней социалдемократии в вопросе о защите отечества — в том вопросе, который сыграл такую громадную роль в войне 1914—1918 гг.? С начала первой мировой империалистской войны прошло уже более 15 лет. Много воды утекло с тех пор. Времени было достаточно для того, чтобы «новый» II Интернационал мог занять определенную позицию по этому вопросу. Но он молчит — и молчит неспроста. Ф. Адлер сообщает: после восстановления Интернационала в Гамбурге (1923 г.) «мы в течение этих первых годов вполне сознательно отодвигали на задний план этот вопрос не потому, конечно, что мы махнули рукой на Интернационал, но потому, что мы хотели сначала сделать наш Интернационал настолько сильным, чтобы иметь возможность поставить эту проблему во всей ее величине, не опасаясь при этом одной постановкой вопроса подвергнуть опасности самое существование Интернационала»[1]. Ценное признание—одно из самых ценнейших в весьма ценной статье Адлера! Поставить вопрос о том, что сделает II Интернационал, если начнется новая война, поставить вопрос о том, как новый «возрожденный» II Интернационал относится к проблеме защиты отечества — это так опасно, что может даже прямо угрожать существованию II Интернационала.

С каким же, однако, хрупким сосудом имеем мы дело! Оказывается, не помогло даже то, что на Гамбургском конгрессе прямо записали в устав ту мысль, что Интернационал должен являться не только инструментом мирного, но и военного времени.

---

[1] «Кампф», кн. 8, стр. 349.

Воды утекло много. Времени прошло достаточно. II Интернационал настолько «окреп», что редко какая его партия не посылает своих министров в буржуазное правительство И тем не менее «роковой» вопрос о принципиальном отношении к защите отечества до сих пор открыто не поставлен. Фридрих Адлер требует скорейшей постановки этого вопроса на очередь, но в этом требовании он совершенно одинок. Он заявляет открыто в своей статье, что в данном случае он выступает не как секретарь Интернационала, а «лишь как отдельный товарищ», и глас его остается гласом вопиющего в пустыне. Интернационал должен заранее обсудить этот вопрос, он должен заранее выработать тактику, которой будут держаться все партии. Если Интернационал откажется от этого, «то это практически означало бы, что международная организация отказывается сама от себя, что она вынуждена ограничиться по отношению к входящим в нее партиям советом: «спасайся кто может». Это означало бы, что международное рабочее движение оказалось бы столь же бессильным, сколь и в первой мировой войне. Но даже эта ужаснейшая альтернатива, если ее высказать ясно и с полным сознанием положения вещей, все-таки еще будет иметь менее деморализующее значение, чем нежелание высказать то, что есть. Рабочий класс должен во что бы то ни стало знать, что именно Интернационал считает правильным, на случай, когда война, несмотря ни на что, начнется» [1].

Вот до чего дошло! Даже такой «лозунг», как «спасайся кто может», секретарь II Интернационала предпочел бы тому молчанию, которое практикует его организация. А II Интернационал — «могучий», «возрожденный», «обновленный» — молчит, точно воды в рот набравши, и сознательно «избегает» (слово того же Адлера) высказать «то, что есть». Лирические излияния Ф. Адлера не помогают. Фактические вожди современных с.-д. партий молчат и старательно обходят щекотливую тему. Почему? *Потому, что на эту тему им нечего сказать кроме того, что уже сказано было ими в 1914—1918 гг.* Между фактическими вождями II Интернационала существует молчаливое согласие насчет того, что их «принципиальное» отношение к защите отечества остается тем же, каким оно было 4 августа 1914 г. — с тем только прибавлением, что защиту *социалистического* отечества большевиками с.-д. вождям надо будет объявить противоречащей принципам «демократии».

---

[1] «Кампф», кн. 8, стр. 369.

Защита отечества остается правилом; из этого правила надо сделать только одно исключение — *для СССР*. Защищать отечество значит защищать *буржуазное* отечество — вот голая истина, от которой тщетно прячется г. Адлер.

Да и сам-то Адлер умеет только жалостно похныкать по поводу того, что его шефы не хотят «заранее» определить своей точки зрения. Сказать что-либо социалистическое по вопросу о защите отечества не имеет и сам Адлер. Адлер помнит, что в «Коммунистическом манифесте» сказано: «Рабочие не имеют отечества, у них нельзя отнять то, чего они не имеют». Но Адлер не может согласиться с этим положением. Он объявляет его «устаревшим». Самая большая уступка, какую он согласен сделать Марксу и Энгельсу, заключается в том, что он готов признать, что в 1847 г. такой взгляд «в большей степени соответствовал тогдашнему действительному положению вещей», а теперь... теперь, видите ли, Маркс безнадежно устарел. И какими же шаблонными ревизионистскими доводами «аргументирует» Адлер против Маркса и Энгельса! «Маркс и Энгельс видели полное политическое и экономическое бесправие рабочих в 40-х годах и отсюда сделали тот вывод, что судьбы отечества для рабочих безразличны... теперь же положение рабочего класса в гигантской степени изменилось. Из бесправной, совершенно беззащитной массы рабочие превратились в организованную силу, добились экономических и политических прав» [1].

Какой жалкий реформистский лепет! Адлеру, видимо, и невдомек, что он пользуется обглодками со стола самых банальных реформистов. Он, видимо, забыл, что именно эту «аргументацию» приводили в 1914 г. и ранее того самые махровые социал-предатели на страницах «Социалистише Монатсхефте». Впрочем, *все* доводы, *вся* идеология этого журнала, который до 1914 г., по крайней мере формально, являлся только органом ревизионистского меньшинства, теперь уже давно перекочевали на страницы всей мировой с.-д. прессы и заполонили ее.

Жорес назвал это положение «Коммунистического манифеста» «пессимистической бутадой». Бернштейн «оправдывал» Маркса и Энгельса тем, что-де тогда «рабочие везде лишены были права голоса, т. е. всякого участия в администрации». А Плеханов, когда он еще был марксистом, отвечал им вполне справедливо: «Если бы они были правы, то выходило бы, что те-

[1] «Кампф», кн. 8, стр. 353.

перь, когда пролетариат передовых капиталистических стран имеет уже большую часть тех политических прав, которых недоставало ему накануне революционного 1848 г. . . . пределы социалистического интернационализма должны быть сужены в пользу патриотизма»[1]. Все это давным-давно забыто господами Адлерами.

Было время, когда даже нынешние «австро-марксисты» умели давать хоть кое-какой отпор идеологии тех переодетых буржуа, которые пишут в «Социалистише Монатсхефте». Даже Отто Бауэр еще в 1910 г. написал о сущности интернационализма следующие слова: «Интернационализм означает подчинение всех особых национальных целей общему классовому интересу всего пролетариата. Интернационализм требует, чтобы все национальные конфликты обсуждались под углом зрения общих интересов пролетариев всех стран. Существеннейший чертой подлинного интернационализма является то, что все отдельные требования национальной демократии, о какой бы нации ни шла речь, он подчиняет общему интересу мирового пролетарского движения». Эти слова Бауэр напечатал в «Кампфе» в июне 1910 г. под псевдонимом Генриха Вебера. А теперь на страницах того же «Кампфа» мнящий себя интернационалистом Адлер списывает из «Социалистише Монатсхефте» аргументацию против Маркса.

* * *

Будут ли вожди с.-д. партий в момент объявления войны прямо участвовать в тех правительствах, которые объявят войну СССР? Насколько можно предвидеть сейчас, и буржуазия и социал-демократы предпочтут сделать так, чтобы в самый момент объявления войны с.-д. партии прямо в правительстве не участвовали. С.-д. вожди захотят поступить так потому, что в этом случае им легче будет сохранить на время пацифистскую маску, удобнее будет маневрировать перед народными массами. Вожди империалистов предпочтут это по этой же причине и, кроме того, еще и потому, что в момент самых решающих действий они будут опасаться, как бы иные с.-д. вожди не стали путаться в ногах и т. д. Чтобы лучше обмануть массы требованием «третейского суда»[2], с.-д. партиям удобнее будет разыгрывать роль организаций, не связанных прямым участием в правительстве.

---

[1] *Плеханов,* «Дневник социал-демократа» № 2.
[2] См. выше.

Вы видите, они в оппозиции к данному правительству, они «против войны», они делают «все возможное», чтобы избегнуть войны, они даже говорят речи против войны в парламентах, они созвали митинги протеста. Но — *даже* они, эти непримиримые «социалисты», лидеры оппозиции, пришли к выводу, что единственный исход для спасения дела мира — это обеим сторонам подчиниться решению Лиги наций или авторов пакта Келлога. Большевики не хотят подчиниться «беспристрастной» Лиге наций? Ну, тогда мы, социал-демократы, непримиримые противники войны, вынуждены возложить на них всю ответственность, пусть пеняют на себя! Они — виновники войны, они хотят силою штыка навязать всему миру свой большевизм. Но раз так — мы вынуждены защищать свое отечество, мы провозглашаем приостановку классовой борьбы внутри нашего отечества, мы заключаем «гражданский мир» под руководством нашего правительства, мы заявляем: все для войны!

Возможно, что это будет именно так. Дело идет только о примере. Но, конечно, возможен и какой-либо другой вариант. Одно несомненно: каждая из с.-д. партий поступит так, как это будет нужно буржуазии «своей» страны. А решающая группа с.-д. партий будет маневрировать в «международном масштабе» так, как это нужно будет американскому империализму или Лиге наций.

Ф. Адлер мягко полемизирует против «энтузиастов Лиги наций». Опыт десятилетия, истекшего после окончания войны, доказал недвумысленно, что разрешение военной проблемы через Лигу наций происходит не так быстро и радикально, как это представляют себе энтузиасты Лиги наций. Та идея, будто Лига наций является завершением Социалистического интернационала, эта идея, глубоко засевшая в головы у многих со времени окончания войны, опровергнута фактами. Лига наций *не может являться заменой* Социалистического рабочего интернационала. Необходимо всегда и всюду создавать полную ясность по вопросу о взаимоотношениях между Социалистическим рабочим интернационалом и Лигой наций» [1].

Вот какие мы «левые»! Мы заявляем, что Лига наций не может явиться заменой Социалистического интернационала. Того и гляди, «мы» еще добьемся внесения в устав II Интернационала этого положения. То-то будет победа «интернационалистов»!..

---

[1] «Кампф», кн. 8, стр. 364.

Адлер, повидимому, не причисляет себя самого к числу «энтузиастов Лиги наций». Однако даже он пишет: «Вполне возможно, что линия военной политики, которую изберет Лига наций, в том или другом конкретном случае будет лежать в плоскости политики Интернационала — мы на это надеемся, но все-таки Интернационал не должен с самого начала *связывать себя* военной политикой Лиги наций... Политика Интернационала должна *постоянно* оставаться *автономной* не только по отношению к политике отдельной страны, но и по отношению к политике Лиги наций»[1]. Такова программа-максимум «левого интернационалиста» из II Интернационала! Секретарь «рабочего» «Социалистического» интернационала, требующий для этого Интернационала некоторой «автономии» от Лиги наций (со внесением или без внесения в устав, г. Адлер?), — это ли не предел падения «мировой» социал-демократии?

Ф. Адлер представляет собою в его нынешнем состоянии даже не центриста, а пародию на центриста, как и вся современная социал-демократическая «левая». Центризм, конечно, сыграет известную роль и во время новой надвигающейся войны. Но насколько можно предвидеть события, приходится думать, что роль эта будет несравненно меньше, чем в войне 1914—1918 гг. Тогда в громадном большинстве стран оформленных коммунистических партий еще не существовало. Тогда не существовало Коммунистического интернационала; тогда не существовало могущественного пролетарского государства, каким является СССР; тогда рабочий класс не был еще обогащен тем историческим опытом, который он, хотя и очень дорогой ценой, приобрел в самой войне 1914—1918 гг. и в последующее десятилетие; тогда революционные настроения рабочих, полевение тех слоев рабочего класса, которые в начале войны еще шли за официальной социал-демократией, находили себе иногда временное выражение в поддержке центризма; тогда известные слои рабочих, перекочевывая от социал-демократии к коммунизму, нуждались еще в промежуточных станциях, каковыми являлись центристские партии и группы.

За истекшие с 1914 г. 16 лет размежовка произошла достаточно основательно и полно. Теперь существуют два стоящих друг против друга Интернационала, два центра, два полюса. Диференциация «наверху» произошла достаточно резко. Все

---

[1] «Кампф», кн. 8, стр. 364.

«признанные» в 1914 г. вожди центризма — все эти Каутские, Бернштейны, Гильфердинги, Лонге, Пресманы, Макдональды, Бауэры, Криспины, Дитманы, Модильяни, Гриммы, русские меньшевики — все они являются теперь виднейшими лидерами официального большинства с.-д. партий; все они отказались даже от своей центристской мнимо «левизны». В руководящих слоях современной социал-демократии не встретишь даже сколько-нибудь искренних, убежденных социал-пацифистов крупного размаха. Напрасно мы стали бы искать среди современных вождей социал-демократии новых Жоресов или Кейр-Гарди. Вся обстановка сложилась так, что именно руководящие слои социал-демократии стали самыми злостными противниками СССР, самыми нетерпеливыми поджигателями войны против государства пролетарской диктатуры.

В среде буржуазных партий можно еще встретить те или другие группы, которые временно склонны как-будто несколько тормозить войну. Таковы в Польше эндеки, таковы в Германии отдельные деятели католического центра. Конечно, эти буржуазные группы также являются непримиримыми противниками советского строя, но некоторые «солидные» экономические интересы побуждают их проявлять большую осторожность в вопросе о сроках войны. Среди буржуазии можно еще найти ту или другую фракцию, склонную в борьбе против другой фракции буржуазии временно выдвинуть более «миролюбивую» политику против СССР — конечно, на очень короткое время, конечно, не ради подлинного мира, а только ради своих же корыстных интересов. Среди же сколько-нибудь влиятельных руководителей больших с.-д. партий мы такой фракции ныне не найдем. Так называемые левые социал-демократы во всем мире приняли самое горячее участие в «крестовом походе» против СССР, начатом по инициативе папы римского. «Левые» социал-демократы всюду и везде показали себя наиболее лицемерными и потому наиболее вредными врагами революционного движения.

Едва ли в ходе предстоящей новой войны мы увидим образование нового 2½-го, т. е. центристского Интернационала. Руководящие круги II Интернационала и Амстердамского интернационала профсоюзов теперь достаточно «однородны». Рабочие же массы, идущие еще за этими организациями, отшатнувшись от них отчасти в начале войны, а в гораздо большей степени в самом ходе ее, найдут дорогу *прямо* в Коминтерн и в Красный интернационал профсоюзов. Эпизодические центристские образования, конечно, возможны. Отошедшие от

Коминтерна ренегаты и «комцентристы» — как правого, так и «левого» троцкистского толка — быть может, попытаются (и уже пытаются) создать свое «международное» объединение. Чем ближе война против СССР, тем дальше и быстрей отходят от пролетарской революции оппортунистические элементы, в глубине души своей устрашенные именно перспективой предстоящей борьбы не на живот, а на смерть между нами и буржуазией. Эти «наши» «центристы», быть может, объединятся с маленькими группками, которые еще выделятся из верхушек официальной социал-демократии, и образуют нечто вроде промежуточного Интернационала. Скорее это будет Интернационал 2¼-й, а не 2½-й. Роль его в массах будет ничтожна. В ходе событий такая организация будет быстро перемолота между двумя жерновами.

Кто не с нами, тот против нас — более чем когда бы то ни было нам следует теперь руководиться этим правилом.

* * *

Какие же практические лозунги выдвигает Адлер от «своего собственного» имени? «Большевистскую формулу» превращения империалистской войны в войну гражданскую он, разумеется, отвергает. При этом Адлер почему-то считает, что формула эта гласит: превращение войны *народов* в гражданскую войну (der Völkerkriege in den Bürgerkrieg).

Большевистская формула, видите ли, не может иметь значения «единоспасающего рецепта», к тому же она «примитивна». Адлер считает, что «возможны два рода войны. В такой войне, которая будет иметь одну единственную цель — *интересы демократии и социализма,* — Интернационал может принять и *активное* положительное участие. Предпосылкой для этого является совершенно точное постановление Интернационала в целом, тогда и отдельные партии могут сделать войну своим делом»[1].

Таков один род войны. Остается разрешить только «маленький» спор о том — что же именно служит «демократии и социализму». Помнится, что еще в 1914—1918 гг. как раз по этому вопросу и разошлись друзья Адлера. Собственные его величества Вильгельма II «социалисты» считали, что *Германия* ведет войну в интересах социализма и демократии, а *французские и английские* социал-шовинисты держались прямо противоположного мнения. Сам Адлер в качестве при-

[1] «Кампф», кн. 8, стр. 369.

меров привел только войну против Хорти и Муссолини. Но хорошо известно, что влиятельнейшие друзья II Интернационала приравнивают и большевистскую Россию к фашизму. Сколько раз тот же Адлер вместе с другими вождями II Интернационала выносил «резолюции протеста» одновременно против фашизма (с которым, однако, господа социал-демократы великолепно сотрудничают) и против большевизма (против которого с.-д. вожди помогают готовить войну). А русские меньшевики, друзья Адлера по II Интернационалу, разве их главным лозунгом не является «демократическая ликвидация диктатуры в СССР»? Война, ведомая под этим контрреволюционным лозунгом, вполне подходит под тот первый разряд войн, который выдвинул Адлер.

Другой род войны — «это война, которая имеет только *империалистические завоевательные цели.* В ней ни Интернационал, как целое, ни отдельные его партии никогда не могут участвовать активно. Позицию по отношению к такой войне нужно определять, как враждебность войне, *начиная от нейтралитета и кончая саботажем*» [1]. Что это? Как это? Оказывается *в империалистской войне,* — в такой войне, которая, по словам самого Адлера, имеет *только* империалистские завоевательные цели — Интернационал может быть и нейтрален. И что это значит быть нейтральным в *империалистской* войне? Оставаться ни теплым, ни холодным? Предоставить владыкам империализма бросать в огонь миллионы рабочих и миллиарды народных средств? О саботаже сказано, конечно, только для красного словца. Саботаж с.-д. вожди будут применять *по отношению к революционному движению,* а вовсе не к империалистской войне. А «нейтралитета» для господ империалистов на первый случай хватит! «Будут случаи, когда уместнее всего будет именно строгий нейтралитет, но будут и такие случаи, когда лозунг саботажа нужно будет проводить всеми силами. Наконец, будут и случаи, когда из соображений целесообразности — чтобы не дать империалистским правительствам повода для преследования — надо будет оставить открытым вопрос о тех возможностях, какие останутся для с.-д. партий *между* лозунгом нейтралитета и лозунгом саботажа» [2].

Разве это не то, что нужно самым махровым социал-империалистам? Пока война не началась, секретарю II Интерна-

---

[1] «Кампф», кн. 8, стр. 369.
[2] Там же, стр. 369.

ционала можно еще предоставить поболтать о «саботаже» и о богатых возможностях, лежащих «*между* нейтралитетом и саботажем». «Левые» фразы о саботаже, может быть, еще пригодятся как *наживка,* которая поможет поймать некоторые неискушенные слои рабочих. Пусть Адлер пишет о саботаже империалистской войны, — «мы»-то знаем, что весь наш аппарат служит и послужит *саботажу рабочей борьбы.*

«Империалисты обвиняют нас — вас, г. Адлер? — в измене отечеству. В ответ на это интернационализм бросает им (империалистам) *обвинение в предательстве человечества*» [1].

Красиво пишет г. Адлер! Адлер резервирует для II Интернационала роль палладина «человечества». На меньшем он не мирится. Так и сказано: «Все наши силы мы должны употребить на великое дело защиты человечества». Для этого необходимо только одно условие: «Основой нашего действия должна стать такая политика Интернационала, которая даст Интернационалу силу *свободного самоопределения*» [2]. Так и сказано! Этим и заканчивается громадная статья Адлера. Странный Интернационал, который сам еще нуждается в «самоопределении» и — как мы видели выше — нуждается также в «автономии» от Лиги наций! Другими словами, вашему Интернационалу надо еще сначала завоевать *автономию* от буржуазии, *самоопределение* от империалистов. По этому случаю... по этому случаю вы на деле все больше льнете к Лиге наций и привязываете себя к колеснице империалистов.

Ленин требовал на Штутгартском конгрессе II Интернационала (1907 г.), — рассказывает Адлер, — чтобы известная поправка его и Люксембург к резолюции против войны была формулирована так: «Если империалистская война, тем не менее, возникнет, то задачей рабочего класса должно быть: использовать экономический и политический кризис, созданный войной, для того, чтобы поднять массы и добиться «*устранения* капиталистического строя». А мы, — сообщает Адлер,— не приняли этого предложения Ленина и вместо «*устранить* капиталистический строй» написали: «*ускорить* устранение капиталистического строя». И что же? «Ход истории доказал, что Ленин был неправ. Мировая революция не наступила в результате войны. Но большевики и ныне остаются до конца верными этой ошибке Ленина и говорят: то, что не произошло в результате первой войны, произойдет в результате второй

---

1 «Кампф», кн. 8, стр. 370

2 Там же, стр. 370.

войны. Как ни мало мы разделяем это симплистское понимание истории большевиками, мы все-таки должны признать, что одной из коренных причин успеха политики Ленина в России было то, что он ни одной минуты не думал ни о чем другом кроме как о том, чтобы подкараулить (erspähen; это слово можно даже перевести — *вышпионить)* случай для устранения капиталистического порядка»[1].

Часто при чтении разбираемой статьи Адлера невольно спрашиваешь себя, с кем мы имеем дело, — с несколько наивным (выражаясь мягко) политическим птенцом или с прожженным политиком социал-фашизма? Если выразиться грубо: с юродивым или негодяем? В самом деле, что сказать по поводу «социалиста», который ставит в упрек Ленину тот факт, что он в каждую данную минуту думал только о том, чтобы подкараулить возможность низвержения капиталистического строя? А о чем же другом, с вашего позволения, г. Адлер, должен думать подлинный вождь рабочих? О завоевании «автономии» от Лиги наций, что ли?

Адлеровский Интернационал будет «защищать человечество». В случае чего, друзья Адлера займутся даже «саботажем» — после того, как отвоюют себе «автономию» и «самоопределение» от Лиги наций. Адлер осуждает (это, видимо, ему разрешено) поведение II Интернационала во время империалистской войны 1914—1918 гг., но в то же время этот почти святой человек уже сейчас подсказывает софизмы, к которым прибегнет II Интернационал во время новой войны. Интернационал нельзя-де обвинять за то, что он не помешает войне. Что же делать, если для этого «нет еще достаточно сил»[2]. Ну, а если бы — допустим это на одну секунду — ваш Интернационал, г. Адлер, перестав поддерживать Лигу наций, поддержал бы СССР, соединил бы свои усилия с усилиями Коммунистического интернационала? Ведь в этом случае, пожалуй, сил хватило бы.

* * *

У Ф. Адлера на языке не все то, что у подлинных вождей и «практиков» II Интернационала на уме, но кое-что из того, что у этих с.-д. волкодавов на уме, Адлер все же выболтал. Современная австрийская социал-демократия и, во всяком случае, австро-марксистская группа с Отто Бауэром во главе бес-

---

[1] «Кампф», кн. 8, стр. 361.
[2] Там же, стр. 359.

спорно является «левой» группой в руководящих кругах II Интернационала. Адлер причисляет себя к той же группе. Адлер имеет ту заслугу, что во время первой империалистской войны он сделал выстрел в одного из представителей господствующих классов, — выстрел, который мог стать символическим, если бы Адлер сам не поторопился всем своим дальнейшим поведением доказать, что в его лице мы имели дело только со взбесившимся мелкобуржуазным пацифистом. Адлера нельзя назвать продажным человеком, какими сейчас кишмя кишит в верхах всех влиятельных с.-д. партий. И если даже Адлер в свете надвигающихся событий имеет сказать только то, что он сказал в разобранной статье, то это достаточно убедительно говорит о том, какова же будет действительная политика руководящих с.-д. партий, когда грянет новая война.

К первой всемирной империалистской войне II Интернационал шел как-никак с грузом Штутгартской резолюции 1907 г., Базельского манифеста 1912 г., шел, имея в числе своих руководителей таких людей, как Жорес, — все же не чета Носке, Вельсу, Зеверингу, Бонкуру, Макдональду. Теперь II Интернационал идет к новой войне с таким «грузом», как разобранная статья Ф. Адлера, с полной фактической зависимостью II Интернационала от Лиги наций, с отсутствием даже словесных обещаний от подлинных вождей и деляг II Интернационала, которые молчат неспроста, несмотря на увещевания Ф. Адлера[1]. Тогда (в 1914—1918 гг.) дело шло о борьбе только между двумя коалициями империалистских государств. И тем не менее, он запятнал себя самой черной изменой рабочему делу. Чего же ждать теперь, когда действительные вожди социал-демократии не только не берут на себя каких бы то ни было обязательств воспрепятствовать войне против пролетарского государства, но когда сами они являются самыми злостными поджигателями войны против него.

Пьяные от злобы против растущего коммунизма вожди современной социал-демократии даже не пытаются хоть на минуточку задуматься над вопросом о том, что было бы с самой социал-демократией, если бы в самом деле буржуазии удалось в грядущей войне сокрушить Советский союз. А с социал-

[1] Интересно отметить, что несмотря на все призывы Фридриха Адлера, который рассчитывал своей статьей вызвать хоть некоторую дискуссию в рядах II Интернационала, все руководящие органы с.-д. партии сохранили гробовое молчание по поводу этой статьи — хотя со времени ее напечатания прошло уже довольно много времени. Это, конечно, не случайно. Сначала авгуры сговорятся келейно — потом напишут «единогласную» резолюцию.

демократией, несомненно, было бы в этом случае то, что было со многими русскими меньшевиками и эсерами в сибирский период Колчака и в южный период Деникина. Меньшевики и эсеры верой и правдой служили Колчакам и Деникиным; их помощь до поры до времени принималась, их даже допускали в министры и товарищи министров господа Колчаки. Но как только Колчакам удавалось сколько-нибудь прочно — прочность эта оказалась относительной — обосноваться в той или другой части России, они уже начинали накидывать аркан на шею рабочих меньшевиков и эсеров. Так было бы — конечно, в гораздо большем масштабе — если бы соединенным силам мировой буржуазной реакции удалось одолеть Советский союз.

Но так не будет! Не будет не потому, что европейские с.-д. вожди образумятся, а потому что никогда не бывать победе буржуазии над Советским союзом. Современная социал-демократия будет политически ликвидирована победоносной пролетарской революцией. Именно в ходе подготовки войны против СССР (и в ходе самой этой войны) с.-д. партии будут все больше терять в нашу пользу свой рабочий состав. Коммунисты и не думают, разумеется, отождествлять верхние этажи социал-демократии, насквозь контрреволюционные и продажные, с широкими кругами рабочих, входящих еще в с.-д. партии. Резолюция германской компартии вполне справедливо и своевременно указала на то, что, кто не умеет проводить тактики единого фронта *снизу*, кто не умеет делать разницы между рабочими социал-демократами и контрреволюционной верхушкой социал-демократии, тот не умеет проводить политику Коминтерна.

В первой мировой империалистской войне история вначале, казалось, поставила только один вопрос: Германия или Англия? А ответом было: Америка *плюс* победа пролетарской революции на $1/6$ части земного шара. В новой войне мировой буржуазии против СССР на первый взгляд ставится как-будто «только» вопрос: англо-французский империализм или СССР? «Только» этот вопрос! Уж и один он имеет громадную всемирно-историческую важность. Но на деле в этой войне будут решаться еще более грандиозные вопросы. В этой войне решится также вопрос: Коминтерн или II Интернационал — и наверняка решится в пользу Коминтерна. В этой войне «мимоходом» несомненно решится также вопрос о революциях в Китае и Индии. Вы можете быть уверены, господа империалисты и господа социал-демократы, что «побочным» продуком подготовляемой вами войны, во всяком случае, будет

ускорение революции в таких «маленьких» уголках земного шара, как Индия, Китай. Да и американский империализм, самая исполинская капиталистическая сила, в значительной мере являющаяся движущим фактором всей политики современных с.-д. партий, получит в этой войне достаточно чувствительные пробоины. Звезда американского империализма уже начала тускнеть. Недалеко время, когда «мировая» социал-демократия, являющаяся «хвостом» этой кометы, найдет свою окончательную гибель.

XIV. ЧЕМ „ИНТЕРЕСЕН“ СЕЙЧАС РУССКИЙ МЕНЬШЕВИЗМ.

Было время в начале Февральской революции, когда российский меньшевизм был «интересен» тем, что отражал взгляды и настроения довольно широких кругов городской мелкой буржуазии, служилой интеллигенции, буржуазного комсостава армии и, главное, довольно значительных еще тогда кругов не освободившихся от мелкобуржуазных взглядов рабочих. Пролетарская революция растерла российский меньшевизм в порошок. О каком бы то ни было массовом влиянии меньшевиков среди рабочих СССР сейчас смешно и говорить. У меньшевиков не осталось или почти не осталось никаких или почти никаких связей с российским пролетариатом. Его связи с мелкобуржуазными слоями населения в СССР теперь тоже минимальны — хотя нельзя отрицать того, что «идеология» меньшевизма имеет еще известное «хождение» среди этих слоев. Факты доказали, что в «идейном» обиходе вредительства меньшевизму всегда отводится должное место, как «законному оттенку» в рядах контрреволюции. Факты доказали и еще докажут, что в любом контрреволюционном заговоре против российского пролетариата и его партии — начиная от июльских дней 1917 г. и объявления Ленина «германским шпионом» и кончая заговорами вредителей и интервенционистов самого последнего времени — меньшевизму всегда и неизменно принадлежит одна из выдающихся ролей.

Ленин писал, что класс эксплоататоров не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата. «Эксплоататоры разбиты, но не уничтожены. У них осталась международная база — международный капитал, отделением коего они являются. У них . . . остались деньги, остались громадные общественные связи . . . их значение несравненно больше, чем доля их в общем числе населения» [1]. Нынешнее политическое существование русских меньшевиков — прекрасная иллюстрация

---

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. XVI, стр. 354.

к этому положению. В современной белой эмиграции мы видим все оттенки контрреволюции, все цвета контрреволюционной радуги. Но наиболее «ценным» для мировой буржуазии отрядиком, пожалуй, все же является в *данное* время «штаб меньшевиков. Его реальные связи с СССР очень невелики. Но это самый опытный, самый искушенный, вышколенный, «реалистически» мыслящий и вместе с тем «эластичный» отрядик буржуазной контрреволюции. То, что эти люди когда-то имели какое-то отношение к марксизму, к рабочему классу, делает их особенно ценными для буржуазии сейчас. Они — суррогат того, чем являются массовые социал-фашистские партии на Западе. Плоховатый суррогат, но — ведь у буржуазии нет выбора. Вот и получается, что значение *(контрреволюционное* значение) русских меньшевиков сейчас несравненно больше, чем доля их в общем числе населения. Ибо у русских меньшевиков осталась пока еще международная база: это международный капитал, отделением коего они являются.

Русские меньшевики — даже в их теперешнем виде, т. е. разбитые и изгнанные победоносным пролетариатом из СССР — все еще ценны для мировой буржуазии. Поэтому она щедро оплачивает их — сейчас преимущественно через германскую социал-демократию, — помогает им держать некоторые связи в СССР, создает им довольно «влиятельное» положение во II Интернационале и т. п. Бросается в глаза, что русские меньшевики в самом деле имеют довольно влиятельное положение в нынешнем II Интернационале. С одной стороны, заграничный штаб меньшевиков — простые приживалы германской социал-демократии. С другой — члены этого штаба нередко выступают с важными докладами на конгрессах и совещаниях всего II Интернационала, пишут для него резолюции и декларации, шумят во всех руководящих органах с.-д. прессы. И к ним до известной степени прислушиваются в соответствующих «сферах». Ведь как-никак в глазах вождей II Интернационала они единственные «представители России», специалисты и «знатоки» «русского» вопроса. Из всех групп контрреволюционной эмиграции меньшевики в глазах вождей международного социал-фашизма все еще представляют наиболее «осведомленных» и умудренных опытом «гидов» и советчиков. А стало быть в известной мере — и для лагеря империализма, который уже давно не может править, не опираясь на II Интернационал. «Русская» проблема так неприятна и так ... трудна, что даже нынешний ЦК меньшевиков кажется такой подсобной силой, которой нельзя брезговать. В этом,

между прочим, находит себе косвенное выражение мощь пролетарской революции в СССР.

Вот чем «интересны» сейчас русские меньшевики мировому капиталу и его II Интернационалу.

Ну, а чем сейчас «интересен» русский меньшевизм нам, лагерю пролетарской революции?

Прежде всего тем, что меньшевистский штаб сейчас хорошо и удобно расположился в таком месте, откуда ему особенно легко улавливать «русские» планы империалистов и их слуг, особенно удобны сношения со слугами, а подчас и с вождями капиталистического мира. Тем, что меньшевистский штаб сейчас, как выражаются французы, bien placé, т. е. хорошо помещен, находится в таком географическом и политическом пункте Европы, где имеет возможность быть интимно осведомлен в особо щекотливых вопросах, связанных с «русской» проблемой.

В самом деле! Меньшевистский штаб живет и работает в Берлине в тесном контакте не с рядовыми рабочими социал-демократами, а с наиболее выдающимися «теоретиками» и главное *практиками* ЦК германской социал-демократии, этой и поныне одной из самых влиятельных партий международного социал-фашизма, особенно «заинтересованной» в борьбе со «своими» коммунистами, одним из наиболее сильных отрядов Коминтерна. Вчерашние и сегодняшние германские с.-д. министры, бывшие премьеры, послы в Лигу наций, дипломаты, вожди парламентской с.-д. фракции, от которых и ныне «зависит» правительство Брюнинга — все эти Зеверинги, Гильфердинги, Брейтшейды, Мюллеры, Вельсы, Брауны, Герзинги,—кое-что знают о реальных планах своей собственной и иностранной буржуазии. В частности — о планах по отношению к СССР. Всем им одинаково глаза колет «русская проблема» — с ее пятилеткой (да еще в четыре года), с ликвидацией безработицы, с успешным строительством социализма, с объединением вокруг СССР всего международного пролетарского авангарда и революционно-освободительных движений Востока. Разве Гильфердинги и Брейтшейды имеют недостаточный контакт с немецкими и иностранными банковскими и промышленными кругами, с именитыми американскими путешественниками, наблюдателями, контролерами, заправилами французской политики и т. д.? Разве вожди германской социал-демократии не имеют доступа в салоны, за кулисы к влиятельным кругам, где услышишь самые достоверные сведения о советском демпинге, о тайных договорах и соглашениях против СССР, о зай-

мах под русскую проблему, о вооружениях, — словом, о подлинных планах, направленных против ненавистной диктатуры пролетариата в СССР?

А в Лондоне «товарищ» Гендерсон (недавний председатель II Интернационала) тоже ведь сидит на хорошем месте, он тоже bien placé. Он и Макдональд состоят как раз на таких должностях, которые дают им возможность многое знать о подлинных планах против СССР и даже о некоторых сроках. Они состоят ныне в постоянной повседневной связи с теми, кто реально определяет иностранную политику империалистской Англии. К тому же «товарищ» Гендерсон частенько видается с Брианом. Он недавно еще вновь посетил столицу Франции. Через этих вождей II Интернационала русские меньшевики недурно осведомлены о том, что готовится против СССР.

А в Париже живут и трудятся «товарищи» Поль Бонкур, Ренодель, Леон Блюм и другие почти «министры-социалисты». А около них «работают» Грумбахи — свои люди у Брианов и Тардье. А эти последние тесно связаны с Пуанкаре. И уж, конечно, вожди французского «социализма» — вслед за своей буржуазией — считают сейчас русскую проблему главной. И вот все они желают знать просвещенное мнение русских меньшевиков — «экспертов» по вопросам русской революции. И все они, со своей стороны, дают информацию, «ориентацию», а подчас и прямую инструкцию меньшевистскому штабу.

Прибавьте к этому г. Вандервельде в Бельгии! Прибавьте польских «товарищей» из ППС, латвийских с.-д. министров и почти министров, балканских дипломатов-«социалистов» (в особенности румынских). Вспомните, что и с вождями Американской федерации труда — шайка наиболее непримиримых врагов СССР в США — меньшевистскому штабу нетрудно добиться интимных связей. Вспомните о министериабельных «социалистах» в Чехо-Словакии, в Скандинавских странах, в Финляндии. Имея все эти связи и «ориентировку», меньшевистскому центру нетрудно уж определить «свою» линию поведения и передать ее московским единомышленникам.

Вот чем прежде всего «интересны» для нас сейчас русские меньшевики. Если они сейчас бросились в практическую подготовку интервенции, то это симптом, не лишенный важности. Их «источник вдохновения» — Берлин, Париж, Лондон. Они хорошо знают, чего хотят хозяева...

Конечно, русские меньшевики отлично понимают, что интервенция — это тема опасная. Проповедывать ее пока можно только глубоко конспиративно. Выговорить вслух слово

«интервенция» на одну минуту раньше того, когда это будет можно, — да лучше откусить себе язык! Ведь и Милюков вынужден божиться, что он «против» интервенции. Понятно, что и Дан с Абрамовичем тоже сейчас божатся. Но — где же те простаки, которые поверят им на слово?

«Может ли быть», чтобы Дан и Абрамович участвовали в интервенционистских планах? Вопрос поставлен неправильно. Может ли быть, чтобы они *не* участвовали в этих планах — вот как стоит вопрос. Да разве в первой интервенции не участвовали русские меньшевики и эсеры, французские и английские «социалисты», финляндская социал-демократия, украинские социал-демократы и эсеры, германская социал-демократия, ППС, — словом, весь II Интернационал? Да разве не знаем мы, что даже такие меньшевики, как Плеханов, уже в начале Февральской революции вступал в переговоры с адмиралом Колчаком, благословлял его на борьбу против большевиков [1] ставил ставку на вмешательство «западных демократий»? Что

---

[1] Существует книга «Допрос Колчака» (Центрархив. 1925 г., Гиз). Это стенограмма допроса Колчака, составляющая 230 страниц текста. Колчак давал показания в Чрезвычайной следственной комиссии, в которой кроме большевиков участвовали: меньшевик Денике и правые эсеры Лукьянчиков и Алексеевский. (Дело было в Иркутске в конце января 1920 г., в переходный для Сибири момент). Пространно рассказывая свою автобиографию, Колчак сообщает о свидании с Плехановым в конце апреля 1917 г. в Петрограде. Вот что он говорит:

«Около 20-х чисел апреля я приезжал в Петроград. Прежде всего я явился к Гучкову... Родзянко предложил мне поехать к Плеханову... Я поехал к Плеханову, изложил ему создавшееся положение и сказал, что надо бороться с совершенно открытой и явной работой разложения, которая ведется (имеется в виду работа большевиков в черноморском флоте) и что поэтому я обращаюсь к нему, как к главе или лицу, известному с.-д. партии, с просьбой помочь мне» и т. д.... Плеханов в разговоре со мной сказал такую фразу: «Отказаться от Дарданелл и Босфора — все равно, что жить с горлом, зажатым чужими руками. Я считаю — без этого Россия никогда не в состоянии будет жить так, как она хотела бы» Плеханов критиковал Временное пр-во за «слабость». «Как раз в этот день около 4 часов было назначено заседание правительства на квартире Гучкова, на Мойке. Плеханов заметил, что это выступление (готовившаяся демонстрация против Временного пр-ва с требованием удаления Милюкова и др.) будет пробой правительства — раз правительство не будет в состоянии справиться с выступившими против него, то какое же это правительство»... «От Плеханова я отправился прямо на совещание совета министров, которое происходило на Мойке, в квартире Гучкова... Перед концом заседания прибыл ген. Корнилов... Керенский обратился ко мне и спросил: «как у вас в Черном море?» Я сказал, что дело

же говорить о штабе меньшевиков в его теперешнем составе и в теперешней обстановке!

Дан и Абрамович почтительно «полемизируют» с Каутским по поводу его последнего погромного «сочинения» «Большевизм в тупике». На деле здесь — простое разделение ролей. Именно Каутский — ему-то это всего удобнее — высказывает подлинные мысли меньшевиков. Его последняя работа целиком построена на *их* «информации», *их* «материалах», *их* идеях. Да и из самой полемики ясно, что подлинные надежды меньшевиков связаны именно с интервенцией. Других надежд просто не осталось.

Судебный процесс над меньшевиками-интервенционистами является процессом над одним из наиболее «бойких» и ценных для мирового империализма отрядов II Интернационала. Он более всего интересен тем, что пролил яркий свет на истинные планы этого последнего. Но он, конечно, не менее интересен и тем, что показал, реальную роль «отечественных» меньшевиков в заговорах вредителей. Вредительство тоже не с неба свалилось. Оно есть законное дитя всей борьбы мировой буржуазии и социал-фашизма против идущей вперед и сметающей на своем пути все препятствия пролетарской революции. Сравните «эпоху» саботажа, открыто объявленного нам в начале Октябрьской революции, с нынешним тайным вредительством. Тогда как-никак некоторое открытое действие,

---

идет все хуже и хуже, сообщил ему, что я был у Плеханова» и т. д. («Допрос Колчака», стр. 56—61).

Кое в чем, видимо, Плеханов помог тогда Колчаку. Во всяком случае, он следил с симпатией за дальнейшей «просвещенной» деятельностью Колчака в черноморском флоте. 20 мая 1917 г. Плеханов в своей газете «Единство» посвящает специальную статью тому «радостному» факту, что адм. Колчак остается начальником черноморского флота. Статья называется: «Адмирал Колчак остается на своем месте». В ней Плеханов с восторгом цитирует слова «председателя черноморской делегации» Баткина, заявляющего: «Уважаемый всеми адм. Колчак, по-старому наш любимый начальник, опирается на наше доверие и знает, что за ним мы смело пойдем на врага свободы нашей горячо любимой родины». (*Г. В. Плеханов,* Год на родине, т. I, 123).

С такой же нескрываемой симпатией Плеханов относился в 1917 г. к другому не менее «яркому» представителю интервенционизма — к Савинкову. Когда Керенский поссорился с Савинковым и принял отставку последнего (Савинков был тогда управляющим военным мин-ством), Плеханов посвятил этому событию статью, которая кончалась словами: «Отставка Б. В. Савинкова принята. Большое несчастье случилось! Как рад будет Гинденбург!» (Там же, т. II, стр. 94.)

рассчитанное на участие более или менее широких слоев служащих, буржуазной интеллигенции и т. п. А теперь? Разве не ясно, что мы имеем дело с силой *нисходящей,* издыхающей, находящейся у последней черты, прибегающей к столь гнусным средствам потому, что других у нее не осталось вовсе? Вредительство есть исторически *запоздалый* заговор буржуазии, хотя ущерб, который оно принесло нашему хозяйству, очень чувствителен. Буржуазия *запоздала.* Вреда принести она может еще много, но сорвать победу социалистического строительства в СССР она уже не сможет.

Задача коммунистов заключается не только в том, чтобы международное положение правильно *анализировать,* но и в том, чтобы его по возможности *изменять* — в пользу пролетариата. Наша партия и ее ЦК в достаточной мере доказали, что они умеют делать и то и другое. Великое социалистическое строительство в СССР, работа Коминтерна, революционно-освободительные движения во всем мире, растущая мощь Красной армии — вот крупнейшие гири на чаше весов «международного положения». Судебные процессы над Промпартией и над меньшевиками-интервенционистами не мало посодействовали не только правильному *освещению* международного положения, но и известному его *изменению в пользу пролетариата.* Рабочие всего мира должны узнать и узнают роль вождей II Интернационала в деле подготовки военной интервенции против государства пролетарской диктатуры. Сорвать маску с интервенционистов из лагеря II Интернационала означает нанести серьезный удар самой интервенции.

XV. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИЗМА.

«Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 гг. была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее *начального* этапа в несколько дней, вторая революция... Эта восьмидневная (Февральско-мартовская 1917 г.) революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций... Этим всесильным «режиссером», этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистская война» [1].

Так оценивал Ленин Февральскую революцию по свежим следам событий в первом из знаменитых «Писем издалека».

«Если революция (март 1917 г.) победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд — «радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились *совершенно различные* потоки, *совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти *в интересах продолжения империалистской войны,* в интересах еще более ярого и упорного ведения ее... а с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное движение революционного характера за *хлеб,* за *мир,* за *настоящую свободу*... Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал совсем готовое новое правительство, которое и захватило власть» [2].

---

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. XX, стр. 13—14, нов. изд.
[2] Там же, стр. 16—17, нов. изд.

Действительно, это вышло очень оригинально. В 1905 г. желание подавить революцию в России, смертельная боязнь, как бы революция эта не перенеслась на Запад, привели мировую и в частности западно-европейскую буржуазию к тому, что она помогла царю быстрее и на сравнительно «почетных» условиях *закончить* русско-японскую войну. А в 1917 г. желание во что бы то ни стало *продолжать* столь затянувшуюся и обострившуюся всемирно-империалистскую бойню привело англо-французскую буржуазию к политике свержения царизма, к способствованию революции, которая, конечно, по ее расчетам должна была оставаться в рамках «обычной» буржуазной революции. В 1905—1906 гг. западноевропейская буржуазия спасала царизм, принимая все меры к тому, чтобы помочь ему скорее *прикончить русскую революцию.* В 1916—1917 гг. англо-французская буржуазия *помогала революции разродиться,* ставя себе целью во что бы то ни стало продолжить войну. Один раз желание продолжить войну (март 1917 г.) ускорило буржуазную революцию в России. Другой раз то же желание во что бы то ни стало продолжить войну (июль — сентябрь 1917 г.) привело к ускорению пролетарской революции в России.

«Своеобразие положения — в том, что гучковско-милюковское правительство одержало первую победу необыкновенно легко в силу трех следующих главнейших обстоятельств: 1) помощь англо-французского финансового капитала и его агентов; 2) помощь части верхних слоев армии; 3) готовая организация всей русской буржуазии в земских, городских учреждениях, Государственной думе, военно-промышленных комитетах и проч.» [1].

На первое место Ленин ставит помощь англо-французского финансового капитала и его агентов. Когда Ленин писал эти слова, дипломатические архивы царского правительства еще не были опубликованы. Ленин не мог знать еще того, что сообщил в 1927 г. в своей истории революции «сам» Милюков. А Милюков в этой истории рассказывает следующее. 18 августа 1916 г. по поводу назначения Штюрмера Бьюкенен писал своему правительству: «Если государь и впредь будет держать своих реакционных советников, я боюсь, что революция неизбежна». 18 октября в Могилеве Бьюкенен вторично вернулся в разговоре с царем к теме о «сильном недовольстве во всей стране», о том, что рабочие бастуют, а крестьяне «начи-

---

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. XX, стр. 32, нов. изд.

нают терять веру в непогрешимость государя, и самодержавие дискредитируется». Наконец, в январе 1917 г., «не желая ждать событий, не сделав последнего усилия», Бьюкенен просил у своего правительства специального разрешения на разговор с царем и 12 января был принят, но стоя, в приемной, вместо кабинета: очевидно, царь знал о цели визита. Примером Англии Бьюкенен старался объяснить царю важность не только коллективного фронта союзников для победы, но и «солидарности между всеми классами» в каждой стране. «Я сказал ему, — вспоминает Бьюкенен, — что теперь между ним и его народом образовалась непреодолимая преграда и, если Россия объединена, то лишь в *оппозиции* против его теперешней политики».

Николай, после попыток оправдаться, дал Бьюкенену классический ответ. «Выпрямившись и твердо взглянув на меня, государь сказал: «Думаете ли вы, что *я* должен заслужить доверие моего народа или что *он должен снова заслужить мое доверие?*». Бьюкенену оставалось только уподобить царя человеку, который идет ночью через лес к пропасти, и извинить свое нарушение дипломатической корректности тем, что дело идет о безопасности самого царя и тех, кто ему дорог. Бьюкенен предсказал царю, что «в случае революции он может рассчитывать только на незначительную горсточку солдат для защиты династии», так как народ и армия представляют одно целое. Даже и это предсказание, как известно, оказалось чересчур оптимистическим», — заключает Милюков [1].

Политики английской буржуазии, в том числе и Бьюкенен, конечно, считали и считают себя архиреальными политиками. Они воображали, что революция в России *поможет* им в деле продолжения империалистской войны. Они серьезно носились с той утопией, что русская революция несколько изменит только внутреннюю политику в России, *оставив в силе прежнюю иностранную политику.* С этой же утопией носились и мнившие себя реальными политиками вожди русской буржуазии, Милюков, Львов и К°. В специальной декларации к иностранным державам новый министр иностранных дел г. Милюков в начале Февральской революции заявил буквально: все договоры, заключенные старым режимом с иностранными государствами, новое русское правительство выполнит свято. Всю эту «реальную» политику поддерживали вожди меньшевиков и эсеров — русские и «международные».

---

[1] *П. Милюков,* Россия на переломе, т. I, стр. 25—26.

Но все эти хваленые реальные политики просчитались. Ход революции растрепал их утопию в клочья. Все буржуазные правительства, промелькнувшие перед нами с февраля по октябрь 1917 г., одинаково стояли на точке зрения продолжения войны. Все они были в области внешней политики проводниками и выполнителями воли англо-французского империализма. Но народные массы, даже идя в течение первых месяцев Февральской революции за эсерами и меньшевиками, продолжения войны не хотели. Советы рабочих и солдатских депутатов, даже когда они шли за эсерами и меньшевиками, вызывали большую тревогу англо-французских империалистов.

«Мы не понимаем, — писал орган французского правительства «Тан» 9 марта 1917 г., — по какому праву 1600 делегатов от рабочих и солдат собрались в Таврический дворец и оттуда диктуют решения. Не этот ли импровизированный митинг может играть роль правительства? Английская пресса сделала вчера первое предостережение, мы повторяем его со всей настойчивостью. Ибо если русская революция выродится в пародию, скомпрометировано будет все будущее России и вся ее свобода».

Но скоро англо-французским империалистам пришлось убедиться в том, что дело русской свободы находится совсем в других руках, нежели они рассчитывали, что под руководством большевиков Советы уже не «импровизированные митинги», а власть, и притом крепчайшая.

В течение двенадцати лет Россия пережила три революции: одну в 1905 г., две — в 1917 г. Революция 1905 г., не дойдя до победы, не смогла обнаружить перед всем миром, какую именно новую международную политику поведет она. Первая революция 1917 г. (буржуазная) в основном пыталась продолжать старую внешнюю политику царской России — хотя и на буржуазный лад. Только Октябрьская революция 1917 г. показала всему миру, что такое внешняя политика пролетариата, *что такое международная политика большевизма.*

Международная политика большевизма зиждется на гранитной научной основе марксизма-ленинизма. Международная политика большевизма теснейшим образом связана с учением Ленина об империализме, с его же учением по национальному вопросу, с его же теорией пролетарской революции, — словом, со всем учением Маркса и Ленина. Вы хотите знать, что такое диктатура пролетариата? Посмотрите на Парижскую коммуну, — говорили в свое время Маркс и Энгельс. Вы хотите знать, что такое международная политика пролетариата? По-

смотрите на международную политику большевизма в 1917—1931 гг., — могут сказать ученики Маркса и Ленина. Только марксистско-ленинская, строго-научная революционная международная политика помогла большевизму провести первое пролетарское государство в течение тринадцати лет через все громадные трудности — через Брест, через блокаду, через войну, объявленную Советскому государству семнадцатью державами, — словом, через все те трудности, которые достаточно известны.

Установка Ленина и в революции 1905 г. была установкой международного пролетарского революционера. Когда Плеханов, в связи с обсуждением аграрного вопроса, пытался в 1905—1906 гг. пугать опасностью реставрации, Ленин отвечал на это:

«Мы не в состоянии по своему желанию вызвать социалистический переворот на Западе, — *эту единственную абсолютную гарантию от реставрации в России* (курсив наш. — *Г. З.*). Относительной же и условной «гарантией», т. е. возможно большим затруднением реставрации, является возможно более глубокое, последовательное, решительное проведение революционного переворота в России»[1].

Мы говорили выше о том, какого хода русской и мировой революции ожидали Маркс и Энгельс и какой вариант получился в действительности. Они (Маркс и Энгельс) говорили: француз начнет, а немец доделает. Француз начнет потому, что в течение десятилетий революции он выработал в себе тот беззаветный почин в революционном действии, который сделал из него авангард социалистической революции.

«Мы видим теперь, — говорил Ленин, — иное сочетание сил международного социализма... Дела сложились иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс: они дали нам, русским трудящимся и эксплоатируемым классам, почетную роль авангарда международной социалистической революции, и мы теперь ясно видим, как пойдет дальше развитие: русский начал — немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит»[2].

Русский начал, китаец, индус срывают с себя цепи и вливаются в общие ряды революции, немец, француз, англичанин доделают, и социализм победит... Западноевропейскому пролетариату труднее начать, но будет легче продолжить. «Немцу», французу, англичанину» труднее вырвать власть у «своих»

---

[1] *Ленин,* Избранные произведения, т. II, стр. 155.
[2] *Ленин,* Собр. соч., т. XV, стр. 87—88.

капиталистов, но после того, как они эту первую победу одержат, им будет легче социализм строить.

Как раз к 25-летней годовщине 1905 г. экономический кризис в капиталистическом мире достиг необычайных размеров. В 1931 г. в ряде капиталистических стран экономический кризис перерастает уже в кризис политический. Такие страны, как Германия и Польша, стоят на пороге общенационального кризиса. Социал-фашизм расчищает путь для наступления открытого фашизма. Класс стоит против класса.

Но «это значит, во-первых, что буржуазия будет искать выхода из положения в дальнейшей фашизации в области внутренней политики, используя для этой цели все реакционные силы, в том числе и социал-демократию. Это значит, во-вторых, что буржуазия будет искать выхода в новой империалистской войне и интервенции в области внешней политики. Это значит, наконец, что пролетариат, борясь с капиталистической эксплоатацией и военной опасностью, будет искать выхода в революции»[1].

Первая большевистская революция, — говорит в одном месте Ленин, — вырвала в 1917 г. из огня всемирной империалистской войны, спасла от ужасов империалистской бойни первую сотню миллионов людей. Величайшая из «амбиций» мирового большевизма заключается в том, чтобы «сэкономить» человечеству дальнейшие мировые бойни, т. е. путем революции добиться того, чтобы буржуазия не могла больше бросить человечество в новые империалистские войны. Одна победоносная революция, которая предотвратит одну большую империалистскую войну, сразу наверстала бы все «расходы», связанные с пролетарскими революциями во всем мире: «расходы» и людьми и материальными богатствами. Вот о чем мечтают «варвары»-большевики, «диктаторы»-коммунисты! Вот почему они вправе претендовать на то, чтобы все честное в международном пролетариате и в мировом освободительном движении вообще оказало беззаветную поддержку СССР — оплоту мира, Коммунистическому интернационалу, — коллективному организатору пролетарской революции, имеющей одной из своих задач предотвратить дальнейшие войны. Коммунистический интернационал родился из мировой империалистской войны для того, чтобы через революцию пролетариата не допустить в дальнейшем новых империалистских войн. Это не парадокс,

---

[1] *Сталин,* Речь на XVI партсъезде, Стеногр. отчет, стр. 22—23.

это живая диалектика истории, это марксизм-ленинизм в действии.

Но, конечно, Коминтерн обязан готовиться и к худшему варианту. Новые пролетарские революции *возможны* и без новых войн. Но новые империалистские войны будут невозможны без новых пролетарских революций.

Мировая буржуазия знает, что она играет с огнем. Она поэтому после первой интервенции рискнула не сразу, а тщательно «готовиться» к новым войнам. Коминтерн обязан зорко следить за каждым движением ее рук и быть готовым именно к тому, что империалистам *удастся* вызвать новую войну.

Империализм бесспорно ведет человечество к *новому циклу войн.* Ленин считал, что Советскому союзу придется пройти через второй цикл войн, в котором будут решаться заново судьбы советской власти в России. II Интернационал — в лице его официального руководства — бесспорно окажется в этом случае в лагере буржуазии. Коммунистическому интернационалу предстоит в огне грозных событий вновь и вновь доказать, что он один является пролетарским Интернационалом. Пролетарская диктатура в СССР и весь Коминтерн должны доказать всему миру, что они сделают все, чтобы *предотвратить* новую империалистскую войну, а если она все же возникнет — чтобы превратить ее в войну гражданскую.

Целью международной политики мирового большевизма является создание Международного союза советских республик. Между 1905 и 1931 г. лежит всего одна четверть века. Если события будут развиваться хотя бы с такой только быстротой, как они развивались между 1905 и 1930 гг., то для создания Международного союза советских республик потребуется еще срок, во всяком случае, не больший.

Марксизм учит тому, что в современной войне экономическая организация имеет решающее значение. Ленин писал: «Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792—1793 гг. Но забывают о материальных историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными... Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования»[1]. Именно отсюда вытекает великий лозунг В. И., осуществляемый теперь нашей партией: «либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *экономи-*

---

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 211, 212.

чески». Это крепко усвоила наша партия. Именно этим духом проникнуты, в частности, решения ее XVI съезда. Это доказано всеми великими работами под лозунгом: пятилетка в 4 года.

Когда ЦК нашей партии говорит[1]: «Ни одной пяди чужой земли мы не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому», — эти слова безусловно выражают мысли и чувства всего пролетариата СССР, всей колхозной России, огромных масс крестьянства, — всего, что есть честного среди интеллигенции, всех трудящихся СССР, всех передовиков международного рабочего класса и трудящихся колониальных и полуколониальных народов.

Это не преувеличение. Это факт. Международная политика советской власти, международная политика большевизма имеет особенно безраздельную поддержку и особенно широкое признание среди трудящихся всего мира.

* * *

Чтобы закончить — приведем здесь два недавно попавшихся нам на глаза отзыва врагов. Дело идет о врагах лютых, о ненавистниках большевизма самых оголтелых, дело идет о наиболее близких друзьях русских меньшевиков. Мы имеем в виду теоретический орган II Интернационала «Die Gesellschaft» (редактор — Гильфердинг) и центральный орган австрийских с.-д. «Венская рабочая газета».

В журнале Гильфердинга недавно (окт. 1930 г.) помещена статья «Коммунизм в Италии». Автор — старый каутскианец Ода Ольберг, один из виднейших членов «объединенной» итальянской Социалистической партии. Автор пишет:

— «Недавно в партийной прессе было напечатано, что в одном небольшом итальянском городе коммунисты имеют 2.000 организованных членов. Если учесть, что понятие организованности у нас достаточно расплывчато, то такими цифрами будет определяться положение вещей в очень многих городах Италии — в особенности в небольших городах на северо-востоке Италии. Во многих городах количество коммунистов сейчас больше, чем оно было до победы фашизма. Этому не приходится удивляться, но об этом нельзя забывать»[2].

Чем же объясняет г. Ода Ольберг такой печальный для с.-д. факт?

---

[1] См. политотчет на XVI съезде.
[2] «Die Gesellschaft», 352—353.

— «В странах, лишенных гражданских свобод, коммунисты имеют большое преимущество перед нами (т. е. перед с.-д. партией). Они поощряют всякую форму возмущения (Rebellion) и отожествляют себя с ним» (353). Коммунисты не щадят себя. Они первые бросаются в борьбу. Когда этого требует пролетарский интерес, они жертвуют собой не раздумывая. «Гигантская пропагандистская сила самопожертвования — вот что помогает коммунистам», — меланхолически констатирует Ода Ольберг (353). «Коммунисты больше всех жертвуют собой и это дает им бо́льшую притягательную силу, чем имеет социалистическая партия» (354). «В Италии в борьбе с фашизмом ныне жертвуют собой больше всего во имя коммунизма» (353).

«Однако, если коммунизм и больше нежели социализм отвечает психологии бесправных масс, то из этого вовсе еще не следует, что коммунисты вернее всех указывают путь победы над бесправием. Если бы мы поверили в это последнее, нам, как с.-д. партии, осталось бы только прекратить свое существование» (355).

Это достаточно красноречиво. Комментарии излишни.

А вот другая статья. Она озаглавлена: «Коммунизм и социал-демократия в Болгарии» (без подписи, помечена: София, начало апреля 1931 г). Статья эта помещена в венской «Арбейтер цейтунг», органе австрийских социал-фашистов (№ 95). В ней читаем:

— «Коммунизм в Болгарии распространился (после Октябрьской революции в России) как новая религия». Следует очерк развития классовой борьбы в Болгарии до победы фашизма. На коммунистов в последние годы обрушены были чрезвычайные преследования. «Однако уничтожить коммунизм не удалось. Нелегально возникали все новые и новые тайные организации. В конце концов, правительство не смогло помешать возникновению «Рабочей партии», которая должна была заменить собою старую Коммунистическую партию. Постоянный террор еще удерживает рабочих и крестьян от вступления в эту партию. Но массовые симпатии в ней сказываются во время выборов. Кроме легальной организации существуют также нелегальные, большей частью комсомольские организации, время от времени обнаруживаемые полицией... Коммунистическая пресса в Болгарии конкурирует с буржуазной: выходят ежедневные газеты, еженедельники, журналы, брошюры. Коммунизм в Болгарии обнаруживает изумительную силу сопротивления: мы имеем здесь дело с упорством массо-

вого гипноза, который не исчезнет до тех пор, пока не исчезнет слепая экономическая политика болгарского правительства, до тех пор, пока тяготы репараций и мирового кризиса держат народные массы в нищете... Коммунизм в Болгарии был и остается движением, чуждым реализму, движением почти религиозным. Как всякое подобное движение, коммунизм питает веру в некую сверхестественную силу, которая каким-то чудом спасет народ от страданий. В данном случае прибежищем является русская революция, которая согласно коммунистическим представлениям должна освободить все угнетенные народы от их внутренних и внешних угнетателей. Народ верит не только в то, что русские братья придут и освободят его, но и в то, что достаточно победить буржуазию, провозгласить Коммуну — и тогда сразу страданиям и нищете конец... Болгарская социал-демократия не может в последнее время похвастаться особыми успехами».

Этот отзыв врага тоже не нуждается в пояснениях...

Никто не скажет, что в современной фашистской Италии и в нынешней цанковской Болгарии условия работы для коммунистов особенно благоприятны. Наоборот! Внешняя обстановка для наших товарищей здесь исключительно трудна. И все-таки, *такие два* признания в органах злейших врагов! Эти признания чего-нибудь да стоят!

«Религией» называют это боевое большевистское настроение рабочих господа с.-д. вожди. На съезде независимых с.-д. в Галле (1920 г.) Л. Мартов — признанный идейный вождь русского и международного меньшевизма — тоже говорил о том, что большевизму помогает «наивная, религиозная вера масс в немедленную победу социализма».

То, что господа меньшевики называют «гипнозом» и «религией масс», есть на деле беззаветная решимость нашего класса подняться, чтобы покончить с капиталистической каторгой, готовность пойти на какие угодно жертвы, чтобы уничтожить ненавистную власть капитала.

Какую великую силу представляют собою рабочие массы, воодушевленные такой решимостью и руководимые большевистской партией — это показал Октябрь 1917 г. Какую могучую непобедимую силу представляет собою «скрытый социализм масс», когда он реализован, когда массы скинули ярмо капитализма и сорганизовались под ленинским знаменем для свободного социалистического труда — это показали все 13 лет существования СССР.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абдул Гамид 56.
Абрамович 12, 112, 198, 199.
Адлер, Фридрих 3, 4, 111, 112, 121, 135—145, 147—153, 155—157, 163—166, 168, 170—172, 174—177, 180—185, 187—191.
Аксельрод П. Б. 36, 69, 96—98, 100, 101, 103, 106.
Александр III 23.
Алексинский 94—96, 101.
Ауэр, Игнатий 71, 73.

Бауэр 112, 122, 123, 129, 143, 176, 177, 183, 186, 190.
Бебель 11, 12, 47, 68, 71—75.
Беккер 47.
Бермонт 120.
Бернштейн 97, 98, 182, 186.
Блюм Леон 178, 197.
Боголепов 116.
Болдуин 10, 170.
Бонкур 155, 178, 179, 191, 197.
Бородин 123.
Браун 196.
Брейтшейд 196.
Брентано 48.
Бриан 122, 197.
Брюнинг 162, 196.
Бьюкенен 202, 203.

Вандервельде 12, 64, 91, 92, 95, 97, 106, 111, 112, 120, 155, 197.
Вельс 191, 196.
Вильгельм II 11, 23—27, 31, 59, 128, 129.
Витте 27, 30, 31.
Врангель 119, 121.

Гайндман 39.
Галифэ 144, 169.
Гарви 112, 123.
Гарди 186.
Гэд 39, 86, 91, 97, 129.
Гейне 88, 93.
Гендерсон 130, 145, 197.
Герзинг 196.
Гильфердинг 12, 54, 112, 167, 186, 196, 208.
Гинденбург 121, 199.
Гиппиус 116.
Гольдшейд 14.
Гоэн 13.
Гофман 80.
Гримм 186.
Грумбах 197.
Грюн 155.
Гучков 53, 120, 130, 140, 152, 198, 201.

Давид 34, 73 90, 93.
Дан 12, 32—34, 36, 112, 115, 118, 198, 199.
Дараюка 143.
Дашинский 174—176.
Дебюнне 13.
Дитман 167.
Дубровин 93.

Екатерина II 20.

Жордания 80, 96, 112, 176.
Жорес 68, 86, 87, 186.
Жуковский 50.

Засулич 49, 69.
Зеверинг 123, 191, 196.
Зомбарт 48.
Зорге 47.
Зюдекуль 75, 79—81, 89, 93, 101.

Иорданский 93—95.

Калита 21.
Кампфмейер 88.

Каплан 115.
Катаяма 58.
Каутский 5—7, 12, 14, 48, 54, 65—68, 72—74, 80, 85, 102, 103, 106, 111, 173, 174, 199.
Кейль 88.
Келлог 171, 174.
Керзон 58.
Керенский 140, 152, 198.
Клаузевиц 6—8.
Клейнборт 94.
Коковцов 27, 31, 120, 121, 129.
Колчак 122—126, 133, 192, 198, 199.
Корнилов 131, 198.
Коссовский 96, 101, 102.
Кригер 58.
Криспин 105, 121, 167, 186.
Кунов 93.
Кутепов 12, 13, 178.

Левицкий 79, 91, 92, 102.
Легин 73, 79, 80.
Ленин 3, 6, 15, 19, 20, 25, 27, 35, 37—47, 50—55, 59, 63, 65, 69, 70, 74, 75, 92, 97, 104, 105, 109, 115, 116, 125, 126, 130, 133—137, 139, 143, 146, 147, 151—157, 175, 188—190, 194, 201, 202, 204—208.
Либкнехт В. 11, 75, 81—83, 125.
Лонге 54, 121, 167, 186, 187.
Лукьянчиков 198.
Львов 53, 140, 152, 203.
Людендорф 129.
Люксембург Роза 69, 71—74, 102, 130, 189.
Ляхов 57.

Мадар-Лал-Динфа 58.
Макдональд 9—12, 54, 130, 132, 144, 145, 155, 162, 178, 186, 191, 197.
Маркс 6, 20, 38—50, 52—54, 64, 65, 67, 92, 153, 161, 166, 168, 170, 172, 175, 182, 183, 204, 205.
Мартов 34—36, 54, 92, 93, 96—101, 115, 210.
Маслов 90—93.
Меринг 102.
Мещерский 32.
Милюков 21, 22, 39, 31, 53, 83, 90, 91, 98, 119, 121, 129, 198, 201, 203.
Минто, лорд 58.
Модильяни 143, 186.
Муравьев-Амурский 98.
Муранов 105.
Муссолини 164, 188.
Мюллер 163, 196.

Набоков 31.
Наполеон I 14.
Николай II 23—27, 49, 61, 82, 203.
Носке 125, 155, 191.

Ольберг 209.

Пайдель 142.
Петровский 105, 109.
Петш Гуго 88.
Пернерсторфер 59.
Плеханов 36, 37, 64, 69, 78—83, 85—90, 93, 95, 96, 101, 113, 183, 198, 199.
Потресов 79, 90, 92, 97, 98, 100.
Пресман 186.
Пуанкаре 115, 197.
Пуришкевич 91, 93—95.

Ренодель 178, 197.
Родзянко 95, 198.
Рожков 89, 90.
Романовы 41, 92.
Рувье 27.
Рузвельт 25.

Савинков 115, 199.
Самба 97.
Сазонов 82.
Сипягин 116.
Смирнов 79, 92.
Сорокин 12, 116.
Сперанский 30.
Сталин 46, 206.
Стессель 34.
Столыпин 116.
Струве 28, 31, 90, 93.
Суварин 109.
Сун Ят-сен 13, 57, 58.
Суханов 53, 65.

Тарле 117.
Тихомиров 116.
Ткачев 47.
Тома, А. 146.
Томас 145, 155.
Троцкий, Л. 36, 45, 104—110.

Урицкий 116.

Фейербах 85, 166.
Финн-Енотаевский 79.
Франк 129.
Фроссар 167.

Хилквитт 54.
Хорти 142, 164.

Цанков 144.

Чан Кай-ши 110, 122—124.
Череванин 77, 79, 91, 102.
Чернов 53, 54, 130.
Чхеидзе 76, 77, 105, 109, 140.
Чхенкели 105, 108.

Шейдеман 3, 31, 75, 79, 125, 131, 143.
Штюрмер 202.

Эберт 143, 144.
Энгельс 6, 19—22, 38, 40, 43—50, 52, 53, 64, 67, 88, 92, 156, 161, 204, 205.
Энзис 102, 182.
Эррио 178.

Юнг 177.

Ярославский, Ем. 62

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие 3

I. Вместо введения. О связи внутренней политики с внешней . . . 5

II. Иностранная политика русского царизма и либерализма. Какую иностранную политику пришлось поддерживать меньшевикам 18

III. Позиция меньшевизма и большевизма в русско-японской войне 32

IV. Маркс, Энгельс и Ленин о соотношении между русской революцией и революцией международной 44

V. Первая русская революция и II Интернационал 55

VI. Позиция меньшевизма в мировой империалистской войне. Как меньшевизм превратился в социал-шовинизм . . . 76

VII. Позиция троцкизма в мировой империалистской войне . 104

VIII. От «оборончества» к интервенционизму 111

IX. Позиция «международного» меньшевизма во время кронштадтского восстания 118

X. Позиция «международного» меньшевизма во время конфликта из-за КВЖД 122

XI. Свиток преступлений 128

XII. Софизмы изменника 135

XIII. Что сделает социал-демократия во время войны 158

XIV. Чем «интересен» сейчас русский меньшевизм 194

XV. Вместо заключения. Международная политика большевизма 201

Именной указатель 211

